

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

№ 1 (64) 2019

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризона (США).

Гаман-Голутвина О.В. – доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, директор Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МИД России (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Рогов С.М. – научный руководитель Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work of MGIMO University, Doctor of Historical Sciences, Professor. Deputy Editor-in-Chief.

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Doctor of Political Sciences, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Director of Center for Central Asian and Afghan Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Head of Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzić S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 15,27 усл. п.л. Заказ № 280.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

История и теория международных отношений

- 7 Wohlforth W. C. – Anarchy Is What Explains the History of International Relations
- 19 Мартынов Б.Ф. – История международных отношений объясняется синергией хаоса, геополитикой и культурой. К дискуссии с У. Уолфортом
- 28 Curanović A. C. – Conventional Wisdom and Contemporary Russian Messianism. A Critical Verification
- 45 Кудрявцева Е.П. – Два канцлера: Меттерних и Нессельроде
- 59 Юнгблюд В.Т., Воробьева Т.А. – Взаимоотношения в треугольнике США – СССР – КНР в конце периода разрядки международной напряжённости (1977–1980 гг.)

ООН в мировой политике

- 83 Мамедова А.О. – США и Великобритания в ООН: фактор особых отношений (2001–2017 гг.)
- 107 Тишков С.А., Лабин Д.К. – Институционализация полицейского миротворчества ООН

Политика и экономика отдельных государств

- 129 Дементьев А.В. – Неофранкизм и проблема территориальной целостности современной Испании
- 147 Науменко Т.В., Тимахов К.В. – Саудовская Аравия и её конкурентоспособность среди стран Ближневосточного региона

РЕЦЕНЗИИ

- 168 Пономарева Е.Г. – По ту сторону Водораздела. Рецензия на книгу Фурсова А.И. Водораздел. Будущее, которое уже наступило. М.: Книжный мир, 2018. 349 с.

Table of Contents 1 • 2019

RESEARCH ARTICLES

History and Theory of International Relations

- 7 Wohlforth W.C. – Anarchy Is What Explains the History of International Relations
- 19 Martynov B.F. – Chaos Synergy, Geopolitics And Culture Explain History Of International Relations. A Critique of William Wohlforth
- 28 Curanović A. C. – Conventional Wisdom and Contemporary Russian Messianism. A Critical Verification
- 45 Kudryavtseva E.P. – Two Chancellors: Metternich and Nesselrode
- 59 Yungblud V.T. Vorobyova T.A. – Relations within «Triangle» USA – USSR – China at the End of Détente (1977–1980)

United Nations in World Politics

- 83 Mamedova A.O. The U.S. and the UK in the United Nations: The Impact of the Special Relationship (2001 – 2017)
- 107 Tishkov S.A., Labin D.K. – Institutionalization of the UN Police Peacekeeping

Politics and economics of individual states

- 129 Dementiev A.V. – Neofrancoism and the Problem of Territorial Integrity of Modern Spain
- 147 Naumenko T.V., Timakhov K.V. – Saudi Arabia's Economic Competitiveness in the Middle East

BOOK REVIEWS

- 168 Ponomareva E.G. – On the Over Side of Watershed. Review of Fursov A.I. Watershed. A future that has already come. Moscow, Book World, 2018. 349 p. (In Russian)

ANARCHY IS WHAT EXPLAINS THE HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

William C. Wohlforth

Dartmouth College, USA

The article examines the major events of the two previous centuries of international relations through main concepts of political realism. The author argues that in order to understand the present dilemmas and challenges of international politics, we need to know the past. Every current major global problem has historical antecedents. History from the late 19th century constitutes the empirical foundation of much theoretical scholarship on international politics. The breakdown of the Concert of Europe and the outbreak of the devastating global conflagration of World War I are the events that sparked the modern study of international relations. The great war of 1914 to 1918 underlined the tragic wastefulness of the institution of war. It caused scholars to confront one of the most enduring puzzles of the study of international relations, why humans continue to resort to this self-destructive method of conflict resolution? The article shows that the main explanation is the anarchical system of international relations. It produces security dilemma, incentives to free ride and uncertainty of intentions among great powers making war a rational tool to secure their national interests.

Key words: anarchy, security, history, uncertainty, bargaining.

Anarchy and the Challenges of Security and Cooperation

Main actors of international relations are states or empires (great powers): sovereign territorial political units recognizing no higher authority. By the time of the late 19th century the states had been formed over many centuries since the Middle Ages. As their governments acquired ever more control over their expanding territory, they engaged periodically in warfare against each other. In this intense, highly competitive environment governments of these major powers became ever better at extracting resources from their societies and tapping technological and organizational developments for the production of military power. They then went on to conquer or dominate most of the rest of the world. The late 19th century «colonial

УДК 327

Поступила в редакцию 28.01.2019 г.

Принята к публикации 20.02.2019 г.

rush» represented the last stage of a process of domination of almost the entire world by powerful European states, their offspring in the new world (e.g. USA), or those few non-European polities that managed to compete with them in the generation of power (Japan).

The great powers that enter the scene in the late 19th century had survived a brutal centuries-long process of nearly constant warfare, creating a sovereign state system that dominated the globe. One of the most basic insights of international relations scholarship is that the political system that results when powerful, sovereign actors interact with each other is very different from other kinds of political systems. Recognizing no higher authority, great powers are sovereign, which means the political system they form is governed by anarchy: a system that lacks any higher authority that can enforce agreements the chief actors may make. This kind of system is in stark contrast to most domestic political systems that are formed on the basis of hierarchy, containing powerful, authoritative institutions that can enforce any contracts agreed to by parties within those political systems. Kenneth Waltz [5] called this anarchical system a «self-help» world, one in which each actor must provide for its own security, indeed must rely chiefly on its own efforts to achieve whatever objectives it may seek.

In this anarchical system, if two states sign an agreement – as, for example, when Germany and the Soviet Union signed a mutual pact of nonaggression, promising each not to attack the other – there is no third force to appeal to should one of the parties to the agreement decide to violate it, as of course happened with the Barbarossa invasion of June 1941. The treaties and agreements that states reach must somehow be self-enforcing. It must somehow be in the states' own interest to continue the agreement. If circumstances change, interests change, and the fact that there is a treaty committing a state to some path of behavior is only the weakest of constraints. And this applies not only to bilateral agreements like the Hitler-Stalin pact but also of course to larger and much more elaborate international institutions, such as the League of Nations or the United Nations. Each of those institutions had to rely in the final instance on their most powerful members – namely the great powers themselves – to enforce its provisions. As soon as those major stakeholders cannot come to a mutual understanding about the provisions of various treaties or the obligations states undertook by signing such treaties, those institutions lose force, as we see in case of the League of Nations and the UN.

In the anarchical system any state may decide to resort to the use of violent force – to unleash war – if it is unsatisfied with the bargain that may be offered by another state. Any state that determines that it can get a better deal by unleashing war may do so. There is, again, no third force to prevent any state's resort to force if it feels it is in its interest. To be sure, the community of states developed principles of international law surrounding the resort to force, but in practice these principles exert a fairly weak constraint on the war-and-peace decisions of states. Having developed within the sovereign system of states itself, international law always recognized the right to use force in self-defense. And, in practice, most states most of the time can come up with a defense

rationale for the use of force. And even if they can't, there is no third party to enforce violations of the international law of war, leaving it up to the other states to do so. And that feeds back into the problem of cooperation just discussed: if all states agree collectively to enforce international law there is no force other than their own self-interest to compel them to do so if doing so should harm their fundamental interests. This is the story of the failure of the League of Nations. This potential for any state to try to use force to get what it wants is thus an ever-present background reality in an anarchical system. It is the unwritten clause in every treaty.

Scholars of international relations disagree about how powerful a force this problem of anarchy actually is. Realists place the greatest emphasis on the effect of the absence of rule among states. Liberals and constructivists show that in some circumstances the effects of anarchy can be attenuated by the actions of states or even in some instances nonstate actors. But for our purposes the key point is that almost all scholars agree that the absence of governance authority in international politics does present special challenges to cooperation and conflict.

This debate over the effects of anarchy yields roughly two ways one can interpret the history of international relations. The more pessimistic reading is the realist view of these events as exemplifying the «tragedy of great power politics» [4], to use John J. Mearsheimer's apt phrase. The story begins with the attempt after the Napoleonic wars of the turn of the 18th and 19th centuries to create a system of coordinating the policies of the great powers based on a few restraining norms and a practice of great power consultation on matters of common concern— the Concert of Europe or the Vienna system. In the lead up to 1914 the major powers increasingly exempted themselves from this system's already weak norms, pursuing their own self help in ways that ultimately primed Europe for war. Because of the unwieldy combination of alliances, commitments and security problems that had built up over the years, Vienna's effort to deal with what it thought were its existential security problems via punishing Serbia in 1914 morphed into a war which led to the destruction of not only the Austro-Hungarian empire itself, but of the Ottoman and Russian empires as well. This massive war led to a concerted effort to try to cooperate in the fashioning of a more stable international system. Tragically, is that the Versailles Peace agreement that was reached by the powers in 1919 contained within it the seeds of its own destruction. The great powers' efforts to finally look ahead and tame the baleful consequences of anarchy through a new international institution, League of Nations, also fell afoul of the fact that any power could exempt itself from the system if it so chose, as the United States did by failing to participate in the first place.

By the 1930s it was clear that the powers were back in a world of self-help, but even here, their efforts to counter the threat emanating from revisionist powers to create a stable system using the traditional mechanisms balancing alliances once again failed with Germany's, Italy's and Japan's decisions to forcefully create a world order to their liking. The resulting conflagration, dwarfing the First World War in death, destruction and implications, once again led to a flawed attempt to create peace in 1945. The major

powers failed to reach peace settlements in both Europe and Asia, which ultimately led to the Cold War. And that intense rivalry hamstrung the more ambitious attempt at global governance, the United Nations. Even the effort at the end of the Cold War to get the United Nations to live up to its original potential seems to be falling prey yet again to the rise of great power rivalry, disagreements over the nature of international order, and the continuing permissive effect of anarchy, allowing states to resort to force to influence conflicts as they choose.

But there is a second more progressive and optimistic narrative: an endless and insistent effort by states and other international actors to try to regulate their behavior and cooperate in the interests of peace. While realists point to the tragic ends of major efforts at international cooperation, their liberal and constructivist colleagues are impressed by the fact that states and non-state actors never give up trying. The dramatically increased power and influence and authority of the United Nations, as imperfect as it is, when compared to all international institutions that preceded it, is a case in point. The massively increased ambition and scope of international law is another. Many note the heightened activity of the United Nations in peacekeeping, peace building, mediation and other crucial diplomatic activities with the end of the Cold War deadlock. And although they may see the emerging apparent increase in great power tensions and its effect of slowing down or indeed perhaps reversing the increased activity of the United Nations in peace and security affairs, they nonetheless see in the events of the last 25 years the potential for a more institutionally rich, more cooperative international setting, one that flies in the face of the tragic narrative so beloved of realists [2].

Whichever narrative is more compelling, the basic problem of anarchy identified in international relations theory gives one a toolkit of arguments and models that one can use to help understand the patterns of behavior and outcomes of international relations.

The Challenge of Bargaining in the Face of Changing Power Relations

With no higher authority to enforce agreements, great powers face a big challenge when their underlying capabilities change over time. When a state's relative capabilities change, so does its bargaining power. Under anarchy, any state that is dissatisfied with the terms on offer from another state can threaten to use force if it thinks that by so doing it may get a better deal. An agreement reached at one time may come to be seen as an intolerable imposition if increased relative power gives one party reason to believe that it could, if it made the deal today, secure much better terms. Treaties, agreements, norms, understandings, and even entire international orders are vulnerable to destabilization or revision as the underlying distribution of capabilities changes. And that, as historian Paul Kennedy pointed out, is an inescapable reality of international politics: «The relative strengths of the leading nations in world affairs never remain constant, principally because of the uneven rate of growth among different societies and of the

technological and organizational breakthroughs which bring a greater advantage to one society than to another». [3, p. xv-xvi].

And this was the fundamental problem of the period, that historian E. H. Carr called «the 20 years crisis»[1], that turbulent time between the first and second world wars. For the victorious powers in 1919 crafted a peace agreement highly disadvantageous to two states whose capabilities had most dramatically declined as a result of the war: Germany and the Soviet Union. What the crafters of the Versailles peace failed to plan for was the inevitable increase in these two countries' capabilities, and thus their bargaining power and consequently their dissatisfaction with the post-World War I order. This basic problem underlay the complex diplomacy of the entire inter-war period. France was too insecure to offer Germany the concessions needed to ease Berlin's dissatisfaction with international order. British statesmen ultimately understood that the best path to peace would be to try to engineer concessions to Germany as its power increased so as to avert a situation in which it was extremely dissatisfied. But in the early post war years Britain was incapable of offering France the security guarantees it would have needed to acquiesce to those concessions. Paris's problem was that many of the key concessions themselves would make Germany even stronger, which would then increase its bargaining capabilities even further. With no third force to provide security, France was unwilling to make adjustments to the restrictive terms imposed upon Germany. For its part, the Soviet Union needed above all to avoid a situation in which all of the «imperialist» states ganged up on it. So a constant concern of its diplomacy was to keep Germany and the Western powers at loggerheads, something it achieved brilliantly.

This fundamental challenge of bargaining under anarchy in a situation of rapidly changing power relations can be seen in almost every diplomatic endeavor of the period. E. H. Carr's view of the Locarno treaty is but one of a myriad of potential examples: «The first proposal for a treaty guaranteeing Germany's western frontier was made by Germany in December 1922, and was emphatically rejected by French prime minister and Minister for Foreign Affairs Raymond Poincaré. At this period (it was the eve of the Ruhr invasion) Germany had everything to fear from France, and France nothing to fear from a helpless Germany; and the treaty had no attraction for France. Two years later the position had changed.... French fear of Germany was about equally balanced by Germany's fear of France; and a treaty which had not been possible two years before, and would not have been possible five years later, was now welcome to both.... Ten years after its conclusion, the delicate balance on which it rested had disappeared. France feared Germany more than ever. But Germany no longer feared anything from France. The treaty no longer had any meaning for Germany» [1, p. 209].

The dilemma in Carr's story is clear: the convergence of interests required for the Locarno treaty was the result of Germany's achievement of a rough parity in capabilities with France. But because interests change with relative power, the passage of time undermines the interest convergence necessary for an agreement. The changing distribution of capabilities explains the Franco German divergence in 1922 – 23, conver-

gence in 1924, and divergence again in the 1930s. Peaceful change requires a smooth adjustment to the changed relations of power, but the deep challenges of bargaining make such adjustments an extraordinarily difficult task for diplomats. And that challenge is exacerbated by the classic problems of uncertainty and collective action.

The Challenge of Collective Action under Uncertainty

Bargaining under anarchy is hard enough in the face of shifting power, but it's complicated even further by uncertainty about the intentions of other states. In international politics, one of the main questions about intentions is how strongly committed a given state is to defend a particular status quo, or, conversely, how intent a state is on upsetting a given status quo. If two states are bargaining over whether to change a given international system and one likes things the way they are and the other wants to change them to better fit its interests, what each wants to know about the other is how committed it is to its stance. A major problem, however, is it is extremely difficult to discern another state's intentions.

Let's look at the problem from the standpoint of a state that is revisionist, that is, one that would like to alter the international system to better fit its interests. The revisionist must signal its dissatisfaction with the status quo, else there is no way to get the bargaining going. You need to express dissatisfaction with the status quo by making some claim against another state. A revisionist state cannot pretend not to be revisionist at all. But, revisionism comes in many varieties, ranging from a state that may just want a few small territorial adjustments to one that actually seeks a revolutionary overthrow of a given international order. If those states that like the existing international order knew for certain that the revisionist state had such revolutionary intentions, they would face powerful incentives to contain the power of that revisionist early in the bargaining game.

This is the meaning of Henry Kissinger's maxim that «it is only to posterity that revolutionaries seem unambiguous». For the revolutionary leader knows that to expose his true aims is to invite destruction while he is still weak. A revolutionary revisionist, therefore, faces incentives to portray itself as a reasonable, limited aims revisionist. The problem for the status quo states is that they know that the revisionist faces those incentives, and must somehow find a way to craft policies that would allow them to tell for certain whether the revisionist is a true threat to their fundamental interests, or one that can be accommodated. This can be seen as one of the most challenging tasks of statesmanship. That is the story of the efforts to deal with the phenomenon of Hitler's Germany in the 1930s. Obscured by the clarity of hindsight is the fact that for the statesman of the time there were really two Hitlers. There was the Hitler who thundered "Germany is just the beginning. We need Europe and its colonies" and the Hitler who outlined seemingly limited revisions to the unfair Versailles treaty. In private, he explained: «It is necessary to make pleas for peace and avoid any territorial claims until we have become strong». Not privy to most of these private discussions

at the time, external players could not be sure. Which was the real Hitler? It was hard to tell.

In addition to this challenge of uncertainty, efforts to contain the potential threat of Nazi Germany in interwar Europe faced a second dilemma, namely the problem of collective action. From the standpoint of the status quo states, a balance of power that would contain Germany's aspirations was a public good: a good that could be enjoyed by all members of a potential status quo coalition, whether or not any given state paid for it, and from which no member of the status quo coalition could be excluded once it was provided. The fundamental problem of such public goods is *free riding*. Because you can enjoy the good even if you don't pay for it, your strong incentive is to avoid paying for it if you think somebody else is going to do it. A credible alliance that would contain Hitler suffered from this core free riding problem. France and Great Britain would have been delighted if the Soviet Union would step forward and pay the costs of containing Hitler. Those costs would be measured along many dimensions, including reduced cooperation with Germany, increased defense expenditures, and, most important, the risk of receiving the full brunt of Germany's military power in case of war. The Soviet Union, naturally, faced exactly the same incentive – much better if the imperialists fight among themselves than if they gang up on the globe's sole socialist state.

So now we can see how the statesman of the 1930s confronted an extraordinarily difficult challenge. That challenge was further exacerbated by the fact that most of the governments of the time believed that defense tended to have the advantage in war over offense. This was a reasonable inference from the experience of the First world war, characterized by relatively static trench warfare in which defenders could wreak terrible destruction on attacking troops. If you believe the defense has the advantage, then free riding is even more tempting, because you don't expect the aggressor to be able quickly to seize territory and transform it into more capabilities that can then be turned against you. Rather, your expectation is of a bloodbath among whatever countries are unfortunate enough to be the first to go to war, leaving you to step in at the most opportune time to reap the greatest benefit at the least cost in blood and treasure. Needless to say, the one country that more by the luck of geography than by brilliant statesmanship managed to free ride until late in the game—the USA—radically improved its power position as a result of the war.

The failure of states to create a credible alliance against the threat emanating from Nazi Germany is often told as a morality tale. The evil, craven, capitalist appeasers in Paris and London, or the rapacious totalitarian autocrat in the Kremlin somehow suffered from some defect of character or intelligence or they were so blinded by ideology that they were unable to cooperate together to stop Hitler. Insights about uncertainty and collective action as developed in international relations theory point to the structure of the situation those inevitably flawed statesmen faced. Until late in the game, it remained very unclear just how big a threat Hitler was, and even as glimmerings of the true nature of the threat emanating from Berlin became evident, the incentives to seek your own national interest to avoid the horrific cost of containing Germany were overpowering.

The Challenge of the Security Dilemma

While the guns of the Second world war were still blazing, the major powers conceived and began to implement a new international institution meant to foster cooperation in the pursuit of peace and security, the United Nations. But the aspirations attendant upon this new undertaking increasingly ran up against a powerful countercurrent: intense security competition between the erstwhile wartime allies, chiefly the United States, Britain, and the Soviet Union. As a result of this tension, World War II ended not with a big peace settlement à la Vienna or Versailles that would come to define the post war era. Rather, an unplanned new structure of international politics took shape that was itself the product of the superpower rivalry.

What explains this dramatic shift from alliance to Cold War? All the challenges already discussed played roles, chiefly the difficulty of bargaining and cooperating in an anarchical interstate system in the face of rapidly changing power. But the emergence of the superpower rivalry illustrates yet another major challenge in international politics, the problem of the security dilemma. This dilemma arises when the policies by which one state seeks to secure itself tend to decrease the security of another state, which takes compensatory actions that then feed back to the insecurity of the first state, reinforcing a spiral of mistrust, competition, arms racing and expensive, dangerous security competition.

The key insight of this model is paradoxical: even states solely interested in their own security – with no interest in expansion – may end up in a highly competitive rivalry that leaves them less secure. The emergence of the Cold War can be seen as a series of discrete choices by Moscow and Washington. Each choice can be thought of as a binary decision either to cooperate with the other side or to defect from cooperation in a unilateral search for security. For example, if your armies occupy territory, you can negotiate with the other side about the disposition of those territories or simply keep your army in place and use it as an instrument of power to transform the occupied territory into a member of your "camp." Both sides could dramatically lower the risks of war, and reduce the high cost of security competition, if they could avoid a competitive struggle to control territory. And yet as detailed in chapter 10 this is precisely what both superpowers did. The Soviet Union progressively and systematically transformed the territories occupied by its army into reliable «socialist» allies, a process of Sovietization that ultimately frightened many in the West, increasing their incentives to cooperate with each other in pursuit of security. The United States, for its part, steadily began to consolidate the Western parts of Germany and Europe into what would eventually become the NATO alliance.

Cumulated over time, these decisions left each superpower in an undesirable security posture from the standpoint of the ways they themselves had traditionally defined their security. Recall that for Moscow the chief object of foreign policy was to avoid an alliance of «imperialist» states that would amalgamate all of the power of the capitalist countries and direct it against the Soviet Union. Yet this precisely the effect its policies

in Central and Eastern Europe—as well as its «probes» in Iran and elsewhere—produced. For its part, the United States had a very long-standing tradition of wanting to avoid permanent security entanglements with Europe. Documentary records show high US officials as late as Dwight D. Eisenhower's administration desperately seeking to reduce the commitments to Europe that would ultimately entangle their country's security with that of the old world. And yet again they ended up adopting policies that produced precisely that effect, bringing their armies cheek by jowl with those of the Soviet Union and thus generating the geographical proximity that would feed intense arms races and crises for the next 45 years.

National historical narratives on both sides of the Cold War often portray the struggle as the result of a threat emanating from the other side. Often, the driving force is said to be the nature of the domestic ideology or institutions of the other side—revolutionary Marxism and totalitarianism versus bourgeois capitalist imperialism. International relations scholars tend to favor a security dilemma perspective. In this view both sides are to some degree expansionist in the sense that they sought to increase their power and influence over the international system compared to what they possessed before the Cold War. But as security dilemma theory sees it, each was driven to policies that appeared expansionist to the other primarily by insecurity. The key is that in all the interactions that result in the fateful decisions that generated their mutual Cold War, cooperation required that each side trusts the other side to reciprocate that cooperation. If the other side sought to exploit one's cooperative move the result could be devastating. Soviet leaders feared that if they did not consolidate Soviet style control in central Europe, Western forces would manipulate the domestic politics in such a way as to cause these states to adhere to a hostile bloc and bring a potential threat closer to Soviet borders. Having lost over 25 million lives in the Great Patriotic War, that was a risk they were reluctant to take. But the same went for the western side, fearing that if they failed to take action to provide security to displaced populations impoverished by the war, Moscow-friendly communist parties might take power and extend the reach of the Soviet Union all the way to the shores of the Atlantic Ocean.

Each side reasoned that the safer move was to defect rather than cooperate. Each side's reasoning in terms of the security dilemma model goes something like this. «If the other side suspects that I am going to defect and unilaterally take control, then it will defect. And in fact, I am tempted to defect, so they must assume that I'll defect which means they will defect, and that means I should defect». That same reasoning of course goes for both sides. It's driven by three features of international politics that theorists highlight: the uncertainty of intentions (it's impossible to know for sure the intentions of another state, especially what that state may intend to do in the future); risk aversion (in international politics, it often pays to be very reluctant to run the risk that a cooperative move might entail); and the downside costs of unreciprocated cooperation (cooperating when the other side defects and takes advantage of you leads to dramatic losses in security, as compared to the lower perceived risks of defecting when the other side cooperates). These three features that typified the setting in which Mos-

cow and Washington operated pushed the two superpowers toward competitive policies that seemed necessary and rational in each instance, but cumulatively left them less secure. If you think about it a bit, you can see how the same dynamic occurred when it came to the arms competition.

Conclusion: Lessons for 21st Century International Relations

The history of the Cold War's latter years and eventual end belies the claim that in an anarchic system states will always choose short-term unilateral security maximization over attempts to cooperate in the interests of more stable and longer-term security. After weathering frightening crises in Berlin and Cuba, and devastating wars and proxy wars in Asia and Africa, the superpowers did begin to cooperate in placing some boundaries on their rivalry. These measures demonstrated at least the glimmerings of a capacity to develop some level of trust, enabling the powers to choose to cooperate rather than defect in at least some key areas and so rendering the latter Cold War less frightening and somewhat less costly if measured in terms of the proportion of GDP spent on defense and the frequency of intense crises. As the world begins to adjust to a notable increase in great power rivalry, the experience of those years presents useful material for statesmen and scholars to study as they ponder optimal strategies.

Perhaps the most dramatic example of an effort to break out of the tragedy of international politics via strong cooperative moves is Mikhail Gorbachev's new thinking policy. In a way, the series of policies emanating from Moscow in the years after 1986 can be interpreted as an effort to break out of the Cold War security dilemma. Gorbachev and his fellow new thinkers were seeking to convince their erstwhile rivals chiefly in the West but also in Asia that the Soviet Union was motivated solely by its own security and was uninterested in expansion. Accepting terms for arms agreements that had previously been thought to be very unfavorable to Soviet interests, unilaterally reducing forces in central Europe that were seen in the West as threatening and opening up domestic discourse to reduce uncertainty about intentions were all meant to defuse the fear and mistrust that drove competitive Cold War policies. From today's vantage point, these policies might seem to have ill-served the state interest of the Soviet Union, which at this time began to enter an economic and political crisis that led to its demise. But the foreign policy and domestic policy pursued in this period were distinct. It is possible to imagine a USSR with a more resilient and robust domestic system potentially successfully de-escalating the Cold War via Gorbachev style policies and yet surviving at least in part. Again, if we are careful to distinguish the fate of Gorbachev's domestic initiatives from his foreign policy, those years may contain very useful lessons to today's statesman if they seek to avoid the dangerous and expensive spiraling competition that can emanate from a security dilemma.

But there may well be lessons, too, from the way the West, led by the United States, handled the final years of the Cold War and the first post-Cold War years. For what drove the innovative but also concessionary grand strategy of Gorbachev was in part

apprehensions of decline, concern that the USSR would not be able to sustain the material burden of an endless cold war struggle with the much richer US-led coalition. And there's at least some evidence that Western leaders perceived this reality and therefore made sure not to make too many concessions to Moscow. In particular, a redline for Western leaders was any concession that might call into question the core institutions of the Western alliance, chiefly NATO. In a sense the innovative strategy that began to bring the Cold War to an end was born of weakness, and the stronger side saw no need to make the concessions that would have been necessary to create a new, equitable order that included all of the Cold War's former protagonists.

In other words, the weaker side was doing most of the innovating, while the stronger side sought to preserve the core elements of the system it had created during the Cold War, one that it felt best reflected its security interests. Yet the post-Cold War order that emerged did have elements of fragility in that it never fully incorporated all of the Cold War's key protagonists. Once again, therefore, the law of the uneven development of power began to place stress on the order that emerged in the Cold War's wake. It might have suited the longer-term interests of the stronger side in the Cold War to have fashioned a more inclusive order, one more robust to changes in power relations. Perhaps it is not too late to engineer what historian E.H. Carr thought was needed in the interwar years, namely a «peaceful adjustment to the changed realities of power».

References

1. Carr E.H. *The Twenty Years' Crisis 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations*. New York: Perennial, 1939. 244 p.
2. Ikenberry G. John. *After victory: Institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars*. Princeton University Press, 2001. 312 p.
3. Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers*. Random House, 1987. 677 p.
4. Mearsheimer J. J. *The tragedy of great power politics*. WW Norton & Company, 2001. 592 p.
5. Waltz K.N. *Theory of international politics*. 1979. 251 p.

About the author:

William C. Wohlforth – Daniel Webster Professor of Government, Department of Government, Dartmouth College. Hanover, NH 03755, USA. E-mail: william.c.wohlforth@dartmouth.edu.
Leading Scientist, Laboratory of International Trends Analysis, MGIMO University. 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. E-mail: william.c.wohlforth@dartmouth.edu.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ОБЪЯСНЯЕТСЯ СТРУКТУРНОЙ АНАРХИЕЙ

У. Уолфорт
DOI 10.24833/2071-8160-2019-1-64-7-18

Дартмутский колледж, США

В статье рассматриваются основные события двух предыдущих веков международных отношений через основные концепции политического реализма. Автор утверждает, что для понимания нынешних дилемм и вызовов международной политики, нам необходимо знать прошлое. Каждая современная глобальная проблема имеет исторические корни. История конца XIX в. представляет собой эмпирическую основу многих теоретических исследований по международной политике. Развал Европейского концерта и начало всепожирающего глобального пожара Первой мировой войны дали старт современному изучению международных отношений. Эта война подчеркнула высокую человеческую цену института войны. Учёные сразу же столкнулись с одним из вечных вопросов относительно войны: почему люди продолжают прибегать к этому саморазрушающему методу разрешения конфликтов? В статье показано, что основным объяснением является анархическая система международных отношений. Она порождает дилемму безопасности, создает стимулы для проблемы «зайца», порождает неопределённость в намерениях великих держав. Всё вышеперечисленное приводит к тому, что война становится рациональным инструментом защиты национальных интересов.

Ключевые слова: анархия, безопасность, история, неопределенность, торг.

Список литературы:

1. Carr E.H. 'The Twenty Years' Crisis 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations. New York: Perennial, 1939. 244 p.
2. Ikenberry G. John. After victory: Institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars. Princeton University Press, 2001. 312 p.
3. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Random House, 1987. 677 p.
4. Mearsheimer J. J. The tragedy of great power politics. WW Norton & Company, 2001. 592 p.
5. Waltz K.N. Theory of international politics. 1979. 251 p.

Об авторе:

Уильям Уолфорт – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа. Hanover, NH 03755, USA. E-mail: william.c.wohlforth@dartmouth.edu.

Ведущий ученый Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: william.c.wohlforth@dartmouth.edu.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ОБЪЯСНЯЕТСЯ СИНЕРГИЕЙ ХАОСА, ГЕОПОЛИТИКОЙ И КУЛЬТУРОЙ: К ДИСКУССИИ С У. УОЛФОРТОМ

Б.Ф. Мартынов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Автор статьи в формате дискуссии с У. Уолфортом предлагает альтернативный ответ на ключевой вопрос науки о международных отношениях – почему люди регулярно прибегают к такому саморазрушительному способу решения конфликтов, как война. Текущее обострение отношений между Россией и Западом, по мнению автора, позволяет по-новому ответить на этот вечный вопрос. С помощью исторических примеров и логических размышлений автор доказывает, что в международных отношениях правит не столько структурная анархия, сколько «природно-стихийное начало», которое не зависит от воли людей и проявляется в событиях, кажущихся случайными и иррациональными. Рационально познать это начало можно, изучая влияние классической геополитики и культурно-цивилизационной динамики (особенно правовой культуры) на международные отношения. Именно эти аспекты, по мнению автора, объясняют и холодную войну, и её текущее «второе издание». Учёт цивилизационно-культурных, исторических, лингвистических и правовых особенностей акторов становится залогом адекватного понимания международной реальности. Следует также отметить, что культурно-цивилизационные особенности влияют не только на практику международных отношений, но и на подходы к их изучению. Так, по мнению автора, теория политического реализма в России была переосмыслена в свете максимы: «Не в силе Бог, а в правде». Важной категорией российского реализма является «справедливость». Таким образом, ответ на поставленный вопрос можно сформулировать следующим образом: государства вынуждены иногда воевать друг с другом в силу геополитических противоречий, осложнённых культурно-цивилизационными различиями.

Ключевые слова: реализм, холодная война, геополитика, культура, «природно-стихийное» начало, международные отношения, международное право.

УДК 327

Поступила в редакцию 28.01.2019 г.

Принята к публикации 20.02.2019 г.

«Сегодня мы знаем» – так называется ставшая известной монография Дж. Л. Гэддиса [7], посвящённая холодной войне. Большое видится на расстоянии. Чтобы понять, почему люди для решения конфликтов прибегают к «такому саморазрушительному способу, как война», нужно взглянуть на события XX в. со стороны с учётом исторического опыта и накопленных на сегодняшний день знаний. Можно полностью согласиться с У. Уолфортом в том, что корни настоящего нужно искать в прошедшем. Но не менее справедливо и обратное: попытки разобраться в сложном и чреватом опасностями настоящим помогают лучше понимать прошлое.

«Второе издание» холодной войны позволяет по-новому осмысливать происходящее. Новые подходы к изучению и пониманию международных отношений необходимо искать, т.к. прежние способы его постижения, кажется, уже не работают. Сегодня, а) к исследованию международных отношений мы всё чаще начинаем привлекать *цивилизационно-культурные* реалии, не ограничиваясь, как ранее, только экономическими, политическими и социальными; б) пытаемся нащупать под ногами хоть какую-то «твёрдую почву» мы, наконец, вспомнили «хорошо забытое старое»: геополитику, как постоянную и мало подверженную конъюнктурным колебаниям основу международных отношений. И, наконец, в) поступившись многими ранее непререкаемыми постулатами рационализма, мы постепенно, прямо или косвенно, начинаем признавать присутствие в истории некоего *иррационального начала*, которое воздействует на неё через элемент *случайности*.

Синергия хаоса или «природно-стихийное начало» в международных отношениях

Соглашаясь, в принципе, с тезисом У. Уолфорта об отсутствии в международных отношениях авторитета, способного понуждать «великие державы» действовать вопреки своим национальным интересам, вступать в союзы, соблюдать договоры и т.д., добавим: за одним исключением. Под ним мы понимаем *синергию хаоса, или «природно-стихийного начала», которое воздействует на Историю независимо от воли людей* [1, с. 19]. Таким образом, анархичность международных отношений своей обратной стороной всё же имеет некий предустановленный «порядок», глубинная сущность которого, правда, неподвластна нашему пониманию. Хорошей иллюстрацией этого является Первая мировая война, которая возникла вопреки всем «объективным» обстоятельствам, экономическим императивам, воле и намерениям тогдашних правителей Европы, умонастроениям простых людей, да и так называемому «здравому смыслу» вообще.

Значит ли это, что мы бессильны в изучении истории и все наши прогнозы обречены на провал? Нет, и практика доказывает нам это в тех случаях, когда элемент непредсказуемости в них компенсируется за счёт включения ранее

игнорируемых или слабо изученных материй, а именно – *геополитики и культуры*. От соотношения сил между ними зависит, в частности, соблюдение (или несоблюдение) такого важного международно-правового принципа, как *pacta sunt servanda* («договоры должны соблюдаться»). А это, в конечном счёте, определяет собой мирный или немирный путь решения того или иного конфликта, поскольку в отсутствие силы права всегда начинает действовать право силы.

Геополитика

С геополитикой всё более или менее ясно. *Сегодня мы знаем*, что в основе холодной войны лежала не столько идеология, сколько почти исключительно – геополитика, иначе нынешние отношения России и Запада не напоминали бы столь живо её «вторую фазу». Мало того. «Неразрывный», по У. Уолфорту, континуитет: «прошлое – настоящее – будущее» заставляет многих в наши дни вспоминать о «Большой игре» середины и конца XIX в. между Российской и Британской империями, как чуть ли не о первом «издании» холодной войны! [8]. Географию, наверное, можно время от времени игнорировать, но её нельзя «отменить». Исторические параллели сплошь и рядом подчёркивают незыблемость геополитических реалий и неизменность основанных на них интересов.

Культура

Культурные пласты международных отношений залегают глубже, но от этого они не менее важны. События последних лет всё больше заставляют нас воспринимать международное право уже не как одинаковую для всех *данность*, а в качестве особой *ценности*, обусловленной *цивилизационно-культурными, историческими, лингвистическими* факторами. Ведь уважение к международному праву, которого сегодня всем нам так не хватает – это, пожалуй, единственное, что может гарантировать его соблюдение государством в отсутствие внешнего принуждения. Уважение – залог соблюдения договоров порой даже в тех случаях, когда геополитика диктует иное. Мы далеки от идеалистического представления о том, что «миром движет мораль», но само понятие «авторитет государства» неизбежно включает в себя моральные императивы, иначе сегодня мы не рассуждали бы столь активно о «мягкой», «умной» и иной силе.

«Главная опасность в том, что нам неизвестны намерения нашего оппонента». И это верно. Добавим, к тому же, что нам неизвестен и замысел «*природно-стихийного начала*» в наших нынешних и будущих отношениях с оппонентом. Отсюда – отсутствие доверия, которое выводит на «дилемму безопасности», связанную с желанием, во что бы то ни стало, избежать рисков. Однако изучение постоянных величин, а кроме геополитических реалий такой является культура, если более конкретно – то *политическая и правовая* культура нашего оппонента (вещь столь же мало подверженная колебаниям, как и геополитика),

помогает не выходить на полный «ноль» в определении его текущих и будущих намерений. Это необходимо, чтобы в меру наших скромных сил и возможностей обеспечивать «мирное приспособление к изменению соотношения сил» в международных отношениях.

Право в разных культурно-исторических средах воспринимается по-разному. В силу того, что в англосаксонском мире укоренились принципы прецедентного «общего права», правосознание представителей этого мира определяется высоким уровнем прагматизма и нацеленностью на *достижение конкретного результата в кратчайшие по времени сроки*. Оно отличается от правосознания, сформированного «континентальным» правом [3], основанным на жёсткости кодифицированной нормы и сложности её изменения. Первыми об этом, кстати, заговорили специалисты по этике ведения бизнеса [4]. Остаётся только пожелать, чтобы и представители политических наук плотнее занялись этой темой.

Если не вдаваться в детали, то в правосознании народов, принадлежащих к континентальной системе, право, как, впрочем, и мораль, – это *должное* (т.е. то, что нужно делать), тогда как в правосознании, основанном на принципах «common law» – это *сущее* (т.е. то, что происходит «здесь и сейчас»). Отсюда и разница в сроках осуществления конкретного интереса, когда акцент в первом случае делается на *долгосрочных*, а во втором – на *краткосрочных* перспективах.

Российская (и советская) правовая культура, исторически питавшаяся от континентальных корней, обладает в то же время своей, ни с чем не сравнимой спецификой: её акцент на *мораль* и *справедливость* при известной доле скептицизма и даже, порой, нигилизма в отношении формальных норм, хорошо известна, а приоритет долгосрочного над краткосрочным во внешней политике и императорской России, и СССР, и так называемой «новой» России, порой просто зашкаливал. Вера в «святость» договора, в данное кем-то обещание или, наконец, даже просто в идею или в «честное слово» (!) почти всегда, за редкими исключениями, уводила её внешнюю политику с рельсов достижения конкретных прагматических целей на неизведанные пути поиска «справедливости для всех», «общечеловеческих интересов» и пр. Таким образом, *инструментальное* отношение к международному праву стран Запада (прежде всего, США и Великобритании, активнее всего представляющих его интересы) сплошь и рядом наталкивалось чуть ли не на *сакральное* отношение к нему со стороны России. Именно в этом, на наш взгляд, следует искать корни тех *когнитивных диссонансов* и того *системного непонимания*, которые периодически возникают между Россией и Западом по самым разным вопросам, когда «*uncertainty of intentions*» становится демиургом общения, а императивы геополитики берут верх над стремлением к «*risk aversion*».

Возвращаясь к истории, мы вполне могли бы предположить в этом случае, что даже И.В. Сталин при всём его прагматизме, возможно, настолько поверил в подписанный им пакт о ненападении, что сам отчасти стал заложником своей

веры и самым роковым образом пропустил момент нападения Германии на Советский Союз. Ведь, как свидетельствуют факты, и степень гитлеровской угрозы, подкреплявшаяся обильными разведданными, и сама идеология и политика нацистской Германии не должны были располагать его к такой «расслабленности». Но если полной уверенности в этом всё-таки быть не может, то вот вам поведение М.С. Горбачёва, который отказался потребовать от США и других стран Запада письменных гарантий нерасширения НАТО на Восток, потому что он, видите ли, «поверил им на слово»...

Российский реализм

Теория политического реализма, воспринятая сначала в СССР а потом в России (во всяком случае, хотя бы на словах) в качестве некоего «руководства к действию» в международных делах, на практике имела и имеет серьёзные отличия от своего североамериканского прототипа. Речь идёт о категории *справедливости*, которая, так или иначе, дополнила собой классическую реалистическую и неореалистическую парадигмы. «Не в силе Бог, а в правде!» – эту формулу вполне можно было бы считать основой особой, «русской» версии всем известной теории. При всех возможных в настоящем и будущем (и неоднократно проявлявшихся в прошлом) практических ипостасях этой «правды», подобная версия, на наш взгляд, максимально корреспондирует цивилизационному контенту нашей страны.

Что касается Запада, то его культурно-исторические реалии, прагматизм и акцент на краткосрочных интересах не позволил ему в своё время ни вовремя распознать агрессивные намерения Гитлера, ни создать антигитлеровскую коалицию совместно с СССР. Правильно оценив надвигающуюся угрозу, Советский Союз – следует отдать ему за это должное! – в 30-е гг. сам отказался от революционных догм (поиска «справедливости для всех») и перешёл на позиции защитника и гаранта правового порядка в Европе, проявив готовность к сотрудничеству с западными государствами на антифашистской основе [5, с. 206]. В 1933 г. СССР подписал Конвенцию об определении агрессии, в 1934 г. – вступил в Лигу Наций, а в 1935 г. VII Конгресс Коминтерна признал борьбу с фашизмом главной задачей мирового коммунистического движения. Наконец, в том же 1935 г., Советский Союз заключил пакты о взаимопомощи с Францией и Чехословакией.

К сожалению, в те же годы «наряду с идеологическими и геополитическими ярко проявились и цивилизационные противоречия между Россией (СССР) и коллективным Западом» [5, с. 207]. Почему правящие круги Великобритании и Франции столь долгое время видели в нацистской Германии «меньшее зло», чем в большевистской России? Не потому ли, что в цивилизационно-культурном, политико-правовом, историческом, лингвистическом аспектах *историческую Россию* они так до конца и не считали «Европой»? «Своими», исконно

«европейскими», для них были Германия и Австро-Венгрия. Отсюда – не только Мюнхенская конференция 1938 г., давшая Гитлеру «зелёный свет» на начало Второй мировой войны. Отсюда же (при всей условности исторических аналогий!) и поспешное признание Западом независимости Словении и Хорватии – частей бывшей Австро-Венгерской империи, которое положило начало кровавой гражданской войне в Югославии в 90-е гг. Здесь же следует искать и корни безусловной поддержки Западом киевского майдана, который был инициирован выходцами из бывшей когда-то австро-венгерской, а затем польской части Украины.

Сегодня можно привести массу примеров когнитивных диссонансов в отношениях между Западом и Россией, которые основаны на различиях в цивилизационно-культурной трактовке одной и той же правовой и политической реальности («скрытая модальность»). Возьмём хотя бы проблему «недобросовестной конкуренции», в которой российские лидеры часто упрекают Запад во главе с США («Северный поток – 2», торговля оружием и т.д.). В самом понятии «недобросовестная» уже изначально присутствует оппозиция «справедливо» – «несправедливо». Она часто употребляется в российском политическом дискурсе наряду, а иногда даже в ущерб понятию «сила», в том числе применительно к политическим контекстам (Сирия, Крым). В классической же теории политического реализма понятие «сила» не нуждается в дополнении «метафизическими» категориями. С точки зрения Запада «конкуренция» и в экономике, и в политике – это *только конкуренция*: она не может иметь морального измерения.

По словам У. Улфорта, «стремление одной стороны использовать намерение сотрудничать другой стороны только в своих интересах может привести к разрушительным последствиям». Улфорт абсолютно прав. Приоритет краткосрочных интересов и стремление к максимизации политических выгод в кратчайшие сроки сослужили Западу в XX и начале XXI столетия плохую службу.

В сегодняшнем непредсказуемом и анархичном мире, который вступил в эру «глобального популизма» (термин Уолфорта), многие сожалеют о распаде СССР. Сам он, например, считает, что если бы не ряд ошибок во внутренней политике, то Советский Союз мог бы существовать и по сей день. Тогда можно было бы предположить, что и баланс сил в этом мире был бы совершенно иной, да и сам этот мир был бы более привычным и предсказуемым. Но ошибки, к сожалению, имели место не только во внутренней политике, но и во внешней и они носили обоюдный характер. Ответом на обращённые к США многократные призывы М.С. Горбачёва пройти, наконец, «свою часть пути» в утверждении «нового политического мышления» на планете, по сути дела, стали следующие слова президента Дж. Буша-старшего: «Наша задача не помогать ему, а так действовать в интересах США, чтобы влиять на его политику в нужном нам направлении» [2, с. 190].

Текущую напряжённую ситуацию в отношениях между Россией и Западом хочется видеть как переходную, в результате которой обе стороны научатся,

наконец, больше доверять друг другу путём поиска и нахождения разумных компромиссов. Для этого, как представляется, уже недостаточно того, что сама анархия в международных отношениях предлагает нам «набор инструментов – предложений и моделей для лучшего понимания закономерностей и правил поведения международных акторов». Если влияние анархии может быть ослаблено сознательными действиями государственных или негосударственных акторов, то тогда отнюдь не она, а *цивилизационно-культурные, исторические, лингвистические и правовые особенности* акторов становятся инструментом, который может обеспечить лучшее понимание международной реальности. В этом случае факт признания всеми сторонами *онтологического*, не подверженного силовому воздействию извне характера этих особенностей открывает, на наш взгляд, верный путь к нахождению компромиссов.

Истина, как ей и положено, находится где-то посередине. Для одних верным решением было бы перестать, наконец, считать международный договор простым «клочком бумаги», который можно с легкостью отбросить в случае любого изменения внутри- или внешнеполитической конъюнктуры. Другим же следует избегать другой крайности: считать любое международное обязательство чем-то вроде «священной коровы», в угоду которой стоит приносить в жертву важные государственные интересы (сегодня, например, это особенно актуально в связи с проблемой мирного договора с Японией).

Волновой характер исторического процесса

Волновой характер исторического процесса, в основе которого лежит воля *природно-стихийного начала*, реализуемая через поступки людей, в наши дни стал особо заметен. На смену первичной глобализации кануна Первой мировой войны пришла волна национальных и националистических движений, приведших человечество к ужасам Второй. Новый этап универсализации, который начался в послевоенный период, имел ярко выраженный конкурентный характер. Спор в годы холодной войны шёл не столько между СССР и США, сколько между двумя – американской и советской – *ценностными* моделями универсализма. Наступившая (или наступающая) «эра глобального популизма», похоже, знаменует собой откат общей волны глобализации, которая охватила планету после краха «реального социализма».

Подозреваю, что под словом «популизм» У. Уолфорт подразумевает «национализм», который, действительно, вновь поднимает голову в современном мире. Как справится с его набегавшей волной? Думается, что это можно сделать лишь правильно извлекая уроки из прошлого с учётом тех методов постижения новых международных реалий, о которых говорилось выше. По мнению Бернарда Яка, сегодняшний национализм «требует не оставления других наших идеологических ориентиров, а их подстройки.... он черпает свою силу из сочетания лояльности по отношению к тем, с кем у нас общее культурное наследие,

и рессентимента против тех, кто, по нашему мнению, *навязывает* (курсив мой – Б.М.) нашим национальным сообществам ценности и институты» [6, с. 217].

«Конец истории» так и не состоялось. Мир вступает в эпоху, когда нематериальные – информационные, ценностные, религиозные, культурные, лингвистические и пр. факторы начинают играть доминирующую роль. Уважение к национальным культурам и моделям развития без попыток «осчастливливать» кого-то насильно становится залогом мира и сотрудничества между представителями различных цивилизационно-культурных архетипов, которые существуют на нашей планете. Возможно, что в будущем её ждёт новая волна глобализации, качественные характеристики которой остаются пока в ведении *природно-стихийного начала*.

Список литературы:

1. Барановский В.Г., Богатуров А.Д. (ред.) Современные глобальные проблемы. М.: Аспект Пресс, 2010. 350 с.
2. Громыко Анат. В лабиринтах Кремля. М.: ИПО «Автор» 1997. 256с.
3. Давид Р., Жоффре-Спинози, К. Основные правовые системы современности. М.: «Международные отношения», 2009. 456 с.
4. Льюис Р. Столкновение культур. М., «Манн, Иванов и Фарбер», 2013. 640 с.
5. Мартынов Б.Ф. (ред.) Великая русская революция: столетие спустя. М.: «МГИМО-Университет», 2018. 305 с.
6. Як Б. Национализм и моральная психология общества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 516 с.
7. Gaddis J.L. We Now Know: Rethinking Cold War History. Clarendon Press, 1998. 448 p.
8. Hopkirk P. The Great Game. On Secret Service in Central Asia. London: John Murray, 2006. 562 p.

Об авторах:

Борис Фёдорович Мартынов – д.полит.н., заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, д.76, Россия.
E-mail: bfmartynoff@gmail.com.

CHAOS SYNERGY, GEOPOLITICS AND CULTURE EXPLAIN HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS. A CRITIQUE OF WILLIAM WOHLFORTH

B.F. Martynov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-1-64-19-28

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Abstract: The article is a critique of William Wohlforth's piece on usefulness of IR theory in explaining the history of international relations published in this issue of *MGIMO Review of International Relations*. It offers an alternative answer to the key question raised by Wohlforth – why humans continue to resort to such a self-destructive method of conflict resolution as war. The author argues that the current aggravation of relations between Russia and the West helps find a new way of answering this eternal question. With the help of historical examples and logical reasoning the author shows that international relations are governed not so much by structural anarchy, as Wohlforth argues, as by «natural spontaneous systemic force», which does not depend on the will of people and manifests itself in events that seem random and irrational. This force can be rationally known by studying how classical geopolitics, cultural (especially legal culture) and civilizational factors influence international relations. These aspects, according to the author, explain both the Cold War and its on-going «second edition». Taking into account civilizational, cultural, historical, linguistic and legal characteristics of actors becomes the key to an adequate understanding of international politics. It should also be noted that cultural and civilizational features affect not only the practice of international relations, but also the IR. According to the author, the theory of political realism in Russia has been reinterpreted in light of the maxim: «God is not in power, but in truth». Thus, an important category of Russian realism turns out to be «justice». The alternative answer to the question about the recurrent practice of wars in international relations can be formulated as follows: the states are sometimes forced to fight each other due to their geopolitical contradictions complicated by cultural and civilizational differences.

Key words: Realism, cold war, geopolitics, culture, "natural" origin, international relations, international law.

References

1. Baranovsky V.G., Bogaturov A.D. (Ed.) *Sovremennyye global'nyye problemy* [Modern global problems]. Moscow: Aspect Press, 2010. 350 p.
2. Gromyko A. *V labirintakh Kremlya* [In the labyrinth of the Kremlin]. Moscow: Author Publ. 1997. 256 p.
3. David R., Joffre-Spinozi, K. *Osnovnyye pravovyye sistemy sovremennosti* [The main legal systems of modern times]. Moscow: International Relations Publ., 2009. 456 p.
4. Lewis R. *Stolknoveniye kul'tur* [The Clash of Cultures]. Moscow, Mann, Ivanov and Farber Publ., 2013. 640 p.
5. Martynov B.F. (ed.) *Velikaya russkaya revolyutsiya: stoletiyе spustya* [The Great Russian Revolution: A Century Later]. Moscow: MGIMO-University, 2018. 305 p.
6. Yak B. *Natsionalizm i moral'naya psikhologiya obshchestva* [Nationalism and moral psychology of society]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2017. 516 p.

About the author:

Boris F. Martynov – Doctor of Political Science, Head of Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University. 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: bfmartynoff@gmail.com.

CONVENTIONAL WISDOM AND CONTEMPORARY RUSSIAN MESSIANISM. A CRITICAL VERIFICATION

A. Curanović

University of Warsaw

The article offers a critical overview of nine views common in academia related to Russian messianism. The main premise of messianism which is important for its political dimension, is: Providence has a plan along which History unfolds, and in this plan the chosen one (individual or collective) has a special role to play (mission). Under «mission» we understand that a certain community (state/nation) is exceptional and that this exceptionality manifests itself in its special destiny. I discern three distinctive, but interconnected, features of «mission»: (1) the conviction of having a special destiny, (2) a sense of moral superiority, (3) the conviction that the state's activity is motivated not only by its own national interest but also by a higher cause important for a broader (regional, global etc.) community. The first two components of mission express exceptionalism of the mission-beholder, while the third component refers to the universalistic nature of the calling.

This selection of nine views is not a complete catalogue but it does include the core concepts that may be encountered while reading about Russian messianism. The article seeks to verify and put in order the existing body of knowledge on this topic. The critical verification is based on the material that comes from two main sources. The first is the existing body of academic literature (in English and Russian) which is used to identify and cross-examine the views circulating among academia. The second source comes with the material gathered as a result of the content and discourse analysis of the official statements of Vladimir Putin. The article is structuralised along the enumeration of nine popular views on Russian messianism. Each view is critically combined with the academic literature and the empirical data. The views discussed in the article tend to essentialise Russian messianism and essentialise Russia as well.

Key words: messianism, mission, Russia's foreign policy, Third Rome, major power status, expansion, Russian identity, exceptionalism.

УДК 327.8

Поступила в редакцию 7.11.2018 г.

Принята к публикации 16.01.2019 г.

Messianism is probably among the top 15 notions used to characterise the Russian political tradition. With the rise of the conservative agenda in the official narrative of the Kremlin many scholars refer to Russian politics as messianic [39, p. 198; 47, p. 157-161]. However, it is hard to find publications [9 and 5 are exceptions] which would provide substantial evidence on the nature of Russian contemporary messianism. Moreover, the thesis about the messianic edge of the current Russian foreign policy is opposed by other scholars [52, p. 220], not to mention Russian officials¹, who tend to emphasise the pragmatism and de-ideologization of Russia's international behaviour. The goal of this article is not so much to issue an unambiguous ruling on this particular case (i.e. whether Russian foreign policy is today messianic or not) but rather to encourage a deeper reflection on the complexity of Russian messianism. In other words, this article aims to add nuance to referring to this phenomenon as a self-evident truth, which unfortunately is far too often a practice. The article seeks to verify and put in order the existing body of knowledge on this topic. To achieve it, this article offers a critical overview of the views related to Russian messianism most common in academia. I counted nine of them. This selection should not be interpreted as a complete catalogue but, in the author's opinion, it does include the core concepts that may be encountered while reading about Russian messianism. The careful verification, eventually, allows revealing the «glue» which preserves the messianic motifs in the public discourse. I argue that it is due to the existing connection between major power identity and messianism. The sense of mission is perceived as an attribute of a major power and hence pursuing a mission plays a part in status seeking strategies as well as self-identification process of contemporary Russia.

The critical verification of the nine views is based on material that comes from two main sources. The first is the existing body of academic literature (in English and Russian) which is used to identify and cross-examine the views on Russian messianism circulating among academia. The second source comes with the material gathered as a result of the content and discourse analysis of the official statements of Vladimir Putin. The analysis covers the period 2000-2018. I coded the texts manually with the use of 56 key words (among these were specific words such as: «mission» (Rus. *missiya*), messianism (Rus. *messianstvo*), national idea (Rus. *natsional'naya ideya*), the Third Rome (Rus. *Tretiy Rim*), or more general, such as: identity (Rus. *identichnost'*), historical task (Rus. *istoricheskaya zadacha*). I also analysed specific types of Putin's statements – interviews, written articles, speeches to mark special occasions (on Victory Day, Russia Day, National Unity Day), Putin's speeches at the Valdai Club, the annual address to the Federal Assembly (State of the Union) and the New Year's Address, and Putin's performance during the annual phone-in programme with Russian citizens asking questions (*priamya liniya*). Altogether, I analysed 8,377 texts looking for messianic roles ascribed to Russia by its leader. In my understanding, «messianic» roles are those

¹ Lavrov S. Vneshnepoliticheskaya filosofiya Rossii, 2013. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/vneshnepoliticheskaya-filosofiya-rossii/> (accessed 24.02.2019)

roles which are legitimated by Russia's identity; roles which Russia pursues because of what it was in the past, what it is today and what it wants to be in the future. Such roles are «messianic» because Russia is «destined» (by its history, legacy, identity) to fulfil them.

The article is structuralised along the enumeration of nine popular views on Russian messianism. Each view is critically combined with the academic literature and the empirical data. Before we start with the first point, we should articulate our understanding of messianism. Defining messianism could be a dividing issue [3; 8; 40; 41; 43; 44; 50] and so we could become stuck with our analysis already at this point. To avoid that and with no ambitions to create an all-encompassing definition, we can safely claim that the main premise of messianism, rooted in Jewish and Christian traditions (and which is of importance for its political dimension) is as follows: Providence has a plan along which History unfolds, and in this plan the chosen one (individual or collective) has a special role to play (mission). In other words, it is a belief that one's nation is to serve a redemptive role in the history of mankind. This formulation indicates that messianism is connected to the sense of exceptionalism (being chosen) which in turn manifests itself in the sense of having a unique mission in the world. The sense of mission (a messianic role which indicates a country's place in the international arena) is the very component of messianism which is relevant for foreign policy. In this article, messianism refers to this particular sense of uniqueness accompanied by the sense of moral superiority and combined with the sense of special mission. Hence, it is first and foremost about the political and not the social aspect of messianism. To be more precise, it's about sense of mission connected to major power identity.

Messianism, including its Russian tradition, is a dynamic phenomenon. The views listed below tend to essentialise Russian messianism and, as a consequence, to essentialise Russia as well.

1. The Role of the Third Rome Myth

In the Russian tradition messianism is linked to the idea of Russia's separate path of development (Rus. *osobyi put*) [1; 46] and the Russian idea (Rus. *russkaya idea*) [3; 26] which both elaborate on Russia's exceptionalism. The founding role, however, is prescribed to the mythical idea of Moscow as the Third Rome. The phrase appeared in a private letter written in the first decades of the 16th century by the Pskovian monk Philotheus to the grand prince of Moscow, Vasili III. It emphasised Moscow's great fate as the third and last true successor of the ancient Christian empires (i.e. Roman and Byzantium). Many intellectuals, e.g. Peter Duncan, Vladimir Storchak, Ostap Kushnir, perceive this concept as the primordial source of the sense of universal mission of the Russian state [8; 23, p. 48-49; 40; 41]. They see Eastern Orthodoxy as the key structure responsible for cultivating messianism in Russian politics uninterruptedly since the time of Vasili III. However, there are two arguments that undermine this linear vision.

The first one was brought forward by Roman Szporluk and Marshall T. Poe². The American scholars convincingly argued that the idea of the Third Rome did not play any vital part in Russia's political imagery until the 1860s. The Third Rome is an example of a «modern historical myth» which provided a new way of understanding Russia's past. Ana Siljak followed this reasoning to discover that the Third Rome became a part of messianic thinking only during the Silver Age in the works of Sergei Bulgakov, Dmitri Merezhovsky, Viacheslav Ivanov etc. However, the first Slavophiles [51] wrote about Russia's special mission in the world before the «Third Rome» idea became influential. Hence, the question arises regarding what the main source of the Russian state's sense of universal calling was if it was not, at least not solely, Eastern Orthodoxy.

And here comes the second argument introduced by David Rowley. According to Rowley, it is not the religious but the imperial tradition which the Russian messianism relevant for state policies feeds on [38, p. 1583]. Describing mechanisms characteristic for the self-identification of empires, Rowley emphasises the need to provide a meta-idea which would give a sense of purpose to a multiethnic and multireligious population. Framing foreign policy in terms of mission is a common feature of imperial entities [2, p. 101; 30]. Hence, it is the imperial structure which keeps messianism alive. Krishan Kumar, who writes about «missionary/imperial nationalism», argues that references to a universal calling help to unite the population and mask the asymmetry of positions between the so called «imperial nation» and other nations subdued by the empire [21, p. 30-34]. Mission is thus an important part of the imperial cultural hegemony (in the Gramscian sense). At the same time that sense of mission becomes one of the key components of identity of the nations-builders of the empire (as in the case of Englishmen, Americans or Russians).

The myth of the Third Rome is still present in works of Russian intellectuals [32]. Its core is based on the conviction of Russia's moral superiority and its sense of mission with a strong emphasis on Russia's role as the shield against evil. However, the idea of the Third Rome does not appear in Russia's official discourse. Vladimir Putin, for instance, does not mention it. Remarkably enough, even in the messianic narrative of the Moscow Patriarchate, the Third Rome does not have a prominent part to play. The factor of major power status is more important than the myth of the Third Rome.

2. The Sense of Mission as the Driving Force behind Russia's Foreign Policy

Valentina Feklyunina writes that «messianic vision has always been central to Russian self-image» [11, p. 622]. This view is shared by other scholars as well [18; 19; 22; 41]. It would indicate that messianic motifs in Russia's foreign policy are a manifestation of the Russian identity. However, it would be misleading to argue that the mes-

² Szporluk R., Poe M.T. «Moscow, the Third Rome» The Origins and Transformations of a «Pivotal Moment». Harvard University, The National Council for Soviet and East European Research, 1997. Available at: <https://www.ucis.pitt.edu/nceer/1997-811-25-Poe.pdf>

sianic narrative belongs today to the mainstream of the Russian official discourse on foreign policy. In fact, it exists rather on its margins. Approximately 6% of the texts analysed for this research included messianic references. This 6% should not be dismissed, however, as unimportant. Taking into account the highly regulated language of diplomacy and the declared strong commitment of the Russian officials to pragmatism (understood as a farewell to messianic ideas), 6% is a result worthy of consideration. The sense of mission is not the main driving force of contemporary Russia's international behaviour *per se*. The reason, however, it persists in the discourse is the same as given by David Rowley, namely its connection to the idea of Russia as a major power (previously an empire). Mission is perceived today by the Russian elites as an attribute of a major power [4, p. 245]. According to this reasoning, a true major power should not limit its activity to developing trade or building pipelines but should pursue grand tasks, important for a broader community. This thought was carefully outlined by Sergei Lavrov who referred to Ivan Ilyin: «Ilyin, thinking about Russia as a major power in the world, emphasised that the status of a major power is not determined by the size of its territory or the population, but by the readiness of the government and its people to take upon themselves the burden of grand international tasks» [23]. By pursuing mission, Russia legitimates its claim to equal status with other major powers, chiefly the West.

3. Messianism as an Instrument of Russia's Foreign Policy

The fact that a sense of mission is rooted in Russia's major power identity does not exclude its instrumentalization. The forms and content of the messianic roles ascribed today to Russia by its officials show how the messianic tradition can be adapted to the current circumstances. The analysis of the material selected for this research allows twelve messianic roles to be identified in today's discourse. These envision Russia as: «the bridge», «the moderator of dialogue», «the guardian of justice», «the global balance provider», «the patron of its own kin», «the keeper of Europe», «the protector of faith and values», «the shield», «a contributor to world civilization». There is also «the mission in Eurasia», «the modernisation of Russia» and «preserving Russian civilization». These enumerated missions show great continuity with the missions claimed for the Russian Empire by its intellectuals [51] as well as by the Soviet establishment for the USSR [15]. This continuity confirms that messianism, as a part of identity, is persistent but also flexible enough to allow modern reinterpretations of itself. For instance, the role of the «contributor to world civilisation» nowadays includes the taming of outer space³. Another example comes with «the guardian of justice» which refers to providing fair and indiscriminative access to peaceful nuclear

³ Putin V. Vstupitel'noye slovo na torzhestvennom sobranii, posvyashchennom Dnyu kosmonavtiki [Вступительное слово на торжественном собрании, посвященном Дню космонавтики], 2004. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22419> (accessed 11.02.2019).

energy⁴. The role of «the guardian of justice» also stresses Russia's role as a norm provider [25]). It is worth noting that this particular role fits the vision of the 21st century as presented by the current «Foreign Policy Concept of the Russian Federation»⁵. The authors of the document argue that the rivalry between major powers gained a strong symbolic, normative and civilizational dimension and so the capacity to be a norm provider, and not just a norm taker, is crucial for preserving the status of a leading power.

4. Messianism Legitimises Expansion

Since mission is perceived as an attribute of a true major power, all messianic roles serve to legitimate Russia's claim to be treated as an equal partner by other major powers. Messianic roles might have also different functions. Missions like «the keeper of Europe», «the patron of its own kin» (Slavs, Orthodox believers) or «the bridge» (between Europe and Asia) address the issue of Russia's civilisational belonging. Then there are missions, like «the protector of faith and values» or «the moderator of the dialogue» which emphasise the moral superiority of Russia and hence compensate for its material deficits. Finally, there are messianic roles connected to the broadly acknowledged attributes of a major power, e.g. military capacity («the shield») or its own sphere of influence («mission in Eurasia»). These three categories of missions, we will call them respectively, «civilisational», «moral» and «geopolitical» have distinct but mutually related functions, namely self-identification, compensation and legitimacy. These three categories of messianic roles are connected with Russia's status ambitions (being recognised as an equal partner by major powers). As a consequence, the messianic narrative depends on international dynamics, mainly on Russia's relations with the West (NATO and EU members). However, there are also messianic roles triggered foremost by domestic affairs, i.e. relations between the ruling elites and society. I call them «auto-missions» for they are focused on saving Russia. These particular missions («the modernisation of Russia», «preserving Russian civilisation») are about mobilisation. It can be either positive, i.e. for a common goal, or negative, i.e. pointing to a common threat and aiming at closing ranks in society.

The variety of functions and the relevance of both the external and internal environment show how complex messianism is. Linking it to expansionism is simply reductionist. In fact, the only mission that might legitimate expansion is the «mission in Eurasia». This mission stands out for its differentiated content. Russia's mission in Eurasia can be about providing security and stability but also about promoting modernisation or pursuing a good old-fashioned *mission civilisatrice*⁶. All these variations

⁴ Putin V. Stenogramma press-konferentsii dlya rossiyskikh i inostrannykh zhurnalistov [Transcript of the press conference for Russian and foreign journalists], 2006. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23412> (accessed 01.02.2019).

⁵ «Foreign Policy Concept of the Russian Federation», approved November 30, 2016. URL: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk86BZ29/content/id/2542248

⁶ Putin V. Poslaniye Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii [Message To The Federal Assembly Of The Russian Federation], 2005. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (01.02.2019).

of the «mission in Eurasia» are brought together by the conviction that Russia has special responsibilities in this particular region. The «mission in Eurasia» is a part of Russia's hegemonic claim labelled by Kevork K. Oskanian as «hybrid exceptionalism» [31]. According to Oskanian, the exceptionalist narrative expressed traditionally in terms of a *mission civilisatrice* legitimates the hierarchical order and Russia's hegemonic position within it [31, p. 30]. Oskanian noticed that «Russia's claims — liberal in form, imperial in content — therefore take on a forced, artificial appearance, providing an at best imperfect justification for regional hierarchy in the contemporary world» [31, p. 41]. Although the content of the «mission in Eurasia» changed through the ages, it preserved the central role of Russia as the actor entitled (and capable) of defining and protecting the «civilisational authenticity» of the other countries of the region [31, p. 31]. This particular way of perceiving its own immediate neighbourhood is a part of Russia's self-definition as a major power which, in order to keep its status, must have a sphere of privileged interest and influence. The «mission in Eurasia» plays a part in legitimating Russia's hegemonic claim as well as in Russia's self-identification process as a major power. One can imagine a situation, in which the messianic narrative could be used for legitimating expansion, but this is not the main, and definitely not the only function of Russian contemporary messianism.

One more point may be added. Expansion may also have a normative, ideological dimension. Messianism is sometimes associated with revolutionary, progressive ideas and the attempt of the state to export these messianic ideas. In favour of this interpretation, Isabelle Falcon came to the conclusion that «Russia's traditional messianic impulses have recently subsided. Moscow has no ideology to export» [10, p. 88]. However, with the exception of the Soviet period, Russian messianism did not envision the Russian state as a progressive revolutionary power. Contrary to the American messianic tradition (McDougall, 1998), Russian messianism has a conservative character [14, p. 86; 49] and sees Russia rather as a shield than as a crusader.

5. Messianism is Irrational

Messianism analysed in the context of politics is often juxtaposed with pragmatism [42, p. 299; 48, p. 14]. It is interpreted as a utopian state of mind which manifests itself above all in the readiness to sacrifice one's own national interest for the sake of the messianic ideal. From the perspective of the rational choice theory, messianism is an irrational factor which disrupts the conducting of foreign policy based on national interest. However, I believe that framing messianism as irrational does not allow us to grasp its complexity. Keeping in mind that mission is perceived as an attribute of a major power and that the status of a major power is the core component of Russia's self-identification, it is useful to acknowledge the research on social status and recognition. Jonathan Renshon rightly argues that satisfying status ambitions is incorrectly interpreted as irrational [37, p. 51]. Status ambitions are a permanent part of a state's self-understanding and its ontological security [29]. And as such, Renshon points out,

it can sometimes be prioritised more highly than strategic investments, alliances or even peace. The fact that states are ready to start a conflict in order to improve their international ranking might be as rational as building their own military capacity as long as we understand that security and status might be equally important for a state. Using this lens to analyse the messianic motifs in Russia's foreign policy allows us to see the compatibility between geopolitical calculations and the Russian sense of exceptionalism expressed in terms of mission. If a true major power legitimates its status by pursuing mission, why should it be interpreted as an irrational behaviour? Fulfilling a sense of mission does not have to require the sacrifice of one's own national interests. The analysis of contemporary discourse reveals that it is sufficient (i.e. enough to pass «the test of credibility») to argue that a mission is pursued not just for the benefit of Russia but also for the benefit of a broader community (e.g. other countries in the region, international society). Sergei Lavrov, for instance, argued that a major power is the one which, while pursuing its national interests, contributes to the well-being of all the nations [25].

6. Messianism Compensates for Economic Hardship

The analysis of the official narrative on foreign policy combined with the dynamics of the Russian economy in the time period 2000-2018 did not reveal any correlation between the intensity (frequency) of the messianic narrative and the moments of the economic slowing down. To give an example, in 2009 in the midst of the Western financial crisis which affected Russia's economy, not once did Vladimir Putin mention Russia's special mission. On the other hand, in 2004 and in 2013 when Russia's economy was doing well, the president referred to it on several occasions. What brings together these two years is the noticeable drop in the president's approval ratings. In 2004, it went below 70% and in 2013, it almost hit 60% [12, p. 3]. These numbers suggest a different type of correlation, namely between the decrease in popularity of the president and the appearance of the messianic narrative. To emphasise this point, in 2009, when the Russian economy weakened, the president's popularity stood steady (78%) and so there was no domestic incentive for the messianic narrative.

The relevance of the messianic narrative for the legitimacy of the Russian regime stems from the role of major power status in the Russian self-identification process. Ethnic Russians, similarly to other so called «imperial nations» [28, p. 11-12], formed their self-image in connection to the vision of Russia as a major power. Being a resident of a major power is what constitutes a true Russian. This logic turns the status of a major power not just into a matter of foreign policy but also into the concern of the individual. And so the legitimacy of the ruling elites depends on their capacity to preserve/regain/manifest Russia's status. Yeltsin's growing unpopularity was caused by the perceived failure of the new government to preserve the desired status [6, p. 281]. To sum up, the messianic narrative is not aimed at making up for the demand for bread and butter, but for political legitimacy.

7. Messianism is About Domestic Affairs

The preceding conclusion should not lead us to another common but reductionist assumption that messianism is a matter of domestic affairs [25, p. 20]. It is true, as the analysed material shows, that the domestic audience is the most important target of the messianic narrative. Vladimir Putin mentioned mission while talking to the domestic audience on 35 occasions and only five times when exclusively addressing the international audience. However, even the «auto-missions», the most dependent on the domestic context, reveal their connection to the international environment. Regardless of whether it is about modernising and preserving Russian civilisation, eventually, it is about making it strong enough to compete as an equal with other major powers. Since mission is perceived as an attribute of a major power, it is a part of a status-signalling behaviour. The Russian president talks about Russia's international actions in terms of mission because this is what leaders of major powers do.

The analysis of the official discourse shows a correlation between the messianic narrative and the dynamics of Russia's relations with the West. Messianic motifs tend to appear in official statements often in periods of tensions between Moscow and Washington, e.g. after the Orange revolution [42] or the Crimean crisis⁷. What is more, the analysed material allows an observation that the West is the most important international factor of this narrative. The non-Western countries are almost absent. The missions which are most frequently ascribed to Russia by its leader in the context of the relations with the West are: «the global balance provider», «the shield», «the mission in Eurasia» and «the guardian of justice». The combination of three geopolitical messianic roles with one moral («the guardian») confirms the link between the messianic narrative and Russia's status. The geopolitical dimension of the messianic narrative emphasises attributes of Russia as a major power which has its own sphere of influence, is capable of providing security beyond its own territory and which can balance the influence of other major actors. With «geopolitical» missions, Russia signals its equality with the West. The «moral» mission, in turn, underlines Russia's moral superiority and counter-hegemonic logic behind its actions aimed at opposing Western normative hegemony. To conclude, the sense of mission in Russia's foreign policy is shaped by two factors. Not only by the fluctuations of the popularity of the ruling elite (see the previous paragraph), but also by the dynamics taking place in the international arena, chiefly those triggered by Russia's significant other (the West).

8. Messianism as a Part of Reactionary Modernism

The notion of reactionary modernism refers to combining modern technologies with a rejection of the ideas of the Enlightenment and the values and institutions of

⁷ Putin V. Poslaniye Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu [Message From The President To The Federal Assembly], 2015. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (3.12.2015).

liberal democracy [16]. In this context a sense of mission as a part of the exceptionalist narrative is interpreted as a reaction of states which failed to modernise and have been stigmatised by the modern, i.e. Western countries, as «backward». The messianic narrative is a self-defensive mechanism and a counter-hegemonic behaviour. The state claims to have a special path of development and a unique role to play in the world (often not despite its backwardness but due to it) in order to avert the external pressure of the more developed countries. This interpretation can be found in the works of Richard Ned Lebow, Ayse Zarakol or Dmitrii Travin [24, p. 376; 46, p. 10; 51, p. 8]. However, messianism is not only a feature characteristic of countries stigmatised as backward. As has been already stated, it is an attribute of a major power. Therefore, apart from being a compensatory mechanism, messianism is also about emulating the behaviour of the most powerful players. In the past, in the age of the first European modern empires, the British Empire emulated practices of the Spanish, and later on in the 19th century British imperial policies became the role model for others, including the Russian Empire [33, p. 67]. In the 19th century, countries which also had other attributes of a major power (e.g. significant territory and population), like the Ottoman Empire, Japan or Russia, by pursuing their own mission they conveyed a message that they wanted to be recognised by the West as different but equal. This observation confirms again that a messianic narrative is a part of status-signalling behaviour. The connection of the sense of mission to status ambitions is of greater importance than to reactionary modernism.

9. Russian Society Needs a Sense of Mission

The Russian political leadership refers to messianic motifs as it resonates well with society. This popular belief indicates the existence of a genuine social demand for a sense of mission. This demand is generated by the link between the messianic narrative and the vision of Russia as a major power. Russian researchers pay a large amount of attention to the «post-imperial syndrome» present in Russian society [18; 36]. Kasamara and Sorokina reached the conclusion that the post-imperial nostalgia helps to compensate people for their lowered personal security [17, p. 288], also in its ontological aspect (i.e. the lack of a coherent identity and sense of historical continuity). This observation corresponds with the argument brought forward by A. Zarakol that countries experiencing lowered ontological security show higher sensitivity to status concerns [51, p. 56]. And, we should not forget that the messianic narrative is a part of status-signalling behaviour.

The messianic narrative belongs to a broader exceptionalist framework. Andrei Kolesnikov observed the steady growth of the exceptionalist narrative intensified by the Crimean crisis. In 2015 55% of respondents wanted Russia to follow its own path [20, p. 20]. Pastukhov sees origins of the contemporary social support for the *Sonderweg* narrative in the failure of Yeltsin's team's reforms. As early as 1992, polls denoted an increase up to 23% [35, p. 56]. Another sharp rise appeared in 1999 as a

reaction to the NATO's bombardment of Serbia [35, p. 56] but at the same time 18% of respondents still wanted good relations with the US. Pastukhov concluded that in relations to the West (US, NATO, EU) Russians were chiefly concerned with their ontological security, i.e. with the possible loss of their true identity. In addition, a part of this true identity is seeing Russia as a respected major power [13, p. 13-15]. The genuine social demand for belonging to a great country of global significance provides fertile ground for the messianic narrative.

While naming Vladimir Putin's greatest achievements as president, 49% of respondents pointed out to the fact that he returned to Russia the status of a great power [21, p. 22]. This result confirms the connection between major power status, the individual identity of Russian citizens, and the legitimacy of the political leadership. Boris Dubin also noticed the correlation between the support for the exceptionalist narrative and the social demand for a strong leadership [7, p. 14]. Emil Pain adds to this equation an observation that the imperial awareness (which harbours the sense of mission) can be activated by the elites seeking an additional source of legitimacy [34, p. 62]. According to Pain, the messianic narrative is a project of the elites who revive old motifs for very contemporary goals. This perspective indicates that the alleged genuine social demand is a product of top-down manipulation. However, it does not explain the whole complexity of the social reception of the messianic narrative. Yes, the fertile ground within the society for messianic motifs is provided by Russian's attachment to major power status. But there are limits to the instrumentalization of this narrative. Petukhov and Barash emphasise that although 60% of respondents want major power status for Russia «come what may», 40% are reluctant to build major power capacity at the cost of their individual prosperity [36, p. 93].

The link with major power status brings mission into the official discourse through a «back channel». But there is also a more direct connection. A considerable number of Russian citizens are attached to the ideal of justice and shaping a better, fairer social order [45, p. 56]. These ideas hold deep roots in the messianic tradition. Furthermore, Tikhonova found that 57% of respondents agreed that all significant events of Russian history happened for the sake of all humankind [45, p. 61]. Although the number of people who want to live for a greater cause has decreased since 1991, it is still important for many Russian citizens. This worldview could translate into an expectation that Russia's foreign policy would be moral and fair. However, Gorshkov and Petukhov noticed that although major power status is associated among Russians with moral authority, Russians' attention is directed inward. They prioritise the improvement of Russia over saving the world. This particular stand reveals a difference between Russian society and the elites who are much more attached to the messianic narrative [4, p. 242-245; 14, p. 30]. It requires further research to establish whether talking about Russia's unique mission is a mechanism above all consolidating the establishment and that society is only the secondary target. In favour of this thesis is the fact that Vladimir Putin refers to Russia's mission more often when he speaks to the representatives of the elites (political, cultural and business) than when he addresses ordinary Rus-

sians. To conclude, today the messianic narrative resonates with Russian citizens as long as it makes Russia great and does not require self-sacrifice.

In the first two to three years of Vladimir Putin's first presidential term not once did he mention Russia's mission on his own initiative. On a few occasions, however, he was asked about it by foreign journalists^{8,9}. Putin made it clear that he thought of mission, as well as the «national idea», as concepts of the past, irrelevant for contemporary challenges. He even showed irritation when asked repeatedly about Russia's mission¹⁰. It is true that Vladimir Putin's official attitude to the exceptional narrative changed later on¹¹; nevertheless, when paying attention to the questions of the journalists it is hard to avoid noticing a tendency to essentialise Russia – a country that has a fixation on its major power status, respect and sense of mission. Ana Siljak's research proves this point. Although most books on Russian politics mention messianism, it is usually being referred to in a reductionist manner. The common views circulating in academia needed a critical evolution which would point out that Russian messianism should not be reduced to the Third Rome tradition; it is not just an instrument of the elites; it is not just a fig leaf for expansion and it is not just a compensatory mechanism of reactionary modernism. And, since I am advancing here the thesis about the key connection between mission and major power status, I should also add that Russian messianism is not solely about pursuing the desired status. However, I believe that I have presented strong arguments which prove that it is the self-image of major power which makes messianism relevant for contemporary Russia. I hope that this article will contribute to a more nuanced interpretation of this complex phenomenon and will encourage new research on this topic.

References

1. Anthashev T., Velizhev M., Zorin A. eds. «*Osobyi put'*» *Ot ideologii k metodu* [«A special way» From ideology to method]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2018. 488 p. (in Russian)
2. Barkey K. *Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective*. New York, Cambridge University Press, 2008. 360 p.
3. Batalov E. *Russkaia ideia i amerikanskaia mechta* [Russian idea and American dream]. Moscow: Progress-Traditsiia, 2009. 384 p. (in Russian)
4. Bokov M. Rol' Rossii v mire, in: [ed.] Tarusin M. *Summa ideologii. Mirovozreniye i ideologiya sovremennoy rossiyskoy elity* [The amount of ideology. Worldview and ideology of the modern Russian elite]. Moscow, Institut obshchestvennogo proyektovaniya, 2008. 296 p.
5. Bouveng K.R. *The Role of Messianism in Contemporary Russian Identity and Statecraft*, Thesis

⁸ Putin V. Interv'y u pol'skoy gazete «Gazeta vyborcha» i pol'skomu telekanalu TVP [An interview with the Polish newspaper "Gazeta Wyborcza" and Polish TV channel TVP], 2002. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21471> (accessed 15.01.2019).

⁹ Putin V. Stenogramma vstrechi prezidenta Rossii V.V. Putina s predstavitelyami regional'noy pressy Frantsii, Bordo, 12 fevralya 2003 goda, 2003 [Transcript of the meeting of Russian President V. V. Putin with representatives of the regional 'Noy Press Frantsii, Bordeaux, February 12, 2003]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/532526 (accessed 12.02.2019).

¹⁰ Putin V. Otvet Vladimir Putina na voprosy vo vremya vstrechi s doverennymi litsami [Vladimir Putin's answers to questions during a meeting with proxies], 2004. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24817> (accessed 12.02.2019).

¹¹ Putin V. Meeting of the Valdai International Discussion Club, 2013. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/19243> (accessed 02.02.2019).

- for the degree of Doctor of Philosophy, Durham University. 2010, 322 p. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/438/> (accessed 02.02.2019)
6. Clunan A. Historical aspiration and the domestic politics of Russia's pursuit of international status, *Communist and Post-Communist Studies*, 2014, vol. 47, no. 3-4, pp. 281-290.
 7. Dubin B. The West, the Border, and the Unique Path. Symbolism of the 'Other' in the Political Mythology of Contemporary Russia, *Russian Politics and Law*, 2002, vol. 40, no. 2, pp. 5-29.
 8. Duncan P. *Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After*. London – New York, Routledge, 2000. 256 p.
 9. Engström M. Contemporary Russian Messianism and New Russian Foreign Policy. Contemporary Security Policy, 2014, vol. 35, no. 3, pp. 368-370.
 10. Falcon I. Russian Strategic Culture in the 21st Century: Redefining the West-East Balance, in: [eds.] Tellis A.J., Szalwinski A., Wills M., *Strategic Asia 2016-17: Understanding Strategic Cultures in the Asia-Pacific*. Seattle and Washington D.C., The National Bureau of Asian Research, 2016.
 11. Feklyunina V. Battle for Perceptions: Projecting Russia in the West. *Europe-Asia Studies*, 2008, vol. 60, no. 4, pp. 605-629.
 12. Frye T., Gehlbach S., Marquardt K.L., Reuter O.J. Is Putin's popularity real?, *The Post-Soviet Affairs*, 2017, vol. 33, no. 1, pp. 1-15.
 13. Gorshkov M., Petukhov V. Vneshnepoliticheskiye oriyentatsii rossiyan na novom perelome [Foreign policy orientation of the Russians at a new turning point] *Polis. Politicheskkiye issledovaniya*, 2015, no. 5, pp. 10-34.
 14. Gudkov L., Dubin B., Pain E. Does the «Special Path» Ideology contain the Potential for Modernisation. *Russian Politics and Law*, 2012, vol. 50, no. 6, pp. 79-92.
 15. Gvosdev N. Their Proclamation Has Gone Out into All The Earth: Soviet Messianism and the International System. *Canadian Slavonic Papers*, 1990, 32, no. 4, pp. 431-443.
 16. Herf J. *Reactionary Modernism: Technology, Culture, and Politics in Weimar and the Third Reich*. Cambridge, Cambridge University Press. 1986. 263 p.
 17. Kasamara V., Sorokina A. Imperial ambitions of Russia. *Communist and Post-Communist Studies*, 2012, vol. 45, no. 3-4, pp. 279-288.
 18. Kohn H. The Permanent Mission: An Essay on Russia. *The Review of Politics*, 1948, vol. 10, no. 3, pp. 267-289.
 19. Kotkin S. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern. *Foreign Affairs*, 2016, vol. 95, no. 2, pp. 2-9.
 20. Kolesnikov A. Rossiyskaya ideologiya posle Kryma. Predely effektivnosti mobilizatsii [Russian ideology after the Crimea. Efficiency limits and mobilization]. Moscow, Carnegie Moscow Center, 2015. URL: <http://carnegie.ru/2015/07/07/rupub-60606>
 21. Kumar K. *The Making of English National Identity*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 367 p.
 22. Kushnir O. *Ukraine and Russian Neo-Imperialism. The Divergent Break*. London, Lexington Books, 2018. 218 p.
 23. Lavrov S. Istoricheskaya perspektiva vneshney politiki Rossii [Historical perspective of Russian foreign policy], *Russia in Global Affairs*, 2016, no. 2, pp. 8-20. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017> (accessed 3.03.2016)
 24. Lebow R.N. *A Cultural Theory of International Relations*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 762 p.
 25. Legvold R. Introduction, in: [ed.] Legvold, *Russian Foreign Policy in the Twenty-First Century and the Shadow of the Past*, NY, Columbia University Press, 2007. 544 p.
 26. McDaniel T. *The Agony of the Russian Idea*. Princeton, Princeton University Press, 1996. 210 p.
 27. McDougall W. *Promised Land, Crusader State: The American Encounter with the World Since 1776*. New York, Mariner Books, 1998. 286 p.
 28. Miller A. The Empire and the Nation in the Imagination of Russian Nationalism, in: [ed.] Miller A., Rieber A., *Imperial Rule*. Budapest, Central European University Press, 2005. 218 p.
 29. Mitzen J. Ontological security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma. *European Journal of International Relations*, 2006, vol. 12, no. 3, pp. 341-370.
 30. Niebuhr R. *The Structure of Nations and Empires*. New York, Charles Scribner's Sons, 1959. 306 p.
 31. Oskanian K.K. A Very Ambiguous Empire: Russia's Hybrid Exceptionalism. *Europe-Asia Studies*, 2018, vol. 70, no. 1, pp. 26-52.
 32. Østbø J. *The New Third Rome: Readings of a Russian Nationalist Myth*. Stuttgart, Ibidem Verlag, 2016. 258 pp.
 33. Pagden A. *Lords of all the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France c.1500-c.1800*. New Haven, Yale University Press, 1998. 244 p.
 34. Pain E. Imperskiy natsionalizm (Vozniknoveniye, evolyutsiya i politicheskkiye perspektivy v Rossii) [Imperial nationalism (emergence, evolution and political prospects in Russia)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2015, no. 2, pp. 54-71.

35. Pastukhov V. Konets russkoy ideologii [The end of Russian ideology (A new course or a new Path?)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2001, no. 1, pp. 49-63.
36. Petukhov V., Barash R. Russkiye i russkiy mir: istoricheskiy kontekst i sovremennoye prochtenie [Russians and "Russian world": historical context and modern interpretation], *Polis. Politicheskoye issledovaniya*, 2014, no. 6, pp. 83-101.
37. Renshon J. *Fighting for Status. Hierarchy and Conflict in World Politics*. Princeton-Oxford, Princeton University Press, 2017. 328 pp.
38. Rowley D.G. «Redeemer Empire»: Russian Milenarianism. *American Historical Review*, 1999, vol. 104, no. 5, pp. 1582-1602.
39. Rywkin M. Russia: Mythology in the Service of Realpolitik. *American Foreign Policy Interests*, 2014, vol. 36, no. 3, pp. 195-200.
40. Storchak V. Tema rossiiskogo messianizma v obshchestvenno-politicheskoi i filosofskoi mysli Rossii (XV-XVIII) [The theme of Russian messianism in the ideology of parties and organizations of the Orthodox-monarchical and national-Patriotic sense]. *State, religion, Church in Russia and abroad. Information and analytical Bulletin*, 2003, Moscow: RAGS, 249 p.
41. Storchak V. *Fenomen rossiiskogo messiianizma v obshchestvenno-politicheskoi mysli Rossii (XIX-XX)* [The phenomenon of Russian messianism in the socio-political and philosophical thought of Russia: the second half of XIX-the first third of XX century], Moscow, RAGS, 2005. 249 p.
42. Surguladze V. *Grani rossiyskogo samoznaniya. Imperiya, natsionalnoye soznaniye, massyanizm i bizantinizm Rossii* [Facets of Russian identity. Empire, national consciousness, messianism and Byzantium of Russia]. Moscow, W.Bafing, 2010. 480 p.
43. Svenungsson J. *Divining History. Prophetism, Messianism and the Development of the Spirit*. New York, Berghahn Books, 2016. 240 p.
44. Talmon J. *Political Messianism. The Romantic Phase*. London, Secker&Warburg, 1960. 607 p.
45. Tikhonova N. «Mechty rossiyan „ob obshchestve» i „o sebe»: možno li govorit' ob osobom rossiyskom tsivilizatsionnym projekte?» [Dreams of Russians "about society" and "about themselves": can we talk about a special Russian civilizational project?]. *Obshchestvennyye nauki i sovremenost'*, 2015, no. 1, pp. 52-63.
46. Travin D. *Osobyi put' Rossii. Ot Dostoyevskogo do Konchalovskogo* ["Special way" of Russia: from Dostoevsky to Konchalovsky]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018. 224 p.
47. Van H., Marcel H. *Putin's Propaganda Machine. Soft Power and Russian Foreign Policy*. Lanham, Boulder, New York, London, Rowman & Littlefield, 2016. 336 p.
48. Vassiliev A. *Russian Policy in the Middle East: From Messianism to Pragmatism*. Reading, Ithaca Press, 1993. 384 p.
49. Walicki A. *The Slavophile Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought*. Notre Dame, University of Notre Dame Press, 1989. 609 p.
50. Walicki A. *Filozofia a mesjanizm. Studia z dziejow filozofii i mysli spoleczno-religijnej romantyzmu polskiego*. Warsaw, PIW, 1968. 318 p.
51. Zarakol A. *After Defeat. How the East Learned to Live with the West*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 310 p.

About the author:

Alicja Cecylia Curanović – PhD, Assistant Professor at the Institute of International Relations, University of Warsaw, 00-503 Warsaw, Żurawia 4 Street, email: a.curanovic@uw.edu.pl.

This research was conducted as part of the SONATA project no. 2015/19/D/H55/03149, financed by the National Science Centre, Poland. Part of the research for the article was conducted during my stay as a Fulbright visiting fellow at the Davis Center, Harvard University.

ОБЩЕПРИНЯТОЕ ВОСПРИЯТИЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО МЕССИАНИЗМА. ПОПЫТКА КРИТИЧЕСКОЙ ВЕРИФИКАЦИИ

А. Цуранович

DOI 10.24833/2071-8160-2019-1-64-28-44

Варшавский университет

Статья предлагает критический обзор девяти распространённых взглядов на тему российского мессианизма. Основная предпосылка мессианизма, которая имеет важное значение для его политического измерения, такова: у Провидения есть план, по которому развивается История, и в этом плане особая роль (миссия) принадлежит избранному субъекту (индивидуальному или коллективному). Под миссией подразумевается убеждение, что сообщество (государство или нация) является исключительным и что эта исключительность проявляется в её особой судьбе. Стоит различать три характерных, но взаимосвязанных, черты «миссии»: (1) убеждённость в особой судьбе; (2) чувство морального превосходства; (3) убеждение в том, что деятельность государства мотивируется не только собственным национальным интересом, но и высшей причиной, важной для более широкого (регионального, глобального и т.д.) сообщества. Первые два компонента миссии выражают исключительность «миссии» (т.е. избранного для совершения миссии), в то время как третий компонент относится к универсальному характеру призвания.

Целью статьи является упорядочение и критическая оценка научного знания этого феномена. Анализ основан на материалах, взятых из двух основных источников. Во-первых, это существующая академическая литература (на английском и русском языках). Во-вторых, это эмпирический материал, накопленный в результате анализа содержания (контент и дискурс-анализ) официальных выступлений В.В. Путина в период 2000-2014 гг. Статья выстроена вокруг девяти точек зрения, из которых каждая верифицирована через литературу, сопоставленную с эмпирическим материалом. Критический обзор этой темы актуален и необходим, потому что девять представленных взглядов способствуют определению сути как российского мессианизма, так и самой России.

Ключевые слова: мессианство, миссия, внешняя политика России, Третий Рим, статус мировой державы, идентичность России, чувство исключительности.

Список литературы:

1. Атнашев Т., Велижев М., Зорин А. «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 488 с.
2. Barkey K. Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective. New York, Cambridge University Press, 2008. 360 p.
3. Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 384 с.
4. Боков М. Роль России в мире // Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты / ред. М.Тарусин. М.: Институт общественного проектирования, 2008. С.
5. Bouveng K.R. The Role of Messianism in Contemporary Russian Identity and State-

- craft, Thesis for the degree of Doctor of Philosophy, Durham University. 2010, 322 p. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/438/> (дата обращения: 02.02.2019)
6. Clunan A. Historical aspiration and the domestic politics of Russia's pursuit of international status // *Communist and Post-Communist Studies*. 2014. Vol. 47. No. 3-4. Pp. 281-290.
7. Dubin B. The West, the Border, and the Unique Path. Symbolism of the 'Other' in the Political Mythology of Contemporary Russia // *Russian Politics and Law*. 2002. Vol. 40. No. 2. Pp. 5-29.
8. Duncan P. Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After. London – New York: Routledge, 2000. 255 p.
9. Engström M. Contemporary Russian Messianism and New Russian Foreign Policy // *Contemporary Security Policy*. 2014. Vol. 35. No. 3. Pp. 368-370.
10. Falcon I. Russian Strategic Culture in the 21st Century: Redefining the West-East Balance. In Tellis A.J., Szalwinski A., Wills M. *Strategic Asia 2016-17: Understanding Strategic Cultures in the Asia-Pacific*. Seattle and Washington D.C., The National Bureau of Asian Research, 2016.
11. Feklyunina V. Battle for Perceptions: Projecting Russia in the West // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No. 4. Pp. 605-629.
12. Frye T., Gehlbach S., Marquardt K.L., Reuter O.J. Is Putin's popularity real? // *The Post-Soviet Affairs*. 2017. Vol. 33. No. 1. Pp. 1-15.
13. Горшков М. К., Петухов В. В. Внешнеполитические ориентации россиян на новом переломе // *Полис. Политические исследования*. 2015. № 2. С. 10-34.
14. Gudkov L., Dubin B., Pain E. Does the «Special Path» Ideology contain the Potential for Modernisation // *Russian Politics and Law*. 2012. Vol. 50. No. 6. Pp. 79-92.
15. Gvosdev N. Their Proclamation Has Gone Out Into All The Earth: Soviet Messianism and the International System // *Canadian Slavonic Papers*. 1990. 32. No. 4. Pp. 431-443.
16. Herf J. *Reactionary Modernism: Technology, Culture, and Politics in Weimar and the Third Reich*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 263 p.
17. Kasamara V., Sorokina A. Imperial ambitions of Russia // *Communist and Post-Communist Studies*. 2012. Vol. 45. No. 3-4. Pp. 279-288.
18. Колесников А. Российская идеология после Крыма. Пределы эффективности и мобилизации. М.: Московский центр Карнеги, 2015. URL: <http://carnegie.ru/2015/07/07/ru-pub-60606>
19. Kohn H. The Permanent Mission: An Essay on Russia // *The Review of Politics*. 1948. Vol. 10. No. 3. Pp. 267-289.
20. Kotkin S. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern // *Foreign Affairs*. 2016. Vol. 95. No. 2. Pp. 2-9.
21. Kumar K. *The Making of English National Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 367 p.
22. Kushnir O. Ukraine and Russian Neo-Imperialism. *The Divergent Break*. London: Lexington Books, 2018. 218 p.
23. Лавров С. Историческая перспектива внешней политики России // *Россия в глобальной политике*. 2016. №2. С. 8-20.
24. Lebow R.N. *A Cultural Theory of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 762 p.
25. Legvold R. Introduction, in: [ed.] Legvold, Russian Foreign Policy in the Twenty-First Century and the Shadow of the Past, New York: Columbia University Press, 2007. 544 p.
26. McDaniel T. *The Agony of the Russian Idea*. Princeton: Princeton University Press, 1996. 210 p.
27. McDougall W. *Promised Land, Crusader State: The American Encounter with the World Since 1776*. New York: Mariner Books, 1998. 286 p.
28. Miller A. The Empire and the Nation in the Imagination of Russian Nationalism // Miller A., Rieber A. *Imperial Rule*. Budapest: Central European University Press, 2005. 218 c.
29. Mitzen J. Ontological security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // *European Journal of International Relations*. 2006. Vol. 12. No. 3. Pp. 341-370.
30. Niebuhr R. *The Structure of Nations and Empires*. New York: Charles Scribner's

- Sons, 1959. 306 p.
31. Oskanian K.K. A Very Ambiguous Empire: Russia's Hybrid Exceptionalism // *Europe-Asia Studies*. 2018. Vol. 70. No. 1. Pp. 26-52.
32. Østbø J. The New Third Rome: Readings of a Russian Nationalist Myth. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2016. 258 pp.
33. Pagden A. Lords of all the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France c.1500-c.1800. New Haven: Yale University Press, 1998. 244 p.
34. Паин Э. Имперский национализм (возникновение, эволюция и политические перспективы в России) // *Общественные науки и современность*. 2015. No. 2. с. 54-71.
35. Пастухов В.Б. Конец русской идеологии (Новый курс или новый Путь?) // *Полис. Политические исследования*. 2001. № 1. С. 49- 63
36. Петухов В.В., Бараш Р.Э. Русские и «Русский мир»: исторический контекст и современное прочтение // *Полис. Политические исследования*. 2014. № 6. С. 83-101. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.06.07>
37. Renshon J. Fighting for Status. Hierarchy and Conflict in World Politics. Princeton-Oxford: Princeton University Press, 2017. 328 pp.
38. Rowley D.G. «Redeemer Empire»: Russian Millenarianism // *American Historical Review*. 1999. Vol. 104. No. 5. Pp. 1582-1602.
39. Rywkin M. Russia: Mythology in the Service of Realpolitik // *American Foreign Policy Interests*. 2014. Vol. 36. No. 3. Pp. 195-200.
40. Сторчак В.М. Тема российского мессианизма в идеологии партий и организаций православно-монархического и национал-патриотического толка // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень*, Изд-во РАГС. 2003. No. 3. 249 с.
41. Сторчак В.М. Феномен российского мессианизма в общественно-политической и философской мысли России: вторая половина XIX-первая треть XX в. Изд-во РАГС, 2003. 249 с.
42. Сургуладзе В. Грани российского самосознания. Империя, национальное сознание, мессианизм и византизм России. М.: W. Bafing, 2010. 480 с.
43. Svenungsson J. Divining History. Prophecy, Messianism and the Development of the Spirit. New York: Berghahn Books, 2016. 240 p.
44. Talmon J. Political Messianism. The Romantic Phase. London: Secker&Warburg, 1960. 607 p.
45. Тихонова Н.Е. Мечты россиян «об обществе» и «о себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? // *Общественные науки и современность*. 2015. No 1. С. 52-63.
46. Травин Д. «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург: 2018. 224 с.
47. Van H., Marcel H. Putin's Propaganda Machine. Soft Power and Russian Foreign Policy. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield, 2016. 336 p.
48. Vassiliev A. Russian Policy in the Middle East: From Messianism to Pragmatism. Reading: Ithaca Press, 1993. 384 p.
49. Walicki A. The Slavophile Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1989. 609 p.
50. Walicki A. Filozofia a mesjanizm. Studia z dziejów filozofii i myśli społeczno-religijnej romantyzmu polskiego. Warsaw: PIW, 1968. 318 p.
51. Zarakol A. After Defeat. How the East Learned to Live with the West. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 310 p.

Об авторе:

Алиция С. Цуранович – PhD, доцент Института международных отношений Варшавского университета. 00-503 Warsaw, Żurawia 4 Street.
Email: a.curanovic@uw.edu.pl.

ДВА КАНЦЛЕРА: МЕТТЕРНИХ И НЕССЕЛЬРОДЕ

Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории РАН

Статья посвящена взаимоотношениям двух выдающихся государственных деятелей эпохи Венской системы международных отношений: канцлерам Австрии К. Меттерниху и России – К.В. Нессельроде. Они стояли у руля внешней политики двух союзных держав на протяжении почти 40 лет. Совпадение политических взглядов на европейский порядок, приверженность принципам легитимизма и консерватизма, неприятие революционных преобразований – вот та основа, на которой строился русско-австрийский альянс, продержавшийся в период от Венского конгресса до начала Крымской войны.

По оценкам многочисленных как отечественных, так и зарубежных исследователей международных отношений постнаполеоновской Европы, Нессельроде был послушным учеником австрийского канцлера, под руководством которого вершилась вся европейская политика. За приверженность консервативным принципам и системе Священного союза, служившей на пользу союзницы-Австрии, Нессельроде называли «австрийским министром русских иностранных дел». Однако документальные материалы свидетельствуют о том, что Нессельроде не был слепым последователем всех внешнеполитических инициатив австрийского канцлера. Он умел выдвигать и отстаивать собственную точку зрения в условиях сложных политических коллизий европейской политики. Можно говорить, что он по-своему честно и добросовестно служил Николаю I и интересам Российской империи в той степени, как он их понимал.

Ключевые слова: международные отношения, Нессельроде, Австрия, Меттерних, Венская система, Николай I, внешняя политика

На протяжении николаевского царствования Россию и Австрию связывали сложные отношения, изменявшиеся от полного согласия и взаимопонимания в середине 30-х гг. до почти враждебных – в начале 50-х. При этом со стороны России преобладали союзнические настроения, направленные на укрепление взаимных связей по общей борьбе с национальными движениями в обеих монархиях. В свою очередь, со стороны Австрии, внешняя политика которой находилась под управлением К. Меттерниха, на-

УДК 327.82

Поступила в редакцию 25.01.2019 г.

Принята к публикации 15.02.2019 г.

строения менялись в зависимости от практических шагов России, которые каждый раз ревниво отслеживались и придирчиво оценивались австрийским канцлером.

На вторую четверть XIX в. приходится расцвет императорской России, связанный с признанием её ведущей роли в европейской политике. По итогам наполеоновских войн для поддержания мира и внутривнутриполитической стабильности в Европе была создана новая политическая реальность, в основе которой лежали принципы легитимизма, консерватизма, баланса сил и политического равновесия. Принцип равновесия, подразумевавший невозможность какой-либо одной державе значительно укрепить своё влияние в Европе за счёт соседей, на многие годы стал фундаментом международных отношений. Европейские дела вершил концерт держав, или «пентархия», которую составляли Россия, Австрия, Пруссия, Англия и Франция, чьи конгрессы в начале 20-х гг. превратились «в почти что правительство Европы» [11, с. 70]. Союз трёх северных дворов – России, Австрии и Пруссии – обычно как в отечественной, так и в западной историографии противопоставляется альянсу морских держав – Великобритании и Франции. Если первый олицетворял собой европейское консервативно-монархическое начало, препятствовавшее развитию национально-освободительных движений в европейских странах, то второй обычно представляется в качестве оплота либерально-демократической Европы, противостоящей консервативным социально-политическим системам легитимистского характера.

В исторической литературе Венская система международных отношений зачастую отождествляется с системой Священного союза, поскольку основными принципами их деятельности были легитимизм и «право вмешательства» во внутренние дела других государств [7, с. 34]. Можно сказать, что идеология Священного союза лежала в основе Венской формы существования международных сил. Следует признать, что Священный союз сыграл негативную роль в истории России, сдерживая решение стоявших перед ней геополитических задач. Союз трёх восточных монархов стал «инструментом для борьбы с амбициями царя» [13, с. 110], чего Александр I не мог предугадать, выступая с инициативой его создания в 1815 г. Несмотря на негативную оценку роли Венской системы и Священного союза в социальных преобразованиях Европы, господствовавшую длительное время в отечественной исторической литературе, следует отметить появившуюся в историографии тенденцию к признанию в новом европейском порядке стабилизирующей функции, позволившей сохранить самый продолжительный 40-летний мирный период в Новой истории Старого света.

На протяжении почти сорока лет (1809-1848 гг. в Австрии и 1816-1856 гг. в России) во главе внешней политики стояли канцлеры К. Меттерних и К.В. Несельроде. Взаимоотношения этих государственных деятелей внешне ничем не омрачались и были отмечены полным согласием и взаимопониманием. Их сотрудничество начиналось с взаимоотношений, более напоминавших отношения ученика и учителя. Однако, оно не оставалось неизменным и претерпело

значительные трансформации вслед за развитием событий в Европе и выработкой собственных программ внешней политики.

Венская система международных отношений, зачастую называемая в литературе «системой Меттерниха», характеризуется господством консерватизма и легитимизма как во внутренней, так и внешней политике европейских государств. По общему признанию российских и зарубежных историков, первую скрипку в европейской политике играл «кучер Европы» [18, с. 170], «Дон Кихот легитимизма» [18, с. 262], «министр Европы» [18, с. 123] – Клеменс Меттерних. Нессельроде историки традиционно отводят роль подражателя, следовавшего в фарватере идей своего учителя.

Князь Клеменс Венцель Лотар Меттерних (1773 – 1859 гг.), дирижёр европейского концерта [18, с. 7], зачастую считается ключевой фигурой Священного союза. Его нельзя отнести к основателям Союза, поскольку тот возник по инициативе российского императора Александра. Поначалу австрийский канцлер относился к идее его создания скептически, называя «пустым звуком» [8, с. 16]. «Священный союз никогда не играл никакой роли.... поскольку никогда ничего не смог произвести», – писал Меттерних австрийскому посланнику в Париже графу А.Р. Аппоньи в январе 1837 г. [27, с. 256]. Как представляется, австрийский канцлер лукавил. Считая морально-религиозную основу Союза прихотью Александра I, Меттерних, тем не менее, очень быстро понял, как использовать любимое детище российского владыки для управления всей международной жизнью Европы. С помощью Священного союза можно было потакать крайне контрреволюционным настроениям Николая I, которые в полной мере поддерживал и сам Меттерних. В своём политическом завещании Меттерних писал: «Моей главной заботой было сохранение существующего положения вещей» [18, с. 402]. «Система Меттерниха» предполагала эффективное сотрудничество членов пентархии, в основу которого было положено понятие равновесия держав «европейского концерта». По мнению Н.Я. Данилевского, Меттерних играл роль великого «усыпителя» всяких социальных движений в Европе, полагая, что Австрийская империя должна либо «спать», либо развалиться [5, с. 130]. Для того, чтобы сохранить неизменной многонациональную Австрию, Меттерних должен был содействовать поддержанию «спокойствия и порядка» не только в самой империи, но и в Европе в целом. Не будучи в состоянии противостоять развитию национальной идеи, Меттерних мог лишь «отсрочить неизбежное падение империи благодаря выдающемуся дипломатическому мастерству» [18, с. 16]. Система европейского равновесия, на страже которой стоял «первый министр Европы», оказалась действенной и востребованной в европейских международных отношениях на протяжении длительного времени.

Из множества воспоминаний о «вожде европейского консерватизма» процитируем графа Ф.Г. Головкина и канцлера А.М. Горчакова. Ф.Г. Головкин пишет: «Хорошо сложенный, прекрасно одетый, белокурый, очень бледный, по виду рассеянный, он слыл среди женского пола натурой романтической; мужчины

считали его человеком рассудительным... Вообще в нём была какая-то надменность, подходящая для человека, которому суждено занимать выдающееся положение, и известный такт врождённого дипломата. Он с самых юных лет умел замечательно хорошо держать себя, был очень трудолюбив, умел владеть собою и не выказывать своих чувств; при всей своей вспыльчивости, он прекрасно владел своим голосом, жестами и выражениями, умел быстро и плодотворно работать», т.е. представлял собой «тип истого дипломата» [9, с. 111]. А.М. Горчаков, в 1830-х гг. советник российского посольства в Вене, писал в Петербург: «Ум изобретательный и гибкий, он никогда не испытывал недостатка в способах найти выход из любого сложного положения, сохранив при этом внешнее достоинство, даже если по сути им пришлось пожертвовать. Совершенно аристократическая элегантность его внешности и речи... облегчают ему эту задачу» [12, с. 124]. Горчаков подчёркивал, что все средства разносторонней политики канцлера служили одной цели – укреплению монархического начала. По выражению одного европейского дипломата, Меттерних представлял собой «олицетворённый оптимизм», позволявший австрийскому канцлеру успешно действовать даже в самых затруднительных обстоятельствах и браться за решение даже, казалось бы, безнадежных проблем.

Австрия была страной, наиболее заинтересованной в стабильности – само её существование зависело от сохранения мира и спокойствия в Европе. Австрийский канцлер, декларировав тождество интересов Европы и своего государства, стремился поставить общие дела на службу империи. При этом Меттерних никогда не претендовал на вмешательство во внутренние дела, по его словам: «Я иногда управлял Европой, но никогда – Австрией» [28, с. 100]. По убеждению Меттерниха, в основу внешней и внутренней политики империи должен быть положен консервативный принцип: «Наше собственное существование и мир в Европе, – писал он, – теснейшим образом связаны с поддержанием этого принципа» [22, с. 381]. Единственно приемлемой формой правления Меттерних считал монархию, причём отнюдь не конституционную, существование которой он допускал лишь в Великобритании – после нескольких веков «адаптации». «Лишь монархия стремится объединить людей в компактные и действенные массы и делает их способными к достижению соединёнными усилиями высот культуры и цивилизации» [3, с. 148]. В этом он полностью солидаризировался с Николаем I, политику которого, впрочем, считал «чисто русской». Канцлер полагал, что тесное сотрудничество двух континентальных государств выгодно для Австрии. Кроме того, обе империи в своей внутренней политике преследовали сохранение существующего строя и противостояние «демонству революции»; в результате всякая революционная попытка в Европе вызывала единодушное осуждение и решительное противодействие со стороны правительств обеих империй.

Июльская революция во Франции стала сильнейшим ударом для австрийского канцлера («Дело моей жизни разрушено»), и он поспешил на встречу с

Нессельроде, находившимся в Карлсбаде на водах [22, с. 9–12]. Именно Меттерних сообщил российскому канцлеру новость о революционных событиях. Уже 10 (22) августа российский посол в Вене Д.П. Татищев передал Х.А. Ливену, замещавшему Нессельроде на посту управляющего российским МИДом, слова Меттерниха: «Нынешнее французское правительство анархическое; герцога Орлеанского увенчали короной, не сделав королём»¹. Позже австрийский канцлер самодовольно вспоминал о том внимании, с которым выслушивал его советы растерянный от полученного известия Нессельроде: «Полный сосуд легко переливается в пустой», – писал он австрийскому послу в Петербурге К. Фикельмону 1 (13) октября 1830 г. [21, с. 299].

Несмотря на показное единодушие, Николай I Меттерниха недолюбливал и называл его «канальей», отдавая себе отчёт в том, что усиление России, нарушающее баланс сил, не входит в планы австрийского канцлера [25, с. 130]. «Врагом-супостатом» назвал Меттерниха российский посол в Англии Ф.И. Бруннов. Впрочем, со временем, Николай I стал большим приверженцем политики австрийского канцлера, чем Нессельроде, позволявший иногда противоречить своему «наставнику».

Фигура австрийского канцлера неизменно вызывает интерес исследователей. В разрешении загадки его политического успеха выдвигается тезис о том, что Меттерниху не была чужда идея постепенных эволюционных реформ в Австрии, а *status quo* в Европе он не противопоставлял разумной стабильности [26, с. 335]. Меттерних сочетал консерватизм во внутренней политике с принципом равновесия сил в политике внешней. По мнению П.Ю. Рахмирова, благодаря дипломатическому искусству Меттерниха Австрия стала играть в Европе роль, превосходившую её реальные возможности [18, с. 243]. Эту роль в европейской политике, считал Меттерних, Австрия приобрела в силу её географического положения в качестве центра тяжести всей европейской системы государств. Сумев объединить три северных двора общностью интересов в противостоянии революции и поддержании консервативных тенденций во внешней и внутренней политике, Меттерних становится главным идеологом трёх союзных держав.

Революционные события 1848 г. вынудили австрийского канцлера бежать в Англию. Российский император выразил ему искреннее сочувствие: «Ваша страна теряет в вашем лице государственного деятеля, который раз подняв её из пропасти, поддерживал её в течение свыше 30 лет на том уровне политического влияния, на который он сумел её поставить» [1, с. 181]. Более всего Николай I был огорчён исчезновением «целой системы отношений, идей, интересов и согласованных действий», которая уходила вместе с австрийским канцлером.

Друг Меттерниха и верный коллега по «европейскому умиротворению» – Карл Роберт Нессельроде, или, как его называли на русский манер, Карл Васи-

¹ Внешняя политика России в XVIII и начале XX в. (Далее – ВПР). Т. XVII. М., 2005. С. 49. Д.П. Татищев Х.А. Ливену. 10 (22) августа 1830 г.

льевич (1780–1862 гг.), известен в качестве приверженца системы Меттерниха в международных отношениях. Но если австрийский канцлер ставил свою систему на службу комфортному выживанию Австрии в бурях европейских революций, то его российский коллега подчинял интересы своей страны общеевропейским [28, с. 98]. В этом признавался и сам Нессельроде по завершении карьеры, и именно в этом состоял разительный контраст в методах, с помощью которых два руководителя внешней политики пытались достичь одной и той же политической цели в Европе – стабильности.

На 40-летний период деятельности Нессельроде в качестве главы российского МИДа пришлось многие события, изменившие образ России в Европе в негативную сторону: подавление Польского и Венгерского восстаний, Крымская война. Консерватизм и приверженность системе Священного союза приводили не к выгодам, а к подчинению русской внешней политики «европейской идее», служившей на пользу союзницы-Австрии, что дало повод известному критику русского высшего общества П.В. Долгорукову назвать Нессельроде «австрийским министром русских иностранных дел» [6, с. 242].

В некоторых работах отечественных историков подвергается сомнению устоявшееся мнение о крайней несамостоятельности Нессельроде; он характеризуется в качестве осторожного и вдумчивого политика, зачастую направлявшего волю Николая I [15; 17]. Эту противоречивость характеристик Нессельроде подчёркивал канадский исследователь Х.Н. Ингл, отметив, что русские и советские историки проклинают Нессельроде за антирусскую политику, а западные – за службу царскому режиму [24, X].

Официально Нессельроде занимал пост вице-канцлера (с 1828 г.), затем канцлера (с 1845 г.), фактически выполняя функции министра иностранных дел, но нигде в документах МИДа так не называясь. Поначалу, став статс-секретарем в 1815 г., он делил свои обязанности с И.А. Каподистрией. Александр I разграничил обязанности двух статс-секретарей, оставив сношения с Западной Европой заботам Нессельроде, и вверив восточные дела Каподистрии. Явные симпатии уроженца о. Корфу Каподистрии к своим землякам – участникам Греческой революции 1821 г., заставили императора сначала временно отстранить его от исполнения обязанностей статс-секретаря, а с 1822 г. отправить в бессрочный отпуск. Сосредоточив в своих руках контроль над отношениями России с западными державами, Нессельроде быстро переподчинил себе соответствующие службы ещё существовавшей Коллегии иностранных дел. Он писал заведующему Коллегией тайному советнику И.А. Вейдемейеру в 1814 г.: «Переписка с нашими миссиями будет производиться при мне и от моего имени в министерской канцелярии, а также все министерские и другие донесения к высочайшему двору будут поступать на моё имя. Все сношения с дипломатическим здесь корпусом е.и. в-ву благоугодно было возложить на меня» [16, с. 88-89].

Придя к власти, Николай I рассматривал несколько кандидатур на место министра иностранных дел. Император склонялся к тому, чтобы назначить на

этот пост графа Г.А. Строганова, недавнего посланника в Константинополе. В 1821 г. Строганов со всем посольством покинул турецкую столицу после того, как султан не ответил на ряд российских нот, которые по поручению императора Александра I Строганов направлял Порте, предостерегая её от неоправданно жестоких действий против греков. Строганов обладал необходимым знанием обстановки на Востоке, а восточные дела при вступлении Николая на трон оставались наиважнейшими. Другой возможной кандидатурой был князь Х.А. Ливен, в то время посол в Великобритании, который пользовался особым расположением российского императора, назначавшего его полномочным представителем в главнейшие европейские столицы – в Берлин и Лондон. Известно, что на пост главы МИДа также претендовал Д.П. Татищев, имевший к тому времени опыт руководства Министерством иностранных дел во время отлучек канцлера А.Р. Воронцова и А.А. Чарторыйского. Когда выбор пал на Нессельроде, Татищев счёл себя оскорблённым. Неизвестно, возобладала ли сила инерции, или император посчитал Нессельроде наиболее подходящей фигурой для главы МИДа, но судьба на долгие десятилетия неразрывно связала Николая I и Карла Васильевича.

Бессменно управляя Министерством, Нессельроде опирался в своей работе на помощь ближайших сотрудников и помощников. Некоторым из них вице-канцлер доверял временно исполнять обязанности управляющего МИДа в период своих отпусков и продолжительных периодов лечения в Карлсбаде. Отпуска Нессельроде отличались от кратковременных отлучек от должности его подчинённых; он мог себе позволить отсутствие в течение нескольких летних месяцев. В этих случаях в 1820-х гг. его замещал тайный советник П.Г. Дивов, под руководством которого находились Петербургские архивы МИДа, в 1830-е гг. – директор Азиатского департамента действительный тайный советник К.К. Родофиникин, а в 1840-е гг. – действительный тайный советник граф И.И. Воронцов-Дашков, обер-церемониймейстер императорского двора. Для управления политическими делами в 1830 г. в Петербург был вызван из Лондона князь Х.А. Ливен².

Нессельроде свёл знакомство с Меттернихом в 1802 г. во время путешествия по Саксонии и Богемии, но более тесным сотрудничество двух политиков стало в период проведения Венского конгресса, когда Карл Васильевич получил звание статс-секретаря и управляющего Государственной коллегией иностранных дел и после того, как 9 августа 1816 г., он был назначен управляющим министерством иностранных дел. Ещё во время Отечественной войны 1812 г., заведывая походной политической канцелярией Александра I, Нессельроде выполнял свои обязанности «с должным молчанием». Позже Ф. Генц удивлялся быстроте карьеры Карла Васильевича, которого Николай I «унаследовал» от брата, но подвергал сомнению его компетенцию и возможность влиять на решения рос-

² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. ДЛС и ХД. Оп. 713. Д. 344. Л. 1 с об.

сийского императора. Генц полагал, что Нессельроде является лишь первым столоначальником Николая I. Сам Генц на протяжении долгого времени являлся помощником Меттерниха, будучи мастером в составлении дипломатических бумаг, а по мнению некоторых исследователей, – идейным вдохновителем австрийского канцлера [18, с. 261]

Будучи, как полагало окружение, «в кармане у Меттерниха», Нессельроде зачастую слепо следовал за ним. «Нессельроде нравственно умерен, его как бы не существует», – писал австрийский канцлер, называя своего коллегу «маленьким Нессельроде». Ф. Гизо отмечал, что у Нессельроде присутствовало стремление «как можно далее держать себя от вспышек своего повелителя» [23, с. 374]. Уничижительную оценку Нессельроде дала супруга князя Меттерниха, урожденная графиня Зичи-Феррарис в мемуарах о заключении Мюнхенгренцкой конвенции: «Нессельроде, по-видимому, принадлежит к разряду тех, с которыми обращаются хуже [чем с Орловым – Е.К.], или, по крайней мере, которых не почитают» [22, с. 434]. Характер российского вице-канцлера казался ей слишком слабым для того, чтобы «его голос имел в совете подобающее значение». В 1836 г. английский посол в России Дж. Дюргам доносил Пальмерстону в Лондон о том, что в вопросах внешней политики российский император прислушивается только к А.Ф. Орлову и К.В. Нессельроде [24, с. 58]. Это означает, что Николай I сравнивал взгляды своих соратников – а по ряду вопросов, включая отношения с Великобританией, они были противоположны – и принимал собственные внешнеполитические решения.

Полное взаимопонимание и согласие в главных вопросах европейской политики не нарушалось в союзе двух канцлеров на протяжении многих лет. Стремление сохранять в Европе *status quo* вело обоих министров к осторожной, сугубо охранительной внешней политике своих государств. При этом, Меттерниху не раз удавалось сформировать мнение своего коллеги и повести его за собой. Определённой победой Меттерниха стал отказ России поддержать Греческое восстание в 1821 г. [25, с. 245]. Тогда Россия была вынуждена поставить греческое дело «под коллективное ручательство» европейских держав и подписать по этому поводу два протокола – Петербургский в 1826 г. и Лондонский в 1827 г. Оба эти протокола подразумевали совместное участие европейских стран в «умиротворении» Греции, т.е. формально лишали Россию возможности самостоятельно урегулировать греко-турецкий конфликт. Известно, что в русско-турецких отношениях российское правительство предпочитало обходиться без европейских «союзников», что, как правило, было залогом успеха её восточной политики. Теперь же обязательства, вытекавшие из участия в двух протоколах по греческим делам, сковывали самостоятельную политику России, отдавая вопрос о судьбе Греции в руки нескольких европейских гарантов. А во время Лайбахского конгресса Священного союза Меттерних так высказался о своей победе над российскими представителями: «Сильнейший увлёк слабейшего, согласно законам механики, физики и нравственности» [20, с. 320].

Между тем было немало случаев, когда Нессельроде не давал увлечь себя, а вместе с собой и всю русскую политику, по пути следования политики австрийского двора. Это подтверждается ситуацией, сложившейся летом 1830 г., когда оба политика получили весть о революции во Франции. Меттерних констатировал позже, что Нессельроде был крайне обескуражен новостью и растерян, поэтому со вниманием выслушивал советы коллеги, развернувшим перед Нессельроде целую программу действий. Согласно с ней, первое условие, которое обе монархии должны были соблюдать по отношению к новому правительству Франции – невмешательство во внутренние дела этой страны. Вторым пунктом, предложенным австрийским канцлером, было установление соглашения между Петербургом, Веной и Берлином по поводу совместного признания Орлеанской монархии; это условие встретило решительный отпор со стороны Нессельроде. Документ, известный под названием «Карлсбадского лоскута», стал первым свидетельством самостоятельной политики «ученика» Нессельроде перед своим «учителем», утверждавшем, что «старая Европа присутствует при начале конца»³. Если не считать этого небольшого расхождения в оценке подписываемого документа, взгляды руководителей внешней политикой России и Австрии совершенно совпадали. «Как странно, – писал Меттерних императору Францу I, – что два человека, стоящие во главе двух кабинетов, совершенно согласны между собою по всем подробностям» [14, с. 11]. Карл Васильевич сообщал в Петербург о своих встречах с Меттернихом, а также о том, что австрийский канцлер советовал соблюдать воздержанность и единство действий по отношению к событиям во Франции. Однако, понятие о «единстве» не мешало Меттерниху признать власть Луи-Филиппа ещё во время присутствия Нессельроде в Вене⁴.

Карл Васильевич удостоился множества нелестных характеристик современников. Одна из наиболее элегантных принадлежит графине Эбелинг, которая заметила, что российский канцлер «представлял из себя разительный пример притягательной силы, существующей между ничтожеством и фортуною» [21, с. XVII]. Подобные характеристики нередки, приведём лишь некоторые, включая мнения дипломатических представителей иностранных государств в России. Князь В.П. Мещерский вспоминал о Нессельроде: «Он был и ловок, и умён, но, к сожалению, у него было два крупных недостатка: он не был русский по душе и был феноменальный эгоист-эпикурец. Оттого про него говорили, что он больше сделал для кулинарного искусства и для цветов, чем для иностранной политики России. Его кухня считалась первою в Петербурге и его знаменитые оранжереи на островах были храмом самого утонченного культа флоры. Туда ездили, как на богомолье» [14, с. 707]. Помощник посла Франции в Петербурге маркиза де Кастельбажака граф Рейзет замечал, что исключительной красоты

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1830. Д. 13. Л. 5.

⁴ ВПР. Т. XVII. С.380. К.В.Нессельроде Х.А.Ливену. 27 июля (8 августа) 1830 г.

камелии из оранжерей Нессельроде продавались очень дорого [4, с. 229]. Саксонский поверенный в делах граф Фицтум фон Экштедт, также упоминающий о любви Карла Васильевича к цветам и музыке, полагал, что Нессельроде был для Николая I «не более, как чиновник, которому он оказывал доверие лишь настолько, насколько считал это потребным для дел» [2, с. 369]. Творческим умом, по мнению саксонского поверенного в делах, Нессельроде не обладал, но умел пользоваться чужими мыслями: «Здравостью его суждений и способностью к упорной, неутомимой деятельности объясняется то, что он успел удержаться в своём положении в продолжении трёх царствований». Впрочем, продолжает граф, подчинённые его любили: он был строг, но общителен.

Эту же черту – осторожность – подчёркивали в своих отзывах о российском канцлере представители иностранных держав в Петербурге. Оттон де Бре, советник посольства Баварии, характеризовал Нессельроде как чиновника «неуловимого», скрытого «несколько в тени» монарха, зато с «верным взглядом и редким умением никогда не действовать слишком поспешно» [10, с. 125]. Это свойство, по мнению советника, помогло России избежать нескольких военных конфликтов. Граф Фицтум фон Экштедт был убеждён, что российский канцлер ничего не знал о концентрации русских войск на границе с Османской империей в 1853 г. Известно, что Нессельроде был горячим противником конфликта с Турцией, поскольку полагал, что завоевание Турции было бы безумием, которое поставило бы на карту само существование российского государства [2, с. 389]. Нессельроде оказался недалёк от истины: ещё в 1833 г., когда Европа переживала прибытие на Босфор российского флота с десантом на борту, глава французского внешнеполитического ведомства герцог В.-Ш. де Брольи писал Талейрану: «Если русские оккупируют Константинополь с согласия Порты или вопреки ему, это тотчас же станет заботой европейских отношений» [29, с. 367]. Опасения западных держав по поводу возможного занятия русскими турецкой столицы оставались неизменными на протяжении всего XIX в. Русско-английское, а позже и русско-французское соперничество в регионе Черноморских проливов, Средиземноморья и Европейской Турции сковывали военную, а зачастую, и политическую активность Российской империи. Встретить вместо «беспечных турок» вооружённое сопротивление ведущих европейских держав не входило в планы военного командования России и всякий раз останавливало российскую армию буквально «у ворот» Константинополя.

Впрочем, существует мнение, что Нессельроде вовсе не был самым ревностным последователем Меттерниха – в этом качестве его затмил российский император [15, с. 110]. Для противодействия европейским революциям и восстановления нарушенного баланса сил Николай I зачастую предлагал действия даже более радикальные, чем австрийский канцлер, тем самым превзойдя его в поддержке охранительных принципов европейской системы. Известно, что Меттерних некоторое время вынашивал идею военного похода в Бельгию. Воплотить эту идею в жизнь взялся российский император, но этому помешало

восстание в Польше и доклад Нессельроде, обративший внимание Николая I на материальные «невозможности» российского бюджета.

В этих случаях российский канцлер выполнял весьма полезную роль «буфера», смягчая или направляя по другому руслу скоропалительные и взрывоопасные решения своего патрона, препятствуя импульсивным и необдуманным действиям – таким, как военный марш-бросок в революционную Европу. Однако и не без влияния Нессельроде российский император сделал выбор в пользу «общевропейской» политики, жертвуя геополитическими интересами своей страны. Следование принципам Священного союза, ставшее приоритетной политикой российского императора на все годы его правления, сковало внешнеполитическую активность российского государства, подчинив её иллюзорной европейской «общности».

Один из самых ревностных приверженцев идеи Священного союза, российский канцлер К.В. Нессельроде в конце жизни вынужден был признать пагубность для российской внешней политики обязательств, вытекавших из участия в союзе трёх монархов. Давая оценку своей 40-летней деятельности во главе внешнеполитического ведомства в «Записке», названной её публикатором Н.К. Шильдером «лебединой песней маститого старца», Нессельроде приходит к неожиданным выводам, в какой-то степени перечеркивавшим результаты его деятельности на посту управляющего российским МИДом. Оглядываясь на годы службы Александру I и Николаю I, Нессельроде заключает, что в прошлом российская внешняя политика не всегда соотносилась с собственными русскими интересами. Ценой многих жертв она отстаивала, прежде всего, условия европейских трактатов, поддерживая австро-русское согласие, рьяным поборником которого всегда был сам Нессельроде. В будущем, по словам Карла Васильевича, следует расстаться с системой, «которой держались сорок лет» и отдавать предпочтение собственным внешнеполитическим приоритетам.

Список литературы:

1. Австрийская революция 1848 г. и Николай I // Красный архив. 1938. Т. 4–5. С. 155–207.
2. В виду Крымской войны. Заметки дипломата при Петербургском и Лондонском дворах, 1852–1855 гг. // Русская старина. 1887. № 5. С. 367–404.
3. Виноградов В.Н. Был ли князь К. Меттерних «кучером Европы»? // Новая и новейшая история. 2007. № 4. С. 144–171.
4. Граф Рейзет в России в 1852–1854 гг. Извлечения из его воспоминаний. Comte de Reiset. Mes souvenirs. La guerre de Crimée et la cour de Napoléon III. V. II. Paris. 1902 // Русская старина. 1903. № 7. С. 215–232.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
6. Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М.: Север, 1934. 480 с.
7. Додолев М.А. Венский конгресс в историографии XIX и XX веков. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2000. 253 с.
8. Еланчин Н.А. Очерки похода 1829 г. в Европейской Турции. Т. 1. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1905. 337 с.
9. Из воспоминаний графа Ф.Г. Головкина // Русская старина. 1907. № 4. С. 107–122.
10. Император Николай I и его сподвижники (Воспоминания графа Оттона де Бре. 1849–1852) // Русская старина. 1902. № 1. С. 115–131.
11. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 850 с.

12. Котова Е.В. Австрийские страницы в судьбе князя А.М. Горчакова // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М., 2004. Вып. 3. С. 133-135.
13. Майский И.М. Испания 1808–1917: исторический очерк. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 454 с.
14. Мещерский В.П. Мои воспоминания // Николай первый: pro et contra. Антология / Андреева Т.В. Выскочков Л.В. СПб.: НОКО, 2011. С. 707-708.
15. Михайлов В.Б. Нессельроде Карл Васильевич // Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т.3: Биографии министров иностранных дел, 1802–2002 гг. / А.Ю.Мешков и др. М.: Олма, 2002. С. 101–113.
16. Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1902. 206 с.
17. Пономарев В.Н. Финал долгой карьеры К.В. Нессельроде и Парижский мир // Российская дипломатия в портретах / А.В.Игнатъев и др. М.: Международные отношения, 1992. С. 180–198.
18. Рахшмир П.Ю. Князь Меттерних: человек и политик. Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. 405 с.
19. Татищев С.С. Император Николай и июльская монархия во Франции // Исторический вестник. 1887. № 11. С. 285–323.
20. Татищев С.С. Русская дипломатия старая и новая // Русский вестник. 1887. №1. С. 276–339.
21. Татищев С.С. Император Николай I и иностранные дворы: исторические очерки. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1889. 485 с.
22. Aus Metternich's nachgelassenen Papieren. Bd.5, Wien: Braumüller, 1882. 654 p.
23. Guizot F. Mémoires pour servir a l'histoire de mon temps. Paris: Michel Lévy frères, 1858. V. 1. 67 с.
24. Ingle H.N. Nesselrode and the Russian rapprochement with Britain. 1836–1844. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1975. 196 с.
25. Kann R.A. A History of the Habsburg Empire. 1526–1918. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1974. 646 с.
26. Kann R. Metternich: a Reappraisal of his impact on international relations // European political history. 1815–1870. New York, 1967. Pp.69–82.
27. Bertier de Sauvigny G. Sainte Alliance et Alliance dans les conceptions de Metternich // Revue Historique. 1963. V. CCXXIII. № 2. Pp. 240–274.
28. Sked A. The Metternich system // Europe's Balance of Power 1815–1848. London: Barnes & Noble, 1979. Pp. 90–110.
29. Thureau-Dangin P. Histoire de la Monarchie de Juillet. Paris: Plon, Nourrit, 1888. T. 2. 438 с.

Об авторе:

Елена Петровна Кудрявцева – д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра внешней политики России Института российской истории РАН. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
E-mail: demetr22@mail.ru.

TWO CHANCELLORS: METTERNICH AND NESSELRODE

E.P. Kudryavtseva
DOI 10.24833/2071-8160-2019-1-64-45-58

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The article is devoted to the relations of two distinguished statesmen of the Vienna System period – Austrian Chancellor Metternich and Russian Chancellor Nesselrode. They took the helm of the foreign affairs of the allied states for a long period of time – their co-operation lasted almost 40 years. Russian-Austrian union was based on concurrence in their political views regarding the Concert of Europe, adherence to the principles of legitimacy,

conservatism and hostility to revolution and remained until the Crimean War. According to estimates of historians, Nesselrode was just an obedient apprentice of the Austrian Chancellor who orchestrated the whole European policy. Adherence to the principles of conservatism and The Holy Alliance resulted in nothing but misfortunes of Russian foreign policy and its submission to the «European Idea». Austria benefited from this and therefore Nesselrode was called «Russian foreign minister in the service of Austria». However documents witness that Nesselrode being an adept of Metternich's doctrine wasn't just a blindfolded follower of all Austrian initiatives. He could stand his ground in face of difficult European politics. In his way he faithfully served Russia and Nicolas the I.

Key words: international relations, Nesselrode, Austria, Vienna system, Metternich, foreign policy.

References

1. Avstriyskaya revolyutsiya 1848 g. i Nikolay I [The Austrian Revolution of 1848 and Nicholas I]. *Krasnyy arkhiv*, 1938, vol. 4–5, pp. 155–208. (In Russian).
2. V vidu Krymskoy voyny. Zаметki diplomata pri Peterburgskom i Londonskom dvorakh, 1852–1855 gg. [In view of the Crimean War. Notes diplomat at the Petersburg and London yards, 1852–1855]. *Russkaya starina*, 1887, no. 5, pp. 367–404. (In Russian).
3. Vinogradov V.N. Byl li knyaz' K. Metternikh «kucherom Yevropy»? [Was Prince K. Metternich a "coachman of Europe"?]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2007, no. 4, pp. 144–171. (In Russian).
4. Graf Reyzet v Rossii v 1852–1854 gg. Izvlecheniya iz yego vospominaniy. Comte de Reiset. Mes souvenirs. La guerre de Crimé et la cour de Napoléon III. V. II. Paris. 1902 [Graf Reyzet in Russia in 1852–1854 Extract from his memories. Comte de Reiset. Mes souvenirs. La guerre de Crimé et la cour de Napoléon III. V. ii. Paris. 1902]. *Russkaya starina*, 1903, no. 7, pp. 215–232. (In Russian).
5. Danilevskiy N.Ya. *Rossiya i Yevropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga, 1991. 574 p. (In Russian).
6. Dolgorukov P.V. *Peterburgskiyе ocherki. Pamflety emigranta. 1860–1867* [Petersburg essays. Pamphlets of an emigrant]. Moscow, Sever, 1934. 480 p. (In Russian).
7. Dodolev M.A. *Venskiy kongress v istoriografii 19 i 20 vekov* [Congress of Vienna in historiography of the nineteenth and twentieth centuries]. Moscow, Institut vseobshchey istorii RAN, 2000. 253 p. (In Russian).
8. Yepanchin N.A. *Ocherki pokhoda 1829 g. v Yevropeyskoy Turtsii* [Essays on the campaign of 1829 in European Turkey]. Vol. 1. Saint Petersburg, Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1905. 337 p. (In Russian).
9. Iz vospominaniy grafa F.G. Golovkina [From the memoirs of Count F.G. Golovkina]. *Russkaya starina*, 1907, no. 4, pp. 107–122. (In Russian).
10. Imperator Nikolay I i yego spodvizhniki (Vospominaniya grafa Ottona de Bre. 1849–1852) [Emperor Nicholas I and his associates (Memories of Count Otto de Bré. 1849–1852)]. *Russkaya starina*. 1902, no. 1, pp. 115–131. (In Russian).
11. Kissinger H. *Diplomatia* [Diplomacy]. Moscow, Ladomir, 1997. 850 p.
12. Kotova Ye.V. Avstriyskiye stranitsy v sud'be knyazyа A.M. Gorchakova [Austrian pages in the fate of Prince A.M. Gorchakova] *Rossiya i Yevropa. Diplomatiya i kul'tura*, 2004, vol. 3, pp. 133–135. (In Russian).
13. Mayskiy I.M. *Ispaniya 1808–1917: istoricheskiy ocherk* [Spain 1808–1917: historical essay]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. 452 p. (In Russian).
14. Meshcherskiy V.P. Moi vospominaniya In [ed.] Andreyeva T.V. Vyskochkov L.V. *Nikolay pervyy: pro et contra. Antologiya* [Nicholas I: pro et contra. Anthology]. Saint Petersburg, NOKO, 2011, pp. 707–708. (In Russian).
15. Mikhaylov V.B. Nessel'rode Karl Vasil'yevich In [ed.] Meshkov A.Yu. *Ocherki istorii Ministerstva inostrannykh del Rossii* [Essays on the history of the

- Ministry of Foreign Affairs of Russia]. Vol.3: Biografii ministrov inostrannykh del, 1802-2002 gg. Moscow, Olma, 2002, pp. 101-113. (In Russian).
16. *Ocherk istorii Ministerstva inostrannykh del. 1802-1902* [Essay on the history of the Ministry of Foreign Affairs. 1802-1902]. Saint Petersburg, Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg, 1902. 206 p. (In Russian).
 17. Ponomarev V.N. Final dolgoy kar'yery K.V. Nessel'rode i Parizhskiy mir *In Ignat'yev A.V. Rossiyskaya diplomatiya v portretakh* [Russian diplomacy in portraits]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1992, pp. 180-198. (In Russian).
 18. Rakhshmir P.YU. Knyaz' Metternikh: chelovek i politik [Prince Metternich: a man and a politician]. Perm', Izdatel'stvo Permskogo universiteta, 2005. 405 p. (In Russian).
 19. Tatishchev S.S. Imperator Nikolay i iyul'skaya monarkhiya vo Frantsii [Emperor Nicholas and the July monarchy in France] *Istoricheskiy vestnik*. 1887, no. 11, pp. 285-323. (In Russian).
 20. Tatishchev S.S. Russkaya diplomatiya staraya i novaya [Russian diplomacy old and new]. *Russkiy vestnik*, 1887, no.1, pp. 276-339. (In Russian).
 21. Tatishchev S.S. *Imperator Nikolay I i inostrannyye dvory: istoricheskiye ocherki* [Emperor Nicholas I and Foreign Courts: Historical Essays]. Saint Petersburg, Tipografiya I.N. Skorohodova, 1889. 459 p. (In Russian).
 22. *Aus Metternich's nachgelassenen Papieren* [From Metternich's posthumous papers]. Bd.5, Wien, Braumüller, 1882. 654 p. (In German).
 23. Guizot F. *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps* [Memoirs for serving the story of my time]. Paris, Michel Lévy frères, 1858, vol. 1. 67 p.
 24. Ingle H.N. *Nesselrode and the Russian rapprochement with Britain. 1836-1844*. Berkely, Los Angeles, London, University of California Press, 1976. 196 p.
 25. Kann R.A. *A History of the Habsburg Empire. 1526-1918*. Berkely, Los Angeles, London, University of California Press, 1974. 646 p.
 26. Kann R. Metternich: a Reappraisal of his impact on international relations. *European political history. 1815-1870*. New York, 1967. Pp. 69-82.
 27. Sauvigny B.G. Sainte Alliance et Alliance dans les conceptions de Metternich [Holy Alliance and Alliance in the conceptions of Metternich]. *Revue Historique*. V. CCXXIII. 1963, no. 2, p. 240-274. (In French).
 28. Sked A. *The Metternich system. Europe's Balance of Power 1815-1848*. London, Barnes & Noble, 1979, pp. 90-110.
 29. Thureau-Dangin P. *Histoire de la Monarchie de Juillet* [History of the July Monarchy]. Paris, Plon, Nourrit, 1888. T. 2. 438 p. (In French).

About the author:

Elena P. Kudryavtseva – Doctor of Historical Sciences, leading research worker of department «Russia in international relations» of the Institute of Russian History of The Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: demetr22@mail.ru.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ США – СССР – КНР В КОНЦЕ ПЕРИОДА РАЗРЯДКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ (1977–1980 гг.)

Т.А. Воробьёва, В.Т. Юнгблюд

Вятский государственный университет

Период разрядки международной напряжённости, как правило, связывают со снижением уровня конфронтационности в американско-советских отношениях, подписанием договоров об ограничении стратегических вооружений и средств противоракетной обороны, развитием торгово-экономических отношений, научных и культурных обменов. Другой гранью разрядки принято считать укрепление безопасности в Европе.

При таком подходе разрядка (*détente*) рассматривается как альтернатива холодной войне, а её завершение – как упущенная возможность развития международных отношений в направлении безопасного мира, в котором действуют механизмы гармонизации интересов как великих держав, так и всех членов мирового сообщества.

В настоящей статье рассматривается история отношений в треугольнике США – СССР – Китай в 1977–1980 гг., когда в США у власти находилась администрация Дж. Картера. Эволюция подходов Вашингтона к формированию своей внешнеполитической стратегии и включению в неё политики в отношении СССР и Китая в те годы шла на фоне выраженного советско-китайского антагонизма. В действиях администрации Картера в первые месяцы её пребывания у власти не просматривалось чёткого плана, имело место острое соперничество между отдельными политическими деятелями (в первую очередь, С. Вэнсом и Зб.Бжезинским) за влияние на президента, которые отстаивали разные сценарии развития американско-советских и американско-китайских отношений. На всём протяжении президентства Картера руководство США максимально использовало фактор напряжённости в отношениях Москвы и Пекина. Каждый участник трёхсторонних отношений последовательно проводил собственный курс, направленный на достижение односторонних выгод. Попыток наладить трёхсторонний диалог с согласованной повесткой не предпринималось. Процессы разрядки практически не затронули комплекс международных проблем, существовавших в рамках американско-советско-китайского треугольника. Более того, использование Вашингтоном «китайской карты» препятствовало снижению напряжённости в американско-советских отношениях и свидетельствовало о сохранении в планировании и осуществлении внешней политики США идей и дипломатических приёмов, характерных для холодной войны.

УДК 94, 327

Поступила в редакцию 25.11.2018 г.

Принята к публикации 11.02.2019 г.

Ключевые слова: разрядка международной напряжённости, американско-китайские отношения, советско-американские отношения, ОСВ-2, администрация Картера, 36. Бжезинский, С. Вэнс.

Вторая половина 1970-х гг. – один из наиболее насыщенных событиями периодов в истории международных отношений XX в. В памяти современников он остался как время разрядки международной напряжённости. Однако вплоть до сегодняшнего дня нет признанного всеми историками определения термина «разрядка». Парадоксально, но общности взглядов на основные характеристики того состояния международной жизни, которое было принято называть этим словом, похоже, не было и у главных авторов и исполнителей её стержневого процесса – нормализации отношений сверхдержав: у руководителей СССР и США.

Была ли разрядка альтернативой холодной войне или всего лишь её разновидностью – этот вопрос по-прежнему остаётся открытым. Наполненные оптимизмом семидесятые годы завершились коллапсом надежд на всеобщий мир, безопасность и сотрудничество. В конце 1979 г., начавшегося установлением дипломатических отношений между США и КНР, поворот к новой холодной войне стал необратим.

Цель настоящей статьи – рассмотреть историю отношений в треугольнике США – СССР – Китай в 1977–1980 гг., когда в США у власти находилась администрация Дж. Картера, и прояснить, какую роль играл фактор Китая в американско-советских отношениях на завершающем этапе разрядки. Изучение многослойной, богатой нюансами дипломатической истории американско-китайских и американско-советских отношений, вплетённой в более широкий контекст международной жизни, потребовало от авторов применения методов системного анализа и компаративного подхода.

Хотя в отечественной историографии изучение истории американско-китайских и американско-советских отношений в годы холодной войны и разрядки международной напряжённости имеет давние традиции [2; 3; 4; 5; 13; 20; 47], работ, непосредственно посвящённых заявленной в данной статье теме, немного. Большой вклад в её актуализацию и формулирование в виде самостоятельной научной проблемы, а также в создание необходимого научно-методологического инструментария внесли труды А.Д. Богатурова [7; 19], А.С. Маныкина и В.О. Печатнова [18]. По смежной тематике защищено несколько кандидатских диссертаций по истории и политологии [1; 10; 21]. В 2008 г. была опубликована статья С.А. Евсеева [12], посвящённая анализу геополитических противоречий США – КНР – СССР в Восточной Азии в конце 1960-х – конце 1970-х гг. Развитие дипломатических отношений в рамках треугольника в конце 1970-х гг. этот автор рассматривает преимущественно в увязке с региональными кризисами

(Тайвань, Индокитай) и не проецируют на глобальный уровень международных отношений. Между тем, такая проекция необходима, прежде всего в контексте усиления роли Китая в мировой системе международных отношений.

В зарубежной, прежде всего в американской, историографии влияние китайского фактора на развитие американо-советских отношений рассматривалось как в общих трудах по истории международных отношений второй половины XX в. [26–28; 32; 33; 35–37; 41], так и в специальных работах [9; 11; 25; 31; 40; 43; 44; 45; 46]. Тем не менее, исследования, позволяющего восстановить целостную картину отношений в рамках треугольника, по-прежнему нет. Имеющиеся труды по параллельным и смежным сюжетам предлагают широкий спектр оценок и выводов, требующих обобщения.

Подготовке книг, статей, обзоров по этой тематике в немалой степени способствовала значительная работа по введению в научный оборот новых источников, в том числе из архивов Российской Федерации. Большая источниковедческая и научно-исследовательская работа выполнена в рамках проектов по изучению истории холодной войны Центром Вудро Вильсона¹. Кроме того, в последние годы историки получили доступ к обширным документальным фондам госдепартамента США, СНБ, президентским и иным коллекциям. Сам по себе этот факт служит достаточным основанием для создания современных версий ключевых периодов истории развития международных отношений. Одному из таких периодов посвящена данная статья.

Взаимоотношения между США, СССР и КНР на протяжении 1970-х гг. были важнейшим сегментом международных отношений. Пытаясь укрепить свой пошатнувшийся после войны во Вьетнаме международный авторитет, в Вашингтоне тогда впервые всерьёз задумались о нормализации отношений с КНР. Параллельно с «примирением» с коммунистическим Китаем, начавшимся ещё при президенте Р. Никсоне [22], шёл переговорный процесс с СССР по проблемам ограничения стратегических вооружений и средств противоракетной обороны, увенчавшийся в мае 1972 г. подписанием договоров ОСВ-1 и ПРО. Указанные тренды внешней политики Вашингтона развивались в условиях выраженного советско-китайского антагонизма. Данное обстоятельство закладывало особую интригу в контекст американо-советских и американо-китайских отношений и существенно влияло на общий международный климат периода разрядки.

Однако в середине 1970-х гг. политика разрядки стала подвергаться в США острой критике [30, с. 243]. Демократы обвинили администрацию Никсона в «ослаблении военной мощи» США и в «нечувствительности к правам человека» [26, р. 307; 41, с. 160–161]. Как утверждал Э. Кеннеди, «само слово “разрядка” впало в немилость среди некоторых американцев» [26, с. 5]. Параллельно наметилось охлаждение американо-китайских отношений.

¹ См.: W. Wilson Center. Digital Archive. International History Declassified [Электронный ресурс]. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/collections/7?mode=list> (дата обращения: 01.12.2018).

Президент Дж. Форд, сменивший Никсона на пике «уотергейтского скандала», подтвердил приверженность курсу разрядки и ограничения гонки вооружений². В то же время новая администрация не спешила возобновлять сближение на китайском направлении. В политическом истэблишменте развернулась дискуссия вокруг таких проблем, как судьба американо-тайваньских отношений и влияние возможного расширения связей с Пекином на взаимоотношения с Москвой [25, с. 189, 193, 194; 36, с. 136].

На встрече во Владивостоке в конце ноября 1974 г. Дж. Форд и Л.И. Брежнев по существу договорились об основных параметрах договора ОСВ-2³. Госсекретарь Г. Киссинджер назвал это соглашение «прорывом», обе палаты Конгресса приняли резолюции в поддержку советско-американских соглашений⁴. Но вскоре договорённости подверглись критике со стороны противников разрядки⁵ [36, с. 140]. Удар был нанесён также по американо-советским отношениям в торговой сфере – важной составной части процесса разрядки⁶. 20 декабря 1974 г. Конгресс принял поправку Джексона-Вэника. По оценке Дж.Л. Гэддиса, этот шаг был «неуклюжей попыткой заставить советское руководство изменить политику в отношении выезда евреев из страны и преследования диссидентов» [26, с. 312–313]. В результате он лишь ужесточил политику Кремля по данному вопросу, как и предвидел Киссинджер [36, с. 138, 140].

Несмотря на усиление напряжённости, Вашингтон и Москва демонстрировали желание продолжать сотрудничество: в середине июля 1975 г. состоялся совместный космический полёт «Аполлон – Союз», а 1 августа того же года обе стороны в Хельсинки подписали Заключительный акт Совецания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Внутриполитическая ситуация в КНР не способствовала быстрому восстановлению того уровня отношений с США, который существовал до визита Никсона в Москву в мае 1972 г. [22, с. 54]. По оценке Киссинджера, концепция «трёх миров», разработанная Мао Цзэдуном, давала китайской стороне возможность «выбора между двумя сверхдержавами с учётом интересов» Пекина [14, с. 330]. В рамках этой концепции обе сверхдержавы оценивались как угроза не только для Китая и третьего мира, но и для развитых стран⁷. Американо-советские переговоры об ОСВ-2 характеризовались «как сговор» [39, с. 359]. Китайское руководство исходило из того, что США и СССР разыгрывали карту разрядки в борьбе за гегемонию⁸ и опасалось, что США, пойдя на уступки в вопросах европейской безопасности,

² Foreign Relations of the United States (далее – FRUS). 1969–1976. Vol. XVI. Wash., 2012. P. 7.

³ Совместное советско-американское заявление от 24 ноября 1974 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/vl-agr.txt> (дата обращения: 01.12.2018).

⁴ Концепция «избирательной» ядерной войны. Встреча Д. Форда и Л. Брежнева во Владивостоке (декабрь 1974) // Гонка вооружений – ядерное оружие [Электронный ресурс]. URL: http://www.coldwar.ru/arms_race/nuclear4.php (дата обращения: 01.12.2018).

⁵ Kissinger H. Years of Upheaval. Boston, 1982. Pp. 1028–1029.

⁶ Ibid. Pp. 985–998.

⁷ Rise of Third World and Decline of Hegemonism // Peking Review. 10.01.1975. Pp. 6–8.

⁸ CHINESE AFFAIRS. 12/23/1974 – CIA document [Электронный ресурс]. URL: <http://www.faq.s.org/cia/docs/51/0000626358/CHINESE-AFFAIRS.html> (дата обращения: 01.12.2018).

предоставят Москве свободу действий в Азии [37, с. 433, 434, 473]. В то же время США подвергались критике в меньшей степени, чем СССР⁹. В Пекине рассчитывали сделать американскую политику более прокитайской и более антисоветской.

Концепция «трёх миров» свидетельствовала о том, что Пекин от идеологизированной внешней политики намерен перейти к курсу, основанному на национальных интересах и геополитических расчётах. Как указывал известный американский китаевед Р. Скалапино, «внешняя политика Китая стала намного сложнее, хотя и более противоречивой, чем в прошлом», но теперь она больше соответствовала интересам Китая и, возможно, «интересам международного сообщества в целом»¹⁰ [39, с. 382]. В. Зубок, анализируя политику КНР в годы холодной войны, также отмечал, что «китайские коммунисты смогли отказаться от идеологии во внешней политике в пользу Realpolitik» раньше, чем советские руководители [47, с. 95].

Рассматривая американскую политику середины 1970-х гг., следует учитывать не только фактор стратегического паритета между Москвой и Вашингтоном, но и международную ситуацию в целом. Падение Сайгона в апреле 1975 г. и объединение Вьетнама под эгидой КПВ «стало потрясением и унижением для американского народа» [41, с. 170]; советско-кубинское присутствие в Анголе воспринималось как проявление нарастания советской угрозы¹¹. В результате вновь «идея альянса с Китаем начала набирать приверженцев» [25, с. 189]. Вопрос о характере отношений с Китаем стал предметом дискуссий в американском политическом и научном сообществе [1; 21; 38]. Однако в 1976 г. предвыборная кампания в США и смерть Мао Цзэдуна на какое-то время затормозили этот процесс [12].

Во время избирательной кампании ключевой темой программы кандидата от Демократической партии Дж. Картера были права человека. Помимо этого, он подверг критике политику Форда за уступки СССР и незавершённость нормализации отношений с Китаем. Предвыборные дебаты показали, что Картер – сторонник «сохранения независимости Тайваня и американских обязательств перед ним»¹² [40, с. 265; 31, с. 137].

20 января 1977 г. Дж. Картер приступил к исполнению обязанностей главы государства. Приверженность нового президента «правам человека», в частности, поддержка советских диссидентов, контакты с А.Д. Сахаровым, не могли не сказаться на взаимоотношениях США и СССР¹³. В своих мемуарах Картер писал:

⁹ Rise of Third World and Decline of Hegemonism. P. 6–8; 1976 in retrospect: Soviet détente fraud exposed // Peking Review. 15.01.1977. № 3. P. 31.

¹⁰ В 1972 г. были установлены отношения между КНР и Японией.

¹¹ Sino-American Relations // China – Sino-American Relations [Электронный ресурс]. URL: <http://countrystudies.us/china/129.htm> (дата обращения: 01.12.2018).

¹² CPD: 06.10.1976 Debate Transcript [Электронный ресурс]. URL: <http://www.debates.org/index.php?page=october-6-1976-debate-transcript> (дата обращения: 01.12.2018).

¹³ Carter J. Keeping Faith. Memoirs of a President. N.Y., 1982. Pp. 145–146; Brzezinski Zb. Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977–1981. N.Y., 1983. Pp. 155–156; Переписка Картера с А.Д. Сахаровым. См.: FRUS. 1977–1980. Vol. VI. Wash., 2013. Pp. 5, 17.

«Хотя улучшение дипломатических отношений с СССР было важной моей задачей, я ясно дал понять, что не собираюсь игнорировать факты нарушений Советами прав человека...»¹⁴. Это, впрочем, не мешало ему игнорировать нарушение прав человека в Китае.

В формировании внешнеполитического курса администрации президента важную роль сыграл субъективный фактор: противостояние госсекретаря С. Вэнса и помощника президента по национальной безопасности Зб. Бжезинского. Такими назначениями на ключевые посты президент сознательно создавал «конкуренцию между двумя основными государственными структурами», ответственными за внешнюю политику¹⁵. Сторонник разрядки Вэнс был убеждён, что стабильность советско-американских отношений отвечает интересам США¹⁶ [37, с. 438]. Поэтому он предлагал ослабить дискуссии по вопросам прав человека и поддержку диссидентов, чтобы добиться подписания соглашения ОСВ-2¹⁷. Госсекретарь не возражал против установления дипломатических отношений с Пекином, но считал, что следовало учесть весь комплекс проблем, связанных с американо-китайским сотрудничеством¹⁸ [9; 44, с. 157]. Вовлечение Китая в стратегические отношения с США, по его мнению, могло негативно отразиться на советско-американских отношениях. Поэтому наиболее благоприятными для США он считал сбалансированные отношения как с СССР, так и с Китаем.

Иную позицию занимал Бжезинский, который, по словам советского посла в Вашингтоне А. Добрынина, «придерживался позиций воинствующего антикоммунизма и проявлял склонность к концептуальным взглядам, не учитывавшим, подчас, конкретные реалии международных отношений»¹⁹. Согласно оценке Картера, «это был агрессивный и амбициозный политик»²⁰ [42, с. 95, 98]. Сам же Бжезинский вспоминал, что его «позиция целиком зависела от президента», и хотя поначалу личные отношения между ними были «достаточно холодными», именно он убедил главу Белого дома в том, что отношения с Китаем можно использовать в качестве аргумента в американо-советских отношениях²¹. Основные его расхождения с Вэнсом касались именно КНР и СССР. Бжезинский считал, что госсекретарь был «слишком оптимистично настроен по отношению к Советам» и недооценивал фактор «советской экспансии в странах третьего мира»²². «Пожалуй, ни у одного из современных американских президентов не

¹⁴ Carter J. Op. cit. P. 146.

¹⁵ Ibid. P. 54.

¹⁶ См.: Vance C. *Hard Choices. Critical Years in America's Foreign policy*. N.Y., 1983. Pp. 45, 46.

¹⁷ Збигнев Бжезинский: Жизнь в политике, основные идеи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marsiada.ru/359/519/4144/5260> (дата обращения: 01.12.2018).

¹⁸ Vance C. Op. cit. P. 46.

¹⁹ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962 – 1986 гг.). М., 1996. С. 375.

²⁰ Carter J. Op. cit. P. 52.

²¹ Brzezinski Zb. Op. cit. Pp. 17–18, 41.

²² Ibid. Pp. 37, 38, 197.

было такого разброда и споров вокруг вопросов внешней политики среди высших должностных лиц администрации, как при Картере», – писал по этому поводу А. Добрынин²³ [35, с. 68].

В первые месяцы пребывания у власти администрация Картера предприняла попытки углубить политику разрядки и продвинуться как можно дальше по пути всеобъемлющих ограничений стратегических вооружений²⁴ [31, с. 148]. Президент предложил план масштабных сокращений межконтинентальных и иных ядерных ракет, а также стратегических бомбардировщиков, что фактически означало пересмотр договорённостей, достигнутых во Владивостоке. и тех уступок Москве, на которые пошёл Киссинджер в 1975 г.

Дебаты по вопросам американско-советской разрядки в администрации Картера проходили одновременно с обсуждением американско-китайских отношений. Уже 8 февраля 1977 г. состоялись встречи президента и госсекретаря с главой китайского Центра связи в Вашингтоне Хуан Чэном. Картер и Вэнс во время этих бесед обосновывали преимущества политики разрядки. Китайский представитель, однако, полагал, что гораздо важнее достичь нормализации американско-китайских отношений в полном объёме для того, чтобы противостоять «наступательной советской экспансии», а также «сохранить американское военное присутствие в западной части Тихого океана»²⁵. У Картера, по его собственному признанию, тогда «были другие приоритеты», хотя он понимал важность отношений с Пекином²⁶. Президент был согласен с госсекретарём, что нормализацией отношений с Китаем следует заняться только после подписания с СССР ОСВ-2²⁷. В СНБ, наоборот, считали, что отношения с Китаем такая же по важности задача, как и переговоры с СССР. В посланиях президенту от 14 февраля Бжезинский и министр обороны Г. Браун доказывали, что использование китайского фактора окажет влияние на весь комплекс отношений в рамках «треугольника» и будет соответствовать интересам США²⁸. В своих воспоминаниях Бжезинский пишет, что он начал убеждать президента в том, что настало время «вести себя более активно в такой чувствительной для СССР области, как Китай»²⁹. В феврале неофициальная межведомственная группа во главе с сотрудником СНБ М. Оксенбергом приступила к разработке стратегического курса в отношении Китая с учётом советского фактора³⁰.

В конце марта 1977 г. состоялся визит госсекретаря в Москву. Встреча проходила в Кремле. Вэнс так описал эти переговоры: «Я ожидал, что после обсуждения наших предложений в Политбюро Советы представят возражения по от-

²³ Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 375.

²⁴ FRUS. 1977–1980. Vol. XIII. Wash., 2013. Pp. 27, 74.

²⁵ Ibid. P. 18–26., etc.; Carter J. Op. cit., P. 189.

²⁶ Carter J. Op. cit., P. 190.

²⁷ В это время Картера особенно беспокоил вопрос о подписании Договора о Панамском канале.

²⁸ FRUS. 1977–1980. Vol. XIII. Pp. 34–36.

²⁹ Brzezinski Zb. Op. cit. Pp. 188, 189.

³⁰ FRUS. 1977–1980. Vol. XIII. Pp. 27, 34.

дельным вопросам и цифрам и, возможно, выступят с контрпредложениями. Это могло послужить основой для серьёзных переговоров. Но когда я встретился с Брежневым вечером 30 марта, я был обескуражен тем, с какой страстью он отверг наши предложения по ОСВ. Не было даже намека на контрпредложения». В итоге Вэнс понял, что «пытаться вести серьёзные переговоры во время этой поездки не было смысла»³¹ [31, с. 153]. Министр иностранных дел СССР А. Громыко назвал американскую инициативу абсолютно неприемлемой, «обвинил американское правительство в «дешёвых и сомнительных трюках»³² [34, с. 138; 16, с. 145]. Бжезинский ответил на этот выпад резкими комментариями³³ [16, с. 145]. Неудачу Вэнса он объяснял тем, что администрация президента не смогла реально «оценить уровень враждебности СССР»³⁴.

В Москве знали, что Пекин был информирован о поездке Вэнса, и это вызвало недовольство в Политбюро и МИДе. Советский посол на очередной встрече с госсекретарём задал вопрос: «Означает ли это, что каждый раз, когда проводятся переговоры между США и СССР, китайцы будут осведомлены об этих событиях?», на что последовал отрицательный ответ³⁵. В Пекине московские переговоры Вэнса оценили как «новый раунд гонки вооружений»³⁶.

Трудности переговорного процесса по ОСВ-2 вскоре заставили администрацию Картера активизировать поиск приемлемой формулы для установления дипломатических отношений с Китаем. В апреле 1977 г. Картер поручил специальной межведомственной комиссии проанализировать «выгоды и издержки» от улучшения отношений с КНР, но с учётом Шанхайского коммюнике³⁷ [22, с. 54]. Понимая, что тайваньская проблема была главным препятствием для улучшения американско-китайских отношений, президент согласился «принять условия Пекина по Тайваню, но при сохранении ряда американских обязательств» перед тайваньским режимом³⁸.

По итогам обсуждения китайской темы в межведомственной комиссии госсекретарь подготовил для президента меморандум³⁹, в котором отмечалось, что «советско-китайское соперничество стратегически выгодно для США», но нормализацию отношений с Пекином всё же не следует всецело связывать с советским фактором, так как в этом случае можно ожидать неблагоприятной

³¹ Vance C. Op. cit. P. 54.

³² Brzezinski Zb. Op. cit. P. 164.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid. P. 165.

³⁵ FRUS. 1977–1980. Vol. VI. P. 138.

³⁶ Round the world // Peking Review. 22.07.1977. No. 30. P. 29.

³⁷ Основой для обсуждения проблемы Китая послужил подготовленный Бжезинским для Картера тематический обзор. См.: FRUS. 1977–1980. Vol. XIII. Pp. 69–71.

³⁸ Carter J. Op. cit. P. 191. В американском внешнеполитическом истеблишменте поддержку находила так называемая «японская формула» («посол в Пекине, группа связи на Тайване»). Японо-китайские дипломатические отношения с Пекином были установлены ещё в сентябре 1972 г. на основе признания Тайваня неотъемлемой частью территории КНР. В 1974 г. Г. Киссинджер, беседуя с Чжоу Эньлаем по поводу «японской формулы», сказал, что она невозможна, так как требует разрыва дипломатических отношений с Тайванем. См. Kissinger H. Years of Upheaval. P. 688.

³⁹ FRUS. 1977–1980. Vol. XIII. Pp. 77–82.

для США реакции со стороны СССР и Японии. Отношения с Китаем предлагалось выстраивать «в контексте ключевых двусторонних и международных проблем»⁴⁰ [38, с. 61; 45, с. 78]. Заместитель госсекретаря У. Кристофер также предлагал не возлагать особых надежд на использование КНР в противостоянии с СССР⁴¹. Команда Бжезинского, напротив, выступила за стратегическое партнёрство с КНР и предлагала ускорить процесс нормализации на основе «пяти принципов Никсона»⁴² [37, с. 438].

Логику, в русле которой происходило формирование политики администрации в отношении Пекина, раскрывает продолжение этой дискуссии в июне–июле 1977 г. в межведомственной комиссии⁴³, работа которой была приурочена к поездке госсекретаря в Китай. Основную часть повестки дня её заседаний составили вопросы о связи китайского фактора с американско-советскими отношениями, о возможной реакции союзников и тайваньских властей на отказ США от дипломатических отношений с Тайванем, о предполагаемом отношении конгрессменов к развитию ситуации по тому или иному сценарию⁴⁴. Бжезинский не только отстаивал тезис об установлении тесных отношений с Пекином, но и выступал за развитие с ним военно-стратегического партнёрства, предлагая поставлять оборонные технологии и оружие. На одном из заседаний он заявил, что следует принять условия Пекина и дополнить их следующей формулировкой: «США не будут поощрять к независимости; не будут поддерживать движение к независимости; и не признают независимость» Тайваня⁴⁵. Министр обороны Браун поддерживал идею поставок оружия Китаю [31, с. 396]. По его словам, 20% военного потенциала СССР было направлено против Китая.

Кроме того, Бжезинский направил Картеру меморандум, в котором особо подчеркнул, что «проамериканская позиция Пекина в рамках треугольника выгодна США»⁴⁶. Стремление помощника президента по национальной безопасности разыграть китайскую карту в американско-советских отношениях раздражало Вэнса, но инициатива в этом вопросе постепенно ускользала из его рук и переходила в СНБ [31, с. 397].

Считая тайваньскую проблему главным препятствием в развитии американско-китайских отношений, президент поручил главе американского Центра связи в Пекине Л. Вудкоку в разговорах с китайскими лидерами «дать понять, что США хотят тесных отношений» с Китаем, согласны «принять условия Пекина

⁴⁰ Ibid. P. 81; Vance C. Op. cit. P. 76; The Department of State bulletin. Vol. 76. 23.05.1977. P. 513.

⁴¹ Hearing before the Subcommittee on Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives Congress. Wash., 1983. P. 34.

⁴² Brzezinski Zb. Op. cit. P. 198; «Пять принципов» экс-президента Р. Никсона: 1. признание одного Китая; 2. не поддерживать движение Тайваня за независимость; 3. никакого продвижения Японии на Тайвань; 4. поддерживать любое мирное урегулирование тайваньского вопроса; 5. обязательства по продолжению процесса нормализации. См.: FRUS. 1969–1976. Vol. XVII. Wash., 2006. P. 698.

⁴³ Ibid. 1977–1980. Vol. XIII. Pp. 101–108, 115–132. В комиссию входили С. Вэнс, Зб. Бжезинский, представители СНБ, ЦРУ, министерств обороны и финансов.

⁴⁴ Ibid. Pp. 104–109; 116–121.

⁴⁵ Ibid. P. 127.

⁴⁶ Ibid. P. 134; См.: Brzezinski Zb. Op. cit. P. 197.

по Тайваню, но при условии сохранения ряда американских обязательств» перед тайваньским режимом⁴⁷. Тем не менее, Картер, очевидно, тогда ещё не окончательно определился с политикой в отношении Китая, так как в августе 1977 г. в Пекин поехал госсекретарь, а не Бжезинский [31]. Выбор президента можно объяснять тем, что в то время на первом месте для него стояла ратификация Сенатом договора с Панамой, и он не желал рисковать, учитывая, что в Конгрессе были противники тесного сближения с КНР за счёт сокращения связей с Тайванем⁴⁸ [45, с. 81].

Вэнс прибыл в Китай в особый период его истории. Там только что завершил работу XI съезд КПК (12–18 августа 1977 г.), который обозначил контуры новой политической стратегии. Был объявлен курс на модернизацию, в том числе армии. С учётом конфронтации с СССР и ситуации в Индокитае, нормализация отношений с США имела ключевое значение. Критика в адрес советской внешней политики сопровождалась заявлениями о необходимости «тёплых отношений с США», которые перестали рассматриваться в качестве угрозы Китаю⁴⁹ [37, с. 436].

Однако переговоры прошли не совсем гладко. Пекинские руководители воспринимали Вэнса, прежде всего, как сторонника разрядки и улучшения отношений с СССР [37, с. 437]. Кроме того, во время обмена мнениями обнаружились расхождения по ряду вопросов⁵⁰. Дэн Сяопин охарактеризовал американские предложения как «отход назад». В заявлении для прессы он дал «более чем жёсткую оценку визиту»⁵¹ [42, с. 101]. Сам Вэнс позднее писал, что по политическим причинам он отстаивал максималистскую позицию по Тайваню и не рассчитывал, что китайцы её примут⁵² [14, с. 377–378]. В окружении Картера понимали, что госсекретарь только «инициирует переговоры» без особых надежд на быстрые и конкретные позитивные результаты. Кроме того, в это время приоритетные места во внешнеполитической повестке президента занимали Панамский договор, египетско-израильские переговоры в Кэмп-Дэвиде и ОСВ-2.

Существенное влияние на активизацию китайской политики Картера оказало вмешательство СССР в конфликты в афро-азиатском мире [17, с. 84]. Подобное вмешательство, в том числе и вооружённое, регулярно практиковали и Соединённые Штаты. Отчасти по этой причине в Кремле, как писал в своих воспоминаниях Добрынин, не сразу осознали, что такая политика «может вызвать резко отрицательную реакцию общественного мнения и правительственных кругов США»⁵³. Советско-кубинское присутствие в Эфиопии, приход к власти

⁴⁷ См.: Carter J. Op. cit. Pp. 190, 191.

⁴⁸ Ibid. P. 192. В Конгрессе было довольно сильное «тайваньское лобби», а также те, кто с подозрением относились к коммунистическому руководству Китая – Дж. Гленн, Б. Голдуортер, Джесси Хелмс, С. Хайакава и др.

⁴⁹ The Situation and our Tasks // Peking Review. 26.08.1977. No. 35. Pp. 41, 42; The week // Peking Review. 15.07.1977. No. 29. P. 3. На съезде окончательно был реабилитирован Дэн Сяопин.

⁵⁰ Vance C. Op. cit. Pp. 82–83; FRUS. 1977–1980. Vol. XIII. Pp. 214–215.

⁵¹ Carter J. Op. cit. P. 192.

⁵² Vance C. Op. cit. P. 79.

⁵³ Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 412.

левых сил в Южном Йемене и Афганистане, революция в Никарагуа актуализировали фактор «третьего мира» во внешней политике США. Это были чувствительные для Вашингтона зоны. Бжезинский убеждал Картера, что политика СССР в районе Африканского рога – это часть глобальной экспансионистской стратегии, нацеленной на установление контроля над коммуникациями Красного моря и нефтяными запасами Персидского залива⁵⁴. Госсекретарь, в отличие от советника по национальной безопасности, не считал советские действия в Африке и Азии фрагментами глобального плана⁵⁵ и не видел в них прямой угрозы американской безопасности [44, с. 157].

Одним из следствий неудачи госсекретаря в Пекине стала активизация работы СНБ на китайском направлении. Представитель Совета М. Оксенберг встретился с конгрессменами для прояснения их возможного отношения к расширению связей с КНР. Хотя, как считает американский исследователь П. Койер, позиция Картера и Бжезинского в конечном счёте сводилась к игнорированию Конгресса, и разработка китайской политики проходила в полной секретности, подготовка законодателей к восприятию радикального изменения курса в отношении этой страны исподволь всё же велась [25, с. 207, 209]. Существенную поддержку Бжезинскому в этом деле оказывали вице-президент У. Мондейл и министр обороны Г. Браун. В январе 1978 г. по инициативе советника президента по национальной безопасности в Китай была отправлена делегация конгрессменов, куда вошли либеральные сенаторы, сторонники нормализации отношений А. Крэнстон и Э. Кеннеди [25, с. 224].

Активность на китайском направлении совпала с новой волной напряжённости в советско-американских отношениях в связи с развернувшейся кампанией по проблеме нарушения прав человека. Советскому руководству, по существу, был брошен вызов: «принимать американские взгляды или пойти на конфронтацию»⁵⁶. Бжезинский, используя в качестве аргумента ухудшение отношений с Москвой, стал склонять президента к пересмотру по Тайваню. К тому времени Картер уже был готов согласиться с тезисом о том, что советская угроза возросла, и нормализация отношений с Китаем сможет отчасти компенсировать наметившееся ухудшение стратегической обстановки [24, с. 2]. В итоге он распорядился довести до сведения Пекина перечень американских условий по тайваньскому вопросу: «Соединённые Штаты сохраняют экономические и культурные отношения с Тайванем в соответствии с «формулой Японии»; Китай не будет публично возражать против заявлений США о предпочтительности мирного разрешения китайско-тайваньского конфликта; после нормализации Соединённые Штаты будут продолжать продажу оборонительной военной техники Тайваню» [24, с. 3; 44, с. 162]. Вэнс сдержанно отнёсся к решению президента, полагая, прежде сле-

⁵⁴ Об этом подробно см.: Brzezinski Zb. Op. cit. Pp. 180–184.

⁵⁵ Vance C. Op. cit. P. 84.

⁵⁶ Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 416.

довало проконсультироваться с Японией и Тайванем, а также с лидерами Конгресса⁵⁷.

Российский автор И. Барбашин пришёл к выводу, что избранная Бжезинским тактика оказалась эффективной [1, с. 16]. В краткосрочной перспективе так оно и было. Следующим шагом помощника по национальной безопасности стало получение согласия президента на поездку в Китай. С решением этой задачи он успешно справился, хотя для этого ему «пришлось приложить немало усилий»⁵⁸. Перед отъездом делегации в Пекин президент уполномочил Бжезинского убедить китайских руководителей в том, что разрядка соответствует интересам США, довести до сведения китайского руководства американский взгляд на советский экспансионизм в третьем мире, «побудить» Китай оказать помощь США в «региональных конфликтах там, где это возможно», склонить пекинских руководителей к официальному заявлению о готовности мирно разрешить тайваньский вопрос⁵⁹.

Визит Бжезинского в Китай в мае 1978 г. совпал с новым обострением советско-китайских отношений⁶⁰. Данное обстоятельство стало дополнительным аргументом в пользу главных установок американской делегации на этих переговорах: «США и Китай имеют общие фундаментальные интересы»; политика США в отношении Китая «базируется на долговременных стратегических целях»; «Китай и США должны объединиться перед общей угрозой – Советским Союзом как глобальной державой»⁶¹. В беседах с Дэн Сяопином Бжезинский поставил вопрос о совместном противостоянии СССР в районе Африканского Рога, на юге Африки, в Юго-Восточной Азии; рекомендовал Китаю наладить контакты с Израилем, улучшить отношения с Индией⁶². Китайский лидер, в свою очередь, подверг критике политику разрядки «как прикрытие советской экспансии»⁶³. В итоге стороны констатировали совпадение взглядов на СССР, осудив активность Москвы в «третьем мире»⁶⁴. Бжезинский дал понять китайскому лидеру, что позиция Картера в тайваньском вопросе меняется, но Пекин всё же должен «официально заявить о мирном объединении» с Тайванем. Ответ Дэн Сяопина был безапелляционным: «освобождение Тайваня – внутреннее дело Китая»⁶⁵ [37, с. 439].

Картер работу своего советника оценил как «хорошую» и отметил, что во время переговоров «был заложен фундамент для будущего прогресса» в американо-китайских отношениях⁶⁶. П. Тэйлор успех Бжезинского объясняет тем, что

⁵⁷ Vance C. Op. cit. P. 116.

⁵⁸ См. подробнее: Brzezinski Zb. Op. cit. Pp. 204–205.

⁵⁹ См. Ibid. Pp. 207, 208, 211.

⁶⁰ Пекин отверг советские попытки начать переговоры. В мае 1978 г. произошли столкновения на советско-китайской границе. См.: Добрынин А. Указ. соч. С. 413.

⁶¹ Brzezinski Zb. Op. cit. P. 211.

⁶² Ibid. Pp. 211–212.

⁶³ Dr. Brzezinski in Peking // Peking Review. 26.05.1978. No. 21. P. 5.

⁶⁴ Ibid.; FRUS. 1977–1980. Vol. XIII. P. 442, etc.

⁶⁵ FRUS. 1977–1980. Vol. XIII. P. 471.

⁶⁶ Carter J. Op. cit. P. 196.

«Дэн видел в нём человека, с которым Китай может иметь дело, он разделял заинтересованное мнение Китая о советской угрозе» [42, с. 109].

31 мая 1978 г. состоялась встреча Громыко с Вэнсом, во время которой советский министр дал понять, что сам факт параллельности американско-китайских переговоров и переговоров по ОСВ-2 оценивается в Кремле негативно. Госсекретарю был задан вопрос: «Это сделано для оказания давления на СССР?», на что, естественно последовало «решительное возражение»⁶⁷.

С лета 1978 г. китайская политика Картера становилась всё активнее. В Кремле с тревогой наблюдали за действиями американской стороны, не без основания усматривая в них антисоветский подтекст⁶⁸.

Несмотря на недовольство части конгрессменов и членов Объединенного комитета начальников штабов, президент наложил вето на план продажи Тайваню 50 истребителей-бомбардировщиков F-4 [24, с. 3]. В сентябре он вновь передал главе китайского центра связи Чай Цзэминю американские условия нормализации отношений с Пекином⁶⁹. В послании Вудкоку он подтвердил, что будет настаивать на согласии китайцев с мирной процедурой «освобождения Тайваня» и наметил крайний срок установления дипломатических отношений с Пекином – 1 января 1979 г. Президент также пригласил Дэн Сяопина посетить США⁷⁰ [29, с. 62].

В Пекине согласились с нефиксированными объемами продажи оружия Тайваню и с односторонним американским заявлением, что «объединение Тайваня произойдет мирным путем» [14, с. 383]. План Картера, помимо прочих условий, включал отказ США от американско-тайваньского договора о взаимной безопасности 1954 г., что вызвало недовольство военной элиты и части конгрессменов. 20 ноября ОКНШ направил меморандум министру обороны Брауну, в котором выражалось беспокойство по поводу судьбы Тайваня. Соглашаясь с необходимостью нормализации отношений с КНР, эта часть военно-политической элиты считала, что «нельзя ставить под угрозу безопасность народа Тайваня», «отношения с союзниками США», и напоминала о целесообразности учитывать позицию неприсоединившихся стран⁷¹ [25, с. 226–227].

На советско-американских переговорах к декабрю был достигнут значительный прогресс. Взаимные уступки сторон позволили договориться о важной встрече Вэнса и Громыко в Женеве 21 декабря, где предполагалось окончательно согласовать все вопросы по ОСВ-2 и определить дату визита Л.И. Брежнева в США⁷². Вэнс заблаговременно условился с Картером о том, что объявление о

⁶⁷ FRUS. 1977–1980. Vol. VI. Pp. 404, 407.

⁶⁸ См., например: "Evaluation by the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union of the Normalization of US-Chinese Relations" 30.08.1978, History and Public Policy Program Digital Archive, Included in the document reader for the international conference "China and the Warsaw Pact in the 1970-1980s" held by CWHIP and the Parallel History Project March 2004 in Beijing. Obtained for CWHIP by Bernd Schaefer and translated for CWHIP by Karen Riechert [Электронный ресурс]. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114809> (дата обращения: 01.12.2018).

⁶⁹ Ibid. Vol. XIII. P. 533.

⁷⁰ Carter J. Op. cit. P. 197.

⁷¹ FRUS. 1977–1980. Vol. XIII. P. 596. Письмо за подписью генерала Дэвида К. Джонса, Председателя ОКНШ.

⁷² Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 421.

нормализации отношений с Китаем будет сделано после женевских переговоров⁷³. Тем временем американо-китайские переговоры продвигались медленно из-за разногласий по тайваньскому вопросу⁷⁴. Дипломатия США попала как бы в заколдованный круг, из которого Картеру предстояло выйти «без потери лица». 11 декабря состоялась встреча Бжезинского с высокопоставленным китайским дипломатом Чай Цзэмином⁷⁵. Советник президента подробно проинформировал китайскую сторону о переговорах по ОСВ-2, о результатах Кэмп-Дэвидского саммита по Ближнему Востоку и о ситуации в Иране, заверив, что отношения США с Тайванем будут прерваны сразу после коммюнике об установлении дипломатических отношений между США и КНР. Бжезинский убеждал своего собеседника в том, что наступил благоприятный момент для окончательной нормализации и предлагал организовать визит Дэн Сяопина в Вашингтон раньше встречи Картера с Брежневым⁷⁶ [42, с. 114].

Таким образом, Бжезинский фактически нарушил договорённости Вэнса с Картером. Он дал понять Дэн Сяопину, что «китайская сторона не обязана соглашаться с американскими требованиями, и это не будет препятствовать нормализации»⁷⁷. 12 декабря Дэн Сяопин во время разговора с Вудкоком смягчил свою позицию, заявив о том, что он принимает предложения Вашингтона и согласен посетить США в январе 1979 г.⁷⁸. Имевшиеся на тот момент американо-советские договорённости китайской стороной не рассматривались как сдерживающий фактор, а сам факт переговоров между Вашингтоном и Москвой по ракетно-ядерной тематике в Пекине сочли доказательством возрастания для Китая советской угрозы. Помимо этого, «покончить с двойственностью», характерной для политики Китая в отношении США, Дэн Сяопина побуждала и ситуация в Индокитае [14, с. 376–377]. В ноябре 1978 г. был подписан советско-вьетнамский договор о дружбе, который предполагал военное сотрудничество двух стран, а уже в декабре вьетнамские войска начали войну против режима Пол Пота в Камбодже⁷⁹.

13 декабря состоялись американо-китайские переговоры «в узком кругу». 15 декабря было опубликовано совместное американо-китайское коммюнике⁸⁰, дополненное двумя односторонними заявлениями в связи с несовпадением позиций по Тайваню [45, с. 306–307]. В американском документе подчёркивалось, что «тайваньский вопрос будет урегулирован мирным путём», в то время как в китайском было отмечено, что выбор способа воссоединения с Тайванем «является полностью внутренним делом Китая» [21]. В коммюнике говорилось о

⁷³ Там же.

⁷⁴ FRUS. 1977–1980. Vol. 13. Pp. 609–612.

⁷⁵ Ibid. Pp. 621–625.

⁷⁶ Brzezinski Zb. Op. cit. P. 230, 231. Официальный статус Чай Цзэмина в тот период – глава китайского Центра связи.

⁷⁷ Ibid. P. 231.

⁷⁸ Carter J. Op. cit. P. 198; Brzezinski Zb. Op. cit. P. 230.

⁷⁹ Режим Пол Пота поддерживался Пекином.

⁸⁰ FRUS. 1977–1980. Vol. XIII. P. 652; Establishment of Diplomatic Relations Between PRC and USA // Peking Review. 22.12.1978. Vol. 21. No. 51. P. 8.

признании «одного Китая» и о «совместной борьбе против гегемонизма», объявлялась дата установления дипломатических отношений – 1 января 1979 г. 15 декабря Картер в дневнике записал: «Волнение охватывает в связи с нормализацией отношений с Китаем. Мы решили уведомить об этом Советы, Тайвань, Японию и наших европейских союзников»⁸¹.

Во второй половине дня 15 декабря Бжезинский пригласил советского посла, чтобы сообщить ему, что президент намерен объявить о нормализации отношений между США и КНР. В своих воспоминаниях он пишет: «Добрынин был ошеломлён. Затем поблагодарил за информацию»⁸². По словам Добрынина, «в ходе этой встречи Бжезинский не очень скрывал своего удовлетворения по поводу такого их шага – явно в пику нам – в отношении Китая. Он, конечно, понимал, что всё это вызовет серьёзное раздражение в Москве, тем более в свете реально появляющейся возможности организовать в скором времени советско-американскую встречу на высшем уровне. В американском руководстве явно взяли верх те, кто стремился разыграть “китайскую карту” до такой встречи и подписания соглашения по ОСВ»⁸³. Текст сообщения Брежневу об установлении дипломатических отношений с КНР президент одобрил ещё 14 декабря. Во втором абзаце этого послания он выражал «искреннее удовлетворение» в связи с успехами на переговорах о стратегических вооружениях и торговом сотрудничестве⁸⁴. Советская сторона ответного энтузиазма не выразила. Отвечая на послание Картера, советский руководитель дал понять, что в СССР этот акт воспринимается как недружественный, «учитывая совершенно определённую направленность нынешнего курса Китая ... <советское правительство не может> пройти мимо того, что в совместном американско-китайском коммюнике допускаются выражения, направленность которых в отношении СССР, если учесть обычный лексикон, не подлежит сомнению»⁸⁵.

Проблемы из-за Китая в советско-американских отношениях возникли на следующий же день. 27 декабря Брежнев направил письмо президенту с просьбой воздействовать на европейские страны, чтобы они приостановили продажу оружия Китаю⁸⁶. Картер был возмущён: «27 декабря я получил совершенно возмутительное письмо от Брежнева, показывающее, что они [Советы] почти параноики во всём, что касается Китайской Народной Республики, и требуют, чтобы я не допустил продажу любого оборонительного оружия в КНР нашими западными союзниками»⁸⁷. По словам Бжезинского, требование СССР было направлено против американско-китайского сотрудничества⁸⁸. Китайская политика

⁸¹ Цит. по: Carter J. Op. cit. P. 199.

⁸² Brzezinski Zb. Op. cit. P. 232.

⁸³ Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 422.

⁸⁴ FRUS. 1977–1980. Vol. VI. P. 491.

⁸⁵ Ibid. P. 495; Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 422–423.

⁸⁶ FRUS. 1977–1980. Vol. VI. Pp. 504–505.

⁸⁷ Carter J. Op. cit. P. 201.

⁸⁸ FRUS. 1977–1980. Vol. VI. P. 504.

Картера, архитектором которой был Зб. Бжезинский, ориентировалась на создание военно-стратегического партнёрства с КНР, что предполагало продажу оружия и поставки военных технологий Пекину Соединёнными Штатами и их союзниками.

В январе 1979 г. состоялся визит Дэн Сяопина в Вашингтон. В условиях нормализации отношений с США и после подписания японо-китайского мирного договора (август 1978 г.) китайский руководитель чувствовал себя уверенно. Он предложил сформировать «общий фронт – США, Китай, Япония и Западная Европа, чтобы блокировать “российскую экспансию”» [29, с. 72].

Одной из основных целей визита Дэн Сяопина была проверка реакции американских властей на военную операцию Китая против Вьетнама⁸⁹ [37, с. 446; 43, с. 23]. Президент Картер довольно сдержанно отнёсся к данной теме. Из его ответов следовало, что у американской разведки нет данных о продвижении к китайской границе советских войск, в то время как «вторжение во Вьетнам станет серьёзным дестабилизирующим фактором в ЮВА»⁹⁰. В послании Дэн Сяопину президент писал, что «конфликт, инициированный Китаем, вызовет серьёзную озабоченность в США», а КНР «может утратить имидж мирной страны» и, подводя итог, сообщал, что США «не могут поддержать» военную акцию Пекина⁹¹. Тем не менее, 17 февраля началось вторжение китайских войск в северный Вьетнам. В тот же день в послании Брежневу американский президент сообщил, что США не поддерживают военную операцию Китая против Вьетнама и призвал советское руководство «к сдержанности, не предпринимать никаких действий, которые усугубили бы ситуацию»⁹².

В своём ответе Картеру советский руководитель констатировал, что «китайское вторжение во Вьетнам началось вскоре после поездки Дэн Сяопина в США» и предложил президенту «публично осудить агрессию и потребовать вывода китайских войск из Вьетнама»⁹³.

Текст послания Картера Брежневу готовился в Государственном департаменте, но Бжезинский знал его содержание и одобрил, прежде чем президент поставил свою подпись. Позже он писал: «Я чувствовал, что это был правильный подход, поскольку мы не могли формально сговориться с китайцами, открыто поддерживая то, что было равносильно прямой военной агрессии»⁹⁴. Ключевыми в данной фразе следует считать слова о неприемлемости «открытой поддержки». Но, как отмечает Г. Киссинджер, «неофициальный сговор – это совсем другое дело» [14, с. 394; 43, с. 25]. Поэтому Бжезинский предложил одновременно с критикой Пекина осудить Вьетнам за вторжение в Камбоджу и потребовать вывода войск обеих стран с чужих территорий, понимая, что Ханой и Москва на это

⁸⁹ FRUS. 1977–1980. Vol. XIII. Pp. 767–769.

⁹⁰ Ibid. P. 769.

⁹¹ Ibid. P. 770–771.

⁹² Ibid. Vol. VI. P. 515.

⁹³ Ibid. P. 517.

⁹⁴ Brzezinski Zb. Op. cit. P. 410.

не пойдут. Таким образом, можно было «обеспечить китайским действиям частичный дипломатический зонтик, не связывая с ними США»⁹⁵. Осторожность администрации Картера во время китайско-вьетнамского конфликта, очевидно, объяснялась не только беспокойством по поводу усиления советского влияния в ЮВА, но и незаинтересованностью Вашингтона в росте военного влияния Китая в регионе.

Несмотря на сдержанное поведение Белого дома в период конфликта, США и КНР не отказались от развития сотрудничества в военной сфере [37, с. 452]. В середине сентября 1979 г. министр обороны Браун в разговоре с президентом коснулся вопроса о «развитии стратегического диалога и военных контактов с Китаем параллельно с договорённостями с СССР»⁹⁶ [31, с. 400]. Госсекретарь по-прежнему осторожно относился к развитию военных связей с Китаем и выступал против продажи военных технологий двойного назначения.

Ввод советских войск в Афганистан в конце декабря 1979 г. внёс существенные коррективы в американскую политику. Переговоры с СССР были прерваны, тогда как сотрудничество с Пекином стало более тесным⁹⁷. В январе 1980 г. Браун посетил Китай, чтобы обсудить вопрос о совместных действиях против СССР в Афганистане [31, с. 401–402]. Был утверждён список 400 лицензий на экспорт в Китай военных технологий, оборудования и техники военного назначения⁹⁸. В СССР рассматривали такое развитие событий как вызов, требующий немедленных и адекватных ответных мер⁹⁹.

Подведём итоги. Концептуально подход Дж. Картера к отношениям с Москвой базировался на сочетании «соперничества и сотрудничества». СССР рассматривался как стратегический противник, в то время как на китайском направлении верх взяла линия на включение Китая в американскую глобальную стратегию.

Особенности восприятия Вашингтоном двух стран во многом объяснялись субъективными причинами. Между руководителями двух ведомств, ответственных за формирование внешней политики (Госдепартамент и СНБ), имелись фундаментальные различия. Если госсекретарь Вэнс считал, что сближение США с Пекином может деструктивно повлиять на процесс разрядки и отношения с Москвой, то помощник президента по национальной безопасности Бжезинский, наоборот, использовал «китайский фактор» как инструмент давления на переговорах с СССР по ОСВ-2. Кроме того, при поддержке Китая Бжезинский рассчитывал более эффективно противостоять Советскому Союзу в странах третьего мира.

⁹⁵ Ibid. P. 411. Данная тема требует дополнительного анализа, так как в литературе нет единой оценки позиции США в этом конфликте.

⁹⁶ К тому времени в Вене был подписан советско-американский Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2).

⁹⁷ В апреле 1979 г. начались советско-китайские переговоры в связи с истечением срока Договора 1950 г.

⁹⁸ Brzezinski Zb. Op. cit. P. 424.

⁹⁹ См.: CPSU CC Politburo Directive to Soviet Ambassadors and Representatives, 'Carrying Out Additional Measures to Counter American-Chinese Military Cooperation [Электронный ресурс]. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117008.pdf?v=78019bebd1b9a415aea7d524cf543a> (дата обращения: 01.12.2018).

Признание диалога с СССР политическим приоритетом устраивало Вэнса и с таким подходом был согласен Картер, особенно в первый год президентства. Однако череда кризисов в странах «третьего мира», которые оценивались как успех советской политики, привела к переосмыслению главой Белого дома роли региональных конфликтов в процессе разрядки. В результате американская политика стала смещаться в сторону сближения с Пекином и персонифицировалась Бжезинским, который изначально приветствовал сближение с Китаем на антисоветской основе.

Во второй половине 1970-х гг. в ряде азиатских, африканских и латиноамериканских стран, которые руководство США оценивало как «жизненно важные», к власти пришли левые политики, ориентировавшиеся на СССР. В результате наравне с переговорным процессом об ограничении стратегических вооружений (итоги которого в США оценивались неоднозначно) в американской политике активно стал применяться тезис «о новой советской угрозе» и «советской экспансии». Новый бэкграунд международных отношений подтолкнул Вашингтон к более решительной переоценке роли КНР во внешнеполитической стратегии США.

В США своевременно оценили изменения, последовавшие в Китае после смерти в 1976 г. Мао Цзэдуна. В условиях обострения советско-китайских отношений пекинское руководство было заинтересовано в развитии связей с США. Таким образом, возникла основа для формирования «оси» Вашингтон – Пекин. В своей политике Вашингтон мог использовать Китай для оказания давления на СССР, в то время как Китай нуждался в США не только в противостоянии СССР, но и для реализации политики реформ. На этой основе сложился «антигегемонистский союз», направленный против СССР.

Однако цели сторон в американо-китайском «антигегемонистском» тандеме не совпадали. Бжезинский рассматривал Китай как стратегического союзника, хоть и на правах «младшего партнёра», в то время как для Пекина это был тактический шаг. Не случайно на XII съезде КПК были провозглашены «независимая внешняя политика» и принцип невмешательства иностранных держав во внутренние дела Китая, была отвергнута идея союза с кем-либо. Китайцы, как и американцы, вели собственную игру, их только ситуативно объединило стремление противостоять СССР.

Советское руководство не заметило или не хотело замечать тех процессов, которые начались в Китае после смерти Мао, не проявило гибкости в отношении Пекина, по-прежнему опираясь на тезис о китайской угрозе. Значительную роль сыграла активность антикитайского лобби в партийно-военной и научной советской элите, которое «перекрыло все пути к объективному освещению обстановки в Китае» [6, с. 252–256]. Возможно, тогда был упущен шанс снять напряжённость в отношениях с пекинским руководством, чтобы процесс нормализации отношений с Китаем начался раньше, чем это произошло в действительности.

Политика США, направленная на использование «китайской карты» в отношениях с Москвой и создание выгодного для себя баланса сил в треугольнике, не

способствовала улучшению международного климата. Подписание летом 1979 г. Договора ОСВ-2 совпало с обострением афганского, иранского и индокитайского кризисов, которые существенно повлияли на взаимоотношения трёх держав в 1980-е гг.

Хотя китайская политика Бжезинского часто оценивается как эффективная [9], основная её задача не была решена: Китай не превратился в военно-стратегического союзника США. Тайваньская проблема осталась камнем преткновения во взаимоотношениях Вашингтона с Пекином. Формально признавался «один Китай», но де-факто сохранялись «два Китая».

США не собирались отказываться от поддержки Тайваня, что подтвердил Закон об отношениях с Тайванем (1979 г.). Уже в первые месяцы президентства Р. Рейгана, который в январе 1981 г. пришёл на смену Картеру, вновь развернулась дискуссия о характере связей США с Китаем. И хотя в августе 1982 г. было подписано третье Шанхайское коммюнике, на XII съезде КПК в начале сентября того же года было заявлено, что «продажа оружия Тайваню остаётся серьёзным препятствием для американо-китайских отношений»¹⁰⁰. Дэн Сяопин в приветственной речи сформулировал основу внешней политики Китая: «Пусть никакие иностранные государства не рассчитывают на то, что Китай станет их придатком, покорно пойдёт на ущемление своих интересов»¹⁰¹.

Список литературы:

1. Барбашин И.В. Политические отношения США и КНР в оценках американских синологов: конец 60-х – 70-е гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. н. М., 2002. 21 с.
2. Бажанов Е.П. Движущие силы политики США в отношении Китая. М.: Наука, 1982. 238 с.
3. Бажанов Е.П. Восточный экспресс с остановками на Западе. М.: Восток-Запад, 2008. 616 с.
4. Бажанов Е.П. Китай от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М.: Известия, 2007. 351 с.
5. Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений: в 3-х тт. Т. 2. М.: Научная книга, 2002. 480 с.
6. Бовин А. Е. XX век как жизнь. М.: Захаров, 2003. 654 с.
7. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М.: Конверт — МОНФ, 1997. 353 с.
8. Воронцов В.Б. Миссионеры и их наследники. Повороты политики США в отношении Китая. М.: Политиздат, 1986. 241 с.
9. Гати Ч. Стратегия и политика Збигнева Бжезинского. М.: АСТ, 2017. 384 с.
10. Гейдаров Н.А. Стратегический «треугольник» Россия–Китай–США: евразийский аспект: автореф. дисс. ... канд. полит. н. М., 2008. 28 с.
11. Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Кривые зеркала. США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке. М.: Вагриус, 2009. 912 с.
12. Евсеев С.А. «Стратегический треугольник»: Геополитические противоречия США – КНР – СССР в Восточной Азии в конце 1960-х – конце 1970-х гг. // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: гуманитарные науки. 2007. Т. 53. № 14. С. 162–173.
13. Капица М.С. КНР: три десятилетия – три политики. М.: Политиздат, 1979. 576 с.
14. Киссинджер Г. О Китае. М.: АСТ, 2002. 455 с.
15. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. 598 с.
16. Нойштадт Р., Мэй Э. Современные размыш-

¹⁰⁰ No Question of Double Standards // Peking Review. 13.09.1982. Vol. 25. No. 37. P. 3.

¹⁰¹ Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988. С. 6.

- ления о пользе истории для тех, кто принимает решения. М.: Ad Marginem, 1999. 384 с.
17. От миропорядка империй к имперскому миропорядку / отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. 204 с.
 18. Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012. 688 с.
 19. Системная история международных отношений в четырёх томах. События и документы. 1918–2003 / под ред. А.Д. Богатурова. Т. 3. События. 1945–2003. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003. 718 с.
 20. Современный Китай в зарубежных исследованиях. М.: Наука, 1979. 260 с.
 21. Цветков И. А. Политика США по отношению к тайваньской проблеме, 1949 – 1999 гг.: дисс. ... канд. ист. н. СПб., 2000. 265 с.
 22. Юнблуд В.Т., Воробьева Т.А. Советско-китайский раскол в американской политике разрядки международной напряженности (1968–1973 гг.) // Вестник ННГУ. 2018. № 1. С. 47–58.
 23. America and the Cold War, 1941 – 1991: a realist interpretation: In 2 vols. / Ed. by N. Graebner, R. Burns, J. Siracusa. Oxford, 2010. Vol. 2. Ch. 13. Pp. 393–440.
 24. Chang J. U.S. Policy Toward Taiwan. Harvard, 2001. 40 p.
 25. Coyer P. Congress, China and the Cold War: Domestic Politics and Sino-American Raprochement and Normalization, 1969–1980. PhD thesis. L.: The London School of Economics and Political Science, 2014. 340 p.
 26. Gaddis J. Strategies of Containment: a Critical Appraisal of American National Security Policy during the Cold War. N. Y.: Oxford University Press, 2005. 503 p.
 27. Gaddis J. The United States and the End of the Cold War: implications, reconsiderations, provocations. N.Y.: Oxford University Press, 1992. 301 p.
 28. Garthoff R. De'tente and confrontation. W.: The Brookings Institution, 1985. 1147 p.
 29. Hsü I. China without Mao: the search for a new order. N.Y., Oxford University Press, 1990. 212 p.
 30. Johnson R. Congress and the Cold War. N.Y.: Cambridge University Press, 2006. 346 p.
 31. Keefer E. Harold Brown: Offsetting the Soviet Military Challenge, 1977–1981. W.: Government Printing Office, 2017. 815 p.
 32. Leffler M. For the soul of mankind: the United States, the Soviet Union, and the Cold War. N.Y.: Hill and Wang, 2007. 586 p.
 33. Leffler M. Safeguarding democratic capitalism: U.S. foreign policy and national security, 1920–2015. Princeton: Princeton University Press, 2017. 348 p.
 34. McMahon R. The Cold War: A Very Short Introduction. N.Y., Oxford University Press, 2003. 185 p.
 35. Mitchell N. The Cold War and Jimmy Carter // The Cambridge History of the Cold war. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 66–88. DOI: 10.1017/CHOL9780521837217
 36. Njølstad O. The collapse of superpower détente, 1975–1980 // The Cambridge History of the Cold war. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 135–155. DOI: 10.1017/CHOL9780521837217
 37. Pollack J. The opening to America // The Cambridge History of China. Vol. 15. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Pp. 402–472. DOI: 10.1017/CHOL9780521243377
 38. Sadako O. Normalization with China. A Comparative Study of U.S. and Japanese Processes. Berkeley, Univ. of California Inst. of East, 1990. 113 p.
 39. Scalapino R. China and the Balance of Power // Foreign Affairs. 1974. Vol. 52. No. 2. Pp. 349–385.
 40. Sexton DuBois M. The Wages of Principle and Power: Cyrus R. Vance and the making of Foreign Policy in the Carter Administration. PhD dissertation. Wash., 2009. 451 p.
 41. Stevenson R. The Rise and Fall of Détente. Relaxations of Tension in US-Soviet Relations, 1953–84. L., Palgrave Macmillan, 1985. 249 p. DOI: 10.1007/978-1-349-07024-4
 42. Tyler P. The (Ab) Normalization of U.S.-Chinese Relations // Foreign Affairs. 1974. Vol. 78. No 5. Pp. 93–122.
 43. Xiaoming Zhang. China's Decision to go to War with Vietnam // Journal of Cold War Studies. 2010. Vol. 12. No. 3. Pp. 3–29.
 44. Yahuda M. The Significance of Tripolarity in China's Policy Toward the United States Since 1972 // China, the United States, and the Soviet Union: Tripolarity and Policy Making in the Cold War. N.Y.: Routledge, 2016. Pp. 11–38.
 45. Yufan Hao. Dilemma and decision: an organizational perspective on American China policy making. Berkeley, California, Institute of East Asian Studies, 1997. 352 p.
 46. Zhang Xiaoming. Deng Xiaoping and China's Decision // Journal of Cold War Studies. 2010. Vol. 12. No. 3. Pp. 3–25.

47. Zubok V. Soviet foreign policy from détente to Gorbachev, 1975–1985 // The Cambridge History of the Cold war. Vol. 3. Cambridge: Cam-

bridge University Press, 2010. Pp. 89–111. DOI: 10.1017/CHOL9780521837217

Об авторах:

Валерий Теодорович Юнгблюд – д.и.н., профессор, президент Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36. E-mail: yungblud@vyatsu.ru.

Тамара Альбертовна Воробьева – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории и политических наук Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36. E-mail: listak@mail.ru.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ/РГНФ научного проекта № 17-01-00330.

RELATIONS WITHIN «TRIANGLE» USA – USSR – PRC AT THE END OF DÉTENTE PERIOD (1977–1980)

T. Vorobyova, V. Yungblud
DOI 10.24833/2071-8160-2019-1-64-59-82

Vyatka State University

Abstract: The period of détente is usually associated with a decrease of confrontation in US-Soviet relations, the signing of agreements on the limitation of strategic weapons and anti-missile defense systems and the development of trade and economic relations, scientific and cultural exchanges. Strengthening security in Europe is considered another facet of détente. From this perspective détente is viewed as an alternative to the Cold War, and the end of détente is seen as a missed opportunity to develop international relations in the direction of a secure world with working mechanisms for harmonizing the interests of both the great powers and other countries.

The article deals with the history of relations in the triangle USA – USSR – China in 1977–1980. The evolution of Washington's foreign policy strategy and the inclusion to it policies towards the USSR and China in these years came at the background of pronounced Soviet–Chinese antagonism. In the first months there was no clear plan in the actions of the Carter administration, there was a sharp rivalry for influence on the president between individual political figures (first of all – S. Vance and Zb. Brzezinski). They proposed different scenarios of the development of the US–Soviet and US – China relations. Throughout the Carter presidency, the US used as much as possible the tensions between Moscow and Beijing. In the framework of tripartite relations, each of the sides consistently pursued its own course aimed at achieving unilateral benefits. There were no attempts to establish a trilateral dialogue with an agreed agenda. The processes of détente practically did not affect the complex of international problems that existed within the American – Soviet – Chinese triangle. Moreover, Washington's use of the «Chinese card» prevented the reduction of tensions in American–Soviet relations and strengthened the Cold War logic and methods in the planning and implementation of US foreign policy.

Key words: Detente, Sino–American relations, Soviet–American relations, SALT II, Carter administration, Zb. Brzezinski, S. Vance.

References

1. Barbashin I. V. *Politicheskie otnosheniia SShA i KNR v otsenkakh amerikanskikh sinologov: konets 60-kh – 70-e gg. XX v.* [Political relations between the United States and the People's Republic of China in the estimates of American synologists: late 60s – 70s of XX century]. *Abstract phd dis.* Moscow, 2002. 21 p. (In Russian).
2. Bazhanov E.P. *Dvizhushchie sily politiki SShA v otnoshenii Kitaia* [Driving forces of the US policy towards China]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 238 p. (In Russian).
3. Bazhanov E.P. *Vostochnyi ekspres s ostanovkami na Zapade* [Eastern express with stops at West]. Moscow, Vostok-Zapad, 2008. 616 p. (In Russian).
4. Bazhanov E.P. *Kitai ot Sredinnoi imperii do sverkhderzhavy XXI veka* [China: from Middle Empire to XXI century superpower]. Moscow, Izvestia, 2007. 351 p. (In Russian).
5. Bazhanov E.P. *Aktual'nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenii* [Topical problems of international relations]. In 3 vols. Vol. 2. Moscow, Nauchnaia Kniga Publ., 2002. 479 p. (In Russian).
6. Bovin A.E. *XX vek kak zhizn'* [XX century as life]. Moscow, Zakharov, 2003. 654 p. (In Russian).
7. Bogaturov A.D. *Velikie derzhavy na Tikhom okeane* [Great powers at Pacific ocean]. Moscow, Konvert Publ., 1997. 353 p. (In Russian).
8. Vorontsov V.B. *Missionery i ikh nasledniki. Povoroty politiki SShA v otnoshenii Kitaia* [Missionaries and their heirs: turns of US foreign policy towards China]. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 241 p. (In Russian).
9. Gati Ch. *Strategiia i politika Zbigneva Brzezinskogo* [Brzezinski's Strategy and Policy]. Moscow, AST Publ., 2017. 384 p. (In Russian).
10. Geidarov N.A. *Strategicheskii «treugol'nik» Rossiia – Kitai – SShA: evraziiskii aspekt.* [Strategic “Triangle” Russia – China – USA: Eurasian aspect], Phd diss. abstract. Moscow, 2008. 28 p. (In Russian).
11. Davis D.E., Trani E.P. *Distorted mirrors. Americans and their relations with Russia and China in the 20th Century.* University of Missouri, 2009. 496 p. (Russ. ed.: Davis D.E., Trani Iu.P. *Krivyie zerkala. SShA i ikh otnosheniia s Rossiei i Kitaem v XX veke.* Moscow, Vagrius Publ., 2009. 912 p.).
12. Evseev S.A. «Strategicheskii treugol'nik»: Geopoliticheskie protivorechiia SShA – KNR – SSSR v Vostochnoi Azii v kontse 1960-kh – kontse 1970-kh gg. [“Strategical triangle”: geopolitical contradictions between USA, PRC and USSR in East Asia at late 1960–1970s]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2: gumanitarnye nauki*, 2007, vol. 53, no. 14, pp. 162–173. (In Russian).
13. Kapitsa M. S. *KNR: tri desiatiletiia – tri politiki* [PRC: three decades of policy]. Moscow, Politizdat, 1979. 576 p. (In Russian).
14. Kissinger H. *On China.* Penguin Books, 2012. 624 p. (Russ. ed.: Kissinger G. *O Kitae.* Moscow, AST Publ., 2002. 455 p.).
15. Lukin A.V. *Medved' nabliudaet za drakonom. Obraz Kitaia v Rossii v XVII–XXI vekakh* [Bear watches Dragon. Image of China in Russia in XVII–XXI centuries]. Moscow, Vostok-Zapad, 2007. 598 p. (In Russian).
16. Neustadt R.E., May E.R. *Thinking in Time: The Uses of History for Decision-Makers.* Free Press, 1988. 352 p. (Russ. ed.: Noishtadt R., Mei E. *Sovremennye razmyshleniia o pol'ze istorii dlia tekhn, kto prinimaet resheniia.* Moscow, Ad Marginem, 1999. 384 p.).
17. *Ot miroporiadka imperii k imperskomu miroporiadku* [From Empire's world order to Imperial world order]. Ed. by Voitolovsky F.G. Moscow, Nauchno-obrazovatelnyy forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, 2005. 204 p. (In Russian).
18. Pechatnov V.O., Manykin A.S. *Istoriia vneshnei politiki SShA* [History of the US foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2012. 688 p. (In Russian).
19. *Sistemnaia istoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v chetyrekh tomakh Sobytiia i dokumenty. 1918–2003. Sobytiia. 1945–2003* [Systemic history of international relations in four volumes 1918–2003.

- Events and documents.]. Vol. 3. Events. 1945–2003. Moscow, Nauchno-obrazovatelnyy forum po mezhdunarodnym otnosheniyam Publ., 2003. 718 p. (In Russian).
20. *Sovremennyyi Kitai v zarubezhnykh issledovaniyakh* [Modern China in foreign researches]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 260 p. (In Russian).
 21. Tsvetkov I. A. *Politika SShA po otnosheniyu k taivanskoi probleme, 1949–1999 gg.* [US Policy toward Taiwan problem. 1949–1999.]. Phd diss. Saint-Petersburg, 2000. 265 p. (In Russian).
 22. Yungblud V.T., Vorobyova T.A. Sovetsko-kitaiskii raskol v amerikanskoi politike razriadki mezhdunarodnoi napriazhenosti (1968–1973 gg.) [The Soviet-Chinese split in the US Policy of détente (1968–1973)]. *Vestnik NNGU*, 2018, no. 1, pp. 47–58. (In Russian).
 23. America and the Cold War, 1941–1991: a realist interpretation: in 2 vols. / Ed. by N. Graebner, R. Burns, J. Siracusa. Oxford, 2010. Vol. 2, ch. 13, pp. 393–440.
 24. Chang J. *U.S. Policy Toward Taiwan*. Harvard, 2001. 40 p.
 25. Coyer P. *Congress, China and the Cold War: Domestic Politics and Sino-American Raprochement and Normalization, 1969–1980*. PhD thesis. London, The London School of Economics and Political Science, 2014. 340 p.
 26. Gaddis J. *Strategies of Containment: a Critical Appraisal of American National Security Policy during the Cold War*. New York, 2005. 503 p.
 27. Gaddis J. *The United States and the End of the Cold War: implications, reconsiderations, provocations*. New York, Oxford University Press Publ., 1992. 301 p.
 28. Garthoff R. *Détente and confrontation*. Washington, The Brookings Institution Publ., 1985. 1147 p.
 29. Hsü I. *China without Mao: the search for a new order*. New York, Oxford University Press Publ., 1990. 212 p.
 30. Johnson R. *Congress and the Cold War*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2006. 346 p.
 31. Keefer E. *Harold Brown: Offsetting the Soviet Military Challenge, 1977–1981*. Washington, Government Printing Office Publ., 2017. 815 p.
 32. Leffler M. *For the soul of mankind: the United States, the Soviet Union, and the Cold War*. New York, Hill and Wang Publ., 2007. 586 p.
 33. Leffler M. *Safeguarding democratic capitalism: U.S. foreign policy and national security, 1920–2015*. Princeton, Princeton University Press Publ., 2017. 348 p.
 34. McMahon R. *The Cold War: A Very Short Introduction*. New York, Oxford University Press, 2003. 185 p.
 35. Mitchell N. *The Cold War and Jimmy Carter. The Cambridge History of the Cold war*. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 66–88. DOI: 10.1017/CHOL9780521837217
 36. Njølstad O. *The collapse of superpower détente, 1975–1980. The Cambridge History of the Cold War*, vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 135–155. DOI: 10.1017/CHOL9780521837217
 37. Pollack J. *The opening to America. The Cambridge History of China*. Vol. 15. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2008. Pp. 402–472. DOI: 10.1017/CHOL9780521243377
 38. Sadako O. *Normalization with China. A Comparative Study of U.S. and Japanese Processes*. Berkeley, University of California Institute of East Publ., 1990. 113 p.
 39. Scalapino R. *China and the Balance of Power. Foreign Affairs*, 1974, vol. 52, no. 2, pp. 349–385.
 40. Sexton DuBois M. *The Wages of Principle and Power: Cyrus R. Vance and the making of Foreign Policy in the Carter Administration*. PhD dissertation. Washington, 2009. 451 p.
 41. Stevenson R. *The Rise and Fall of Détente. Relaxations of Tension in US–Soviet Relations, 1953–84*. London, Palgrave Macmillan Publ., 1985. 249 p.
 42. Tyler P. *The (Ab) Normalization of U.S.–Chinese Relations. Foreign Affairs*, 1974, vol. 78, no 5, pp. 93–122.
 43. Xiaoming Zhang *China's Decision to go to War with Vietnam. Journal of Cold War Studies*, 2010, vol. 12, no. 3, pp. 3–29.
 44. Yahuda M. *The Significance of Tripolarity in China's Policy Toward the United States Since 1972. China, the United*

- States, and the Soviet Union: Tripolarity and Policy Making in the Cold War.* New York, Routledge Publ., 2016. Pp. 11-38.
45. Yufan Hao. *Dilemma and decision: an organizational perspective on American China policy making.* Berkeley; California, Institute of East Asian Studies, 1997. 352 p.
 46. Zhang Xiaoming. Deng Xiaoping and China's Decision. *Journal of Cold War Studies*, 2010, vol. 12, no. 3, pp. 3–25.
 47. Zubok V. Soviet foreign policy from détente to Gorbachev, 1975–1985. *The Cambridge History of the Cold war*, vol. 3. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2010. Pp. 89–111. DOI: 10.1017/CHOL9780521837217

About the authors:

Valery T. Yungblud – Doctor of History, Professor, President of Vyatka State University. Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia. E-mail: yungblud@vyatsu.ru.

Tamara A. Vorobyova – PhD in Historical Sciences, Associate Professor at the Department of General History and Political Sciences of Vyatka State University. Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia. E-mail: listak@mail.ru.

The publication is prepared in the framework of the research project No. 17-01-00330 supported by the Russian Foundation for Basic Research / RHNF.

США И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В ООН: ФАКТОР ОСОБЫХ ОТНОШЕНИЙ (2001–2017 гг.)

А.О. Мамедова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Взаимодействие США и Великобритании в ООН не часто становится предметом научных исследований. Тесные союзнические отношения, которые, несмотря на большое различие в военной и экономической мощи, сохраняются на протяжении более семидесяти лет, не могут не влиять на позиции двух стран в ООН. Обстоятельства вторжения коалиции в Ирак в 2003 г. бросили тень на деятельность двух союзников в организации. Сама ООН в начале XXI в. столкнулась с рядом вызовов, таких как терроризм и региональные кризисы. США недовольны эффективностью работы Организации и предпринимают попытки её реформирования.

Хронологические рамки исследования – 2001–2017 гг. Статья состоит из трёх частей. В первой части рассмотрены количественные и качественные показатели, определяющие место США и Великобритании в ООН, и сравниваются подходы обеих стран к работе организации. Во второй части на материалах мемуаров и интервью представлен анализ деятельности американских и британских постоянных представителей при ООН. В третьей части своего исследования автор останавливается на примерах сотрудничества и определённой конкуренции между двумя странами в рамках ООН. Основным критерием отбора примеров была их показательность с учётом фактора «особых отношений».

Анализ указывает на неоднозначный характер сотрудничества США и Великобритании в ООН, но и не развенчивает миф об «особых отношениях». В большинстве случаев сотрудничество весьма прагматично.

Ключевые слова: США, Великобритания, ООН, ЕС, особые отношения, вторжение в Ирак, Косово, реформа ООН, палестино-израильский конфликт, Договор о торговле оружием.

Традиционно «особым» считается сотрудничество США и Великобритании в области разведки и обороны; «особые отношения» между двумя странами существуют и на дипломатическом уровне в форме привилегированных консультаций. Вместе с тем по вопросам торговли и принципам многосторонности в межгосударственных отношениях между странами наблюдается «конкурентное сотрудничество», порой даже ожесточённое [24, pp. 106–107].

УДК 327.5

Поступила в редакцию 04.12.2017 г.

Принята к публикации 10.09.2018 г.

В настоящей статье мы рассмотрим, как «особые отношения» отражаются на позициях США и Великобритании в ООН и насколько правомерно применять этот термин к сотрудничеству двух стран в Организации.

Публикаций о взаимодействии США и Великобритании в ООН немного; как правило, они относятся к конкретным историческим событиям [2; 3; 17]. Общую, притом весьма критическую, характеристику американо-британского сотрудничества в ООН представил М. Кёртис [7]. Приоритетами деятельности этих стран в Организации британский историк и журналист называл защиту режимов-изгоев, поддержку агрессивных действий в межгосударственных отношениях, осуществление собственной агрессии, предотвращение заключения международных соглашений и сохранение контроля над ООН [7, р. 181]. Книга Кёртиса охватывает период с 1950-х по 1990-е гг. Представляется, что события начала XXI в. требуют изучения в отнюдь не меньшей степени.

Обширная литература посвящена участию США в ООН. Различные исследователи дают общую характеристику [9; 10; 11; 14; 16; 20; 21; 25], обращаются к анализу вторжения в Ирак в 2003 г. [8; 12; 23], рассматривают позицию США по реформе ООН [22]. Имеются исследования о месте Великобритании в ООН [15] и её участии в миротворческих операциях [6]. При этом взаимодействие США и Великобритании в ООН не рассматривается специально – за исключением периода подготовки к вторжению в Ирак.

Место США и Великобритании в ООН

Политический вес США и Великобритании в ООН определяется их статусом первоначальных стран-членов, постоянных членов Совета Безопасности и сопредседателей Женевской группы ООН. По размеру ежегодного взноса в регулярный бюджет ООН США находятся на первом месте (22%, 610,8 млн долл. в 2017 г.), Великобритания – на шестом (4,46%, 123,9 млн долл. в 2017 г.)¹. Вклад в финансирование миротворческих операций ООН также велик: в 2017 г. США – 28,47%, Великобритания – 5,77% (1-е и 6-е места)². Правда, американцы зачастую задерживают выплату членских взносов, что отрицательно сказывается на работе Организации³.

В Совете Безопасности ООН США, Великобритания и Франция образуют тройку наиболее активных составителей (penholders)⁴ проектов резолюций. Подготовленные проекты они обсуждают между собой, затем согласуют с Россией

¹ Assessment of Member States' contributions to the United Nations regular budget for the year 2017 // The UN. 28.12.2016. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=ST/ADM/SER.B/955&referer=http://www.un.org/en/ga/contributions/budget.shtml&Lang=E (дата обращения 28.01.2019).

² How we are funded // The UN. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/how-we-are-funded> (дата обращения 28.01.2019).

³ Fitzgerald D. As Obama heads to general assembly, US debt to UN balloons to \$3 billion // UN Tribune. 09.14.15. URL: <http://untribune.com/as-obama-heads-to-general-assembly-us-debt-to-un-balloons-to-3-billion/> (дата обращения 28.01.2019).

⁴ См. Записка председателя Совета Безопасности. 14 апреля 2014. S/2014/268 // СБ ООН. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2014/268&referer=http://www.un.org/en/sc/documents/notes/2014.shtml&Lang=R (дата обращения 28.01.2019).

и Китаем, после чего – с непостоянными членами СБ ООН. По данным НКО Security Council Report, этот порядок сложился в 2006 г. (по другим источникам – 2010 г.⁵) в связи с трудными переговорами по нераспространению (КНДР и Иран), и в дальнейшем приобрёл универсальный характер. С 2013 г. возможно более активную роль в работе Совбеза стали играть его непостоянные члены: в 2013 г. Австралия и Люксембург стали привлекать внимание СБ ООН к гуманитарной ситуации в Сирии. В 2014 г. вместе с Иорданией они составили три проекта резолюции по этому вопросу, которые были приняты Совбезом. В 2015 г. Новая Зеландия и Испания вместе с Иорданией продолжили заниматься гуманитарной ситуацией в Сирии⁶. В 2014–2017 гг. США занимались восьмью темами (в т.ч. КНДР, Иран, Гаити, противодействие терроризму) и проблемой Голанских высот совместно с Россией; Великобритания – семью (в т.ч. Кипр, Ливия, миротворчество), США совместно с Великобританией сотрудничали по четырём темам, в т.ч. Ирак, Судан/Южный Судан, Сомали⁷.

Политический вес тройки в ООН отражается и в том, что их представители в течение многих лет занимали ключевые посты в Секретариате ООН: заместителей Генерального секретаря ООН по политическим вопросам, по гуманитарным вопросам и координатора чрезвычайной помощи и вопросам миротворчества. Это обстоятельство зачастую служило поводом ставить вопрос о прозрачности назначений⁸. Напомним, что должность заместителя Генерального секретаря ООН по политическим вопросам в 1946–1992 гг. занимали представители СССР/России, в 1993–2005 гг. британцы, 2005–2007 гг. – нигерийский дипломат, а после избрания Пан Ги Муна на должность Генерального секретаря (2007 г.) по настоящее время этот пост занимают представители США. Должность заместителя Генерального секретаря ООН по гуманитарным вопросам и координатора чрезвычайной помощи с 2007 г. занимают британские дипломаты (Управление по координации гуманитарных вопросов создано в декабре 1991 г.). С 1997 г. по настоящее время заместителями Генерального секретаря ООН по вопросам миротворчества были французские дипломаты (Департамент операций по поддержанию мира создан в 1992 г.).

⁵ Lead Roles within the Council in 2016: Penholders and Chairs of Subsidiary Bodies // Security Council Report. 29.01.2016. URL: http://www.securitycouncilreport.org/monthly-forecast/2016-02/lead_roles_within_the_council_in_2016_penholders_and_chairs_of_subsidary_bodies.php (дата обращения 28.01.2019).

⁶ UN Security Council Working Methods // Security Council Report. 10.01.2019. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/un-security-council-working-methods/pen-holders-and-chairs.php> (дата обращения 28.01.2019).

⁷ 2017 Chairs of Subsidiary Bodies and Penholders // Security Council Report. URL: <http://www.securitycouncilreport.org/images/homepage/Penholders%20and%20Subsidiary%20Body%20Chairs.pdf> (дата обращения 28.01.2019); Chairs of Subsidiary Bodies and Penholders for 2016 // Security Council Report. URL: <http://www.securitycouncilreport.org/images/briefs/SCR-2015-stats-insert.pdf> (дата обращения 28.01.2019); Chairs of Subsidiary Bodies and Pen-Holders for 2015 // Security Council Report. URL: <http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/SCR-MF-feb15-penholders.pdf> (дата обращения 28.01.2019); Chairs of Subsidiary Bodies and Penholders for 2014 // Security Council Report. URL: http://www.securitycouncilreport.org/monthly-forecast/2014-02/chairs_of_subsidary_bodies_and_penholders_for_2014.php (дата обращения 28.01.2019).

⁸ Statement by Ambassador Vitaly I. Churkin, Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations, during the Security Council Meeting // Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations. 20.10.2015. URL: <http://russia.un/en/news/sc201015> (дата обращения 28.01.2019).

Подходы США и Великобритании к деятельности ООН в исследуемый период имели свои особенности.

Для США характерно двойственное отношение к Организации. С одной стороны, каждая американская администрация признавала полезность ООН как площадки для продвижения американских интересов и утверждения американского лидерства. С другой стороны, консервативная часть американской элиты высказывала мнение (чаще всего в конгрессе) о враждебности ООН американским интересам, тем более что при голосовании на Генеральной Ассамблее по важным для себя вопросам США нередко оказывались в меньшинстве. Дополнительная сложность связана с тем, что внешнюю политику страны определяет президент, а размер взноса США в бюджет ООН ежегодно утверждает Конгресс, который стремится использовать этот механизм для продвижения выгодных американцам реформ ООН. Так, в 1990-е гг. имели место попытки Конгресса привязать выплату задолженностей или новые ассигнования к реформам ООН [4, р. 2]. В конце 1990-х гг. Конгресс увязал выплату задолженности со снижением членского взноса США в регулярный бюджет с 25% до 22% и на миротворчество с 31% до 27% [23, р. 33]. К сентябрю 2001 г. задолженность составила 2,3 млрд долл. (447 млн долл. – регулярный бюджет, 37 млн долл. – международные трибуналы, 1,8 млрд долл. – миротворчество) [23, р. 29]. Частично долги были погашены Дж. Бушем-мл.; Б. Обама в начале своего президентского срока также выплатил большую часть задолженности [4, pp. 7–8]. В 2011 г. США выплатили большую часть долга перед Организацией; их задолженность снизилась до 736 млн долл.⁹. К 1 января 2019 г. задолженность США по взносам в регулярный бюджет ООН составила 381 млн долл., в бюджет миротворческих операций – 776 млн долл.¹⁰.

Вступление Дж. Буша-мл. в должность президента ознаменовало новый этап в отношениях США с ООН, сутью которого стало использование Организации *ad hoc*. По многим вопросам международной повестки дня новая администрация взяла курс на односторонность и создание «коалиций желающих». Вместе с тем, американцы не перестали видеть в ООН инструмент для отстаивания своих интересов. С 2001 г. они энергично переориентировали Организацию на борьбу с терроризмом¹¹. В 2002 г. при активной поддержке Великобритании США работали над усилением санкций против Ирака с целью его разоружения, допуская использование силовых методов. Сотрудничество по Ираку стало классическим примером реализации «особых отношений» между США и Великобританией в ООН.

⁹ U.S. pays off much of U.N. arrears, now owes \$736 million // Reuters. 26.01.2011. URL: <https://www.reuters.com/article/us-un-usa-arrears/u-s-pays-off-much-of-u-n-arrears-now-owes-736-million-idUSTRE7007DW20110125> (дата обращения 28.01.2019).

¹⁰ Nichols M. U.N. members owe \$2 billion in debt to peacekeeping, U.S. owes a third // Reuters. 18.01.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-un-peacekeepers-usa/u-n-members-owe-2-billion-in-debt-to-peacekeeping-u-s-owes-a-third-idUSKCN1PB2OD> (дата обращения 28.01.2019).

¹¹ United States Participation in the United Nations. Report by the President to the Congress for the Year 2001 / Ed. P. Stroh // The U.S. Department of State. 2003. 208 p. P. 2.

Администрация Буша-мл. предприняла попытку реформировать ООН. В этих целях постоянный представитель Джон Болтон пытался использовать рычаг финансирования организации. При Болтоне права человека вновь стали приоритетной темой для США в ООН. Когда же в результате реформы вместо Комиссии по правам человека был создан Совет по правам человека (СПЧ), американцы отказались в него вступать, ссылаясь на жёсткую позицию СПЧ по Израилю и на членство в Совете государств, обвиняемых в нарушении прав человека. С другой стороны, при Буше-мл. (2002 г.) США вернулись в ЮНЕСКО после выхода в 1984 г.

С приходом к власти Б. Обамы Вашингтон стал уделять больше внимания многосторонней дипломатии. США увеличили свою активность в ООН и других международных организациях. Администрация решила погасить долги перед ООН и занять место в СПЧ. В Стратегии национальной безопасности (СНБ) 2010 г. признавалось, что в предшествующий период из-за недовольства эффективностью международных институтов США взаимодействовали со структурами ООН ситуативно¹². В СНБ 2015 г. было заявлено намерение поддерживать существующую международную правовую архитектуру – с той оговоркой, что в связи с низкой эффективностью ООН и других многосторонних форумов¹³ в случае необходимости США будут действовать самостоятельно¹⁴. Б. Обама дважды проводил встречи с членами СБ ООН, использовал ООН как площадку для проведения саммитов по важным для американцев вопросам, например, по миротворчеству¹⁵. С 2011 г. Вашингтон приостановил выплату членских взносов в ЮНЕСКО в связи с принятием Палестины в качестве государства-члена.

Отношения Д. Трампа с ООН в первый год его президентства складывались неровно. Американский президент заявил о необходимости уменьшить взносы США в бюджет ООН, снизить долю США в бюджете миротворческих операций с 28% до 25%, а также угрожал выходом из СПЧ из-за чрезмерной критики Израиля. С другой стороны, Трамп признал потенциал ООН на встрече с постоянными представителями стран-членов Совета Безопасности (24 апреля 2017 г.)¹⁶. Перед 72-й сессией Генеральной Ассамблеи американский президент заявил о намерении собрать глав государств и правительств для обсуждения реформы

¹² The National Security Strategy of the United States of America // The White House. 2010. 52 p. P. 13. URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=24251> (дата обращения 28.01.2019).

¹³ The National Security Strategy of the United States of America // The White House. 2015. 36 p. P. 23. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения 28.01.2019).

¹⁴ The National Security Strategy of the United States of America. 2015. P. 46.

¹⁵ Crocker S. Has President Trump Learned to Love the United Nations? // Foreign Policy. 03.05. 2017. URL: <http://foreignpolicy.com/2017/05/03/has-president-trump-learned-to-love-the-united-nations-nikki-haley/> (дата обращения 28.01.2019).

¹⁶ Trump D. Remarks by President Trump at a Working Lunch with U.N. Security Council Ambassadors // The White House 24.02.2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-working-lunch-u-n-security-council-ambassadors/> (дата обращения 28.01.2019).

ООН, направленной на сокращение дублирующихся функций¹⁷. Декларацию из 10 пунктов по реформе ООН¹⁸ поддержали более 120 стран. Россия, Китай, Бразилия, Южная Африка, не изъявившие безоговорочной поддержки инициативы, не были приглашены на встречу. Развивающиеся страны были против реформирования системы мандатов и усиления роли Генерального секретаря; Россия считала неуместным начинать столь важную инициативу с деклараций и переговоров в формате коалиций¹⁹. США использовали СБ при оказании давления на Пхеньян после проведения КНДР нового, самого мощного из шести испытаний ядерного оружия (3 сентября 2017 г.). Летом 2017 г. американский постпред Н. Хейли добилась сокращения миротворческого бюджета ООН. США вышли из Парижского соглашения по климату, активным сторонником которого была администрация Б. Обамы. Под угрозой остаётся соглашение по ядерной программе Ирана из-за выхода США. В октябре 2017 г. США объявили о выходе из ЮНЕСКО, обвинив её в «предвзятости по отношению к Израилю»²⁰; решение вступило в силу 31 декабря 2018 г. По той же причине США покинули СПЧ в июне 2018 г.²¹ В мае 2018 г. США вышли из Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе. В августе 2018 г. Трамп прекратил финансирование Ближневосточного агентства для помощи палестинским беженцам и организации работ²². Таким образом, при Д. Трампе политика США в отношении ООН вновь ужесточилась: США предприняли попытку сделать ООН в большей степени отвечающей их интересам.

Политика британских правительств в отношении ООН отличается большей последовательностью. Великобритания традиционно уделяет внимание многосторонней дипломатии и искусной дипломатической работе. Правительство Э. Блэра видело необходимость в сотрудничестве с ООН, в частности, для придания легитимности действиям коалиции в Ираке. На фоне действий коалиции в Афганистане и Ираке Э. Блэр пытался привлечь внимание к проблемам Африки, в т.ч. используя трибуну ООН.

В своей деятельности в ООН Великобритания зачастую была склонна ориентироваться на ЕС, особенно в вопросах миротворчества, изменения климата

¹⁷ Trump to host Sept. 18 meeting of world leaders on U.N. reform // Reuters. 01.09.2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-un-reform-trump/trump-to-host-sept-18-meeting-of-world-leaders-on-u-n-reform-idUSKCN1BC5SP> (дата обращения 28.01.2019).

¹⁸ Political Declaration for UN Reform High Level Event // Pass Blue. 2017. URL: <https://www.passblue.com/wp-content/uploads/2017/08/FINAL-UN-Reform-Declaration.pdf> (дата обращения 28.01.2019).

¹⁹ 'We need negotiations, not declarations': Russia stays away from Trump's UN reform plan // Russia Today. 18.09.2017. URL: <https://www.rt.com/news/403734-trump-un-reform-russia/> (дата обращения 28.01.2019).

²⁰ Beaumont P. UNESCO: Israel joins US in quitting UN heritage agency over 'anti-Israel bias' 12.10.2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/oct/12/us-withdraw-unesco-december-united-nations> (дата обращения 28.01.2019).

²¹ Harris G. Trump Administration Withdraws U.S. From U.N. Human Rights Council // The New York Times. 19.06.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/06/19/us/politics/trump-israel-palestinians-human-rights.html> (дата обращения 28.01.2019).

²² Beaumont P., Holmes O. US confirms end to funding for UN Palestinian refugees // The Guardian. 31.08.2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/aug/31/trump-to-cut-all-us-funding-for-uns-main-palestinian-refugee-programme> (дата обращения 28.01.2019).

и защиты прав человека. Королевству не удалось повлиять на непреклонную позицию США по Международному уголовному суду; в вопросах прав человека Великобритания последовательно выступала за отмену смертной казни, тогда как США голосовали против соответствующих резолюций ГА ООН.

После победы сторонников Брексита у части британской политической элиты появились опасения, что положение страны в международных организациях может пошатнуться, и в рамках «особых отношений» с США Великобритания превратится из партнёра в «ведомого» (по выражению баронессы Амос, британского дипломата, занимавшей должность заместителя Генерального секретаря ООН по гуманитарным вопросам и координатора чрезвычайной помощи в 2010 – 2015 гг.)²³. В связи с вероятностью выхода из ЕС Специальный комитет палаты лордов по международным отношениям обратил внимание британского правительства на необходимость работы с различными группами стран в ООН, в первую очередь, с европейскими странами, не входящими в ЕС, а также со странами, занимающими активную позицию в ООН – Новой Зеландией, Австралией и Канадой. Напомним, что эти страны часто сотрудничают с США на ГА ООН, в т.ч. в формате JUSCANZ. Страны Содружества наций не рассматриваются как многообещающее направление сотрудничества, поскольку они больше ориентируются на кооперацию с другими развивающимися странами²⁴. Так же, как и в документах о месте Великобритании в ООН 2003 и 2006 гг.²⁵, сотрудничество с США не названо в качестве приоритета.

Деятельность американских и британских постоянных представителей при ООН

Взаимодействие между британскими и американскими дипломатами в ООН, как правило, не становится предметом публичных дискуссий, что ограничивает круг источников для изучения этого вопроса. Тем не менее, опубликованные доклады, интервью и мемуары позволяют выделить основные черты сотрудничества: не равное, но привилегированное и тесное взаимодействие, когда это согласуется с взглядами лидеров обеих стран; конкуренция за влияние в ООН в тех случаях, когда Великобритания предпочитает ориентироваться на своих партнёров по ЕС.

Отдельного внимания заслуживают личности дипломатов, возглавлявших постпредства США и Великобритании при ООН. Выбор посла даёт представление о приоритетах, которые страны ставили перед собой в ООН.

²³ The UK and the UN: Priorities for the new Secretary-General. HL Paper 60 // House of Lords Select Committee on International Relations. 1st Report of Session 2016–17. 2016. 63 p. P. 42.

²⁴ Id. P. 43.

²⁵ The UK and the UN. Presented to Parliament by the Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs by Command of Her Majesty. September 2003. Cm 5898. 58 p.; The United Kingdom in the United Nations. Presented to Parliament by the Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs by Command of Her Majesty. Cm 6892 // The UK Government. July 2006. 98 p.

При Дж. Буше-мл. глава американской дипломатической миссии при ООН стал подчиняться государственному секретарю, а не президенту, как это было при У. Клинтоне, т.е. пост перестал считаться должностью министерского уровня, что свидетельствовало о снижении значимости этого направления во внешней политике США [4, р. 7]. В период президентства Дж. Буша-мл. сменились семь постпредов: Джеймс Каннингем (временный, январь – сентябрь 2001 г.), Джон Негропonte (сентябрь 2001 – июнь 2003 г.), Джон Данфорт (июль 2004 – январь 2005 г.), Энн Патерсон (временный, январь – август 2005 г.), Джон Болтон (межсессионное назначение, август 2005 – декабрь 2006 г.), Алехандро Вульф (временный, декабрь 2006 – апрель 2007 г.), Залмай Халилзад (апрель 2007 – январь 2009 г.). Дж. Негропonte, «рыцарь холодной войны», будучи заместителем советника по национальной безопасности, известен участием в кампании по свержению панамского диктатора М. Норьеги (декабрь 1989 г.); позже он был послом в Гондурасе, Мексике и на Филиппинах; во время его пребывания в Гондурасе США активно помогали правительству бороться с сандинистами²⁶. Дж. Болтон – неоконсерватор, в своё время замешанный в деле «Иран-контрас» (1985 – 1986 гг.), в 2001–2005 гг. занимал должность заместителя госсекретаря по вопросам контроля над вооружениями и международной безопасности. До назначения на должность постпреда был известен своими критическими высказываниями в адрес ООН; став постпредом, играл ключевую роль в продвижении реформы Организации. Таким образом, первый и половина второго президентского срока Дж. Буша-мл. были отмечены назначением на должность постпреда США политиков, чьи взгляды заметно расходились с принципами, на которых основана деятельность ООН. Назначение неоконсерватора З. Халилзада, в прошлом посла США в Афганистане (2003–2005 гг.) и Ираке (2005–2007 гг.), сотрудника различных мозговых центров, в т.ч. РЭНД (RAND Corporation), свидетельствовало о желании Вашингтона сотрудничать с ООН при сохранении особого внимания к Ближнему Востоку.

При Б. Обаме значение должности постпреда возросло: он вновь стал подчиняться непосредственно президенту США, а не госсекретарю, как это было при Буше-мл. [4, р. 7]. При 44-м президенте США этот пост занимали: Сьюзен Райс (январь 2009 – июнь 2013 г.), Розмари Ди Карло (временный, июнь – август 2013 г.) и Саманта Пауэр (август 2013 – январь 2017 г.). Райс, профессиональный дипломат и советник Б. Обамы по внешней политике в ходе его предвыборной кампании, в 1997–2001 гг. помощник госсекретаря по вопросам Африки; в 2011 г. была наиболее жёстким критиком М. Каддафи в СБ ООН. С. Пауэр, журналистка, правозащитница и дипломат, работала в команде Б. Обамы в его бытность сенатором; по сообщениям СМИ, обе они сыграли клю-

²⁶ Kinzer S. Our Man in Honduras // The New York Review of Books. 20.09.2001. URL: <http://www.nybooks.com/articles/2001/09/20/our-man-in-honduras/> (дата обращения 28.01.2019).

чевую роль в попытках убедить Обаму прибегнуть к военному вмешательству в Ливию²⁷.

С приходом в Белый дом Д. Трампа постпредом США при ООН была назначена Никки Хейли (январь 2017 г. – декабрь 2018 г.), в 2011–2017 гг. губернатор штата Южная Каролина. В октябре 2018 г. Трамп и Хейли объявили о её решении покинуть этот пост, что стало неожиданностью для её коллег по СБ ООН²⁸. С января 2019 г. обязанности постпреда исполняет карьерный дипломат Джонатан Коэн.

Пост постоянного представителя Великобритании при ООН обычно занимают профессиональные дипломаты. При Э. Блэре – сэр Джереми Гринсток (1998 – июль 2003 г.), ранее работавший в посольствах Великобритании в Дубае, Вашингтоне, Париже, а перед назначением на должность постпреда – политическим директором Форин офис; сэр Эмир Джонс Пэрри (2003–2007 гг.), работавший в Канаде и ЕЭС, до назначения постпредом при ООН занимал в Форин офис должности директора по сотрудничеству с ЕС, потом политического директора.

С приходом на Даунинг-стрит, 10 Г. Брауна Великобританию в ООН стал представлять сэр Джон Соэрс (август 2007 – ноябрь 2009 г.). Он начал свою карьеру в Йемене и Сирии по линии МИ-6, затем работал в Форин офис на европейском направлении, а также в ЮАР и в Вашингтоне. В 1999–2001 гг. был советником Э. Блэра по иностранным делам; в 2001–2003 гг. посол в Египте; в качестве специального представителя в Багдаде участвовал в создании Временной администрации сил коалиции в Ираке. Перед назначением в ООН работал генеральным директором Форин офис по политическим вопросам (2003–2007 гг.). Соэрс сменил сэр Марк Лайал Грант (2009–2015 гг.), сохранивший свой пост при Д. Кэмероне. Он работал в ЮАР и Пакистане; возглавлял департамент, отвечающий за отношения с ЕС; перед назначением постпредом при ООН был генеральным директором Форин офис по политическим вопросам.

Т. Мэй назначила главой британского постпредства дипломата Мэтью Райкрофта (2015–2017 гг.). Ранее он занимался в Форин офис балканским направлением, участвовал в переговорах в Дейтоне; работал в посольстве Великобритании в США; в 2002 г. был назначен личным секретарём Э. Блэра по внешней политике. Именно он был автором секретной записки 23 июля 2002 г. (Downing Street memo, опубликована в Таймс в 2005 г.), в которой утверждалось, что Дж. Буш собирался сместить С. Хусейна военным путём и не желал действовать через ООН. Записка предназначалась британскому послу в США Д. Мэннингу. Таким образом, при Т. Мэй должность досталась дипломату, занимавшемуся важными для внешней политики Великобритании направлениями.

²⁷ Cooper H., Lee Myers S. Obama Takes Hard Line With Libya After Shift by Clinton // The New York Times. 18.03.2011. URL: <http://www.nytimes.com/2011/03/19/world/africa/19policy.html?pagewanted=all> (дата обращения 28.01.2019).

²⁸ Borger J. Nikki Haley resigns as US ambassador to UN, shocking fellow diplomats // The Guardian. 10.10.2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/oct/09/nikki-haley-resigns-quits-trump-un-ambassador-latest-news> (дата обращения 28.01.2019).

Итак, в период президентства Дж. Буша-мл. постпреды часто менялись; с утверждением новой кандидатуры были длительные задержки, когда обязанности главы американской дипмиссии исполняли дипломаты, не утверждённые Конгрессом. В британской политике в отношении ООН прослеживается больше преемственности. В рассматриваемый период дипломатическую миссию Великобритании в Нью-Йорке возглавляли карьерные дипломаты с опытом работы на Ближнем Востоке, в ЕС и США. Балканское направление, сфера интересов Великобритании в Европе, также фигурирует в биографиях двух дипломатов, Соэrsa и Райкрофта, причём они оба занимали ответственные должности при Э. Блэре.

Отношения британских и американских постпредов при ООН дают примеры как сотрудничества, так и конкуренции. Это подтверждает свидетельство Дж. Гринстока, который писал, что англо-американское сотрудничество носит взаимовыгодный характер, притом с американской стороны скептицизм по отношению к Великобритании преобладает над сентиментальностью, отчего сам термин «особые отношения» в британском МИДе используется разве что в кавычках [13, р. 99]. Напомним, что этот дипломат представлял Великобританию в ООН в преддверии иракского кризиса, когда США готовили вторжение в Ирак, а Блэр пытался убедить Буша заручиться поддержкой Совета Безопасности ООН для проведения военной операции.

В интервью 2004 г. Гринсток сдержанно рассказывал о своём взаимодействии в ООН с американцами и теплее отзывался о французах²⁹. По его словам, американцев «иногда» раздражало, если в личных беседах он выражал несогласие с ними. Тем не менее, он считал это необходимым, иначе «они перестают вас ценить»³⁰. Соотношение сил в СБ ООН Гринсток описывал следующим образом: когда британцы и французы действовали вместе, обычно они добивались поддержки большинства в СБ, даже если американцы не поддерживали их инициативы, особенно по Африке. Если же французы и британцы расходились во мнениях, обычно и весь СБ был расколот, как получилось в ситуации с Ираком³¹. В переговорах по выработке резолюции 1441 по Ираку, которую Гринсток назвал «торжеством американской дипломатии», он не участвовал, поскольку они велись по телефону на уровне министров, а не постпредов, как это обычно бывает³². Гринсток упрекнул американцев, что за два года после терактов 11 сентября 2001 г. они растеряли поддержку стран третьего мира, потому что вместо того, чтобы заниматься развитием и защитой окружающей среды, взялись за Ирак. В своих мемуарах Гринсток не даёт характеристику Негропонте, с которым он сотрудничал по Ираку в ООН.

²⁹ Interview of Sir Jeremy Quentin Greenstock by Malcolm McBain, 22 June 2004 // The Churchill Archives Centre, British Diplomatic Oral History Programme (BDOHP). Cambridge. 2004. 55 p. Available at: <https://www.chu.cam.ac.uk/media/uploads/files/Greenstock.pdf> (дата обращения 28.01.2019).

³⁰ Op. cit. P. 43.

³¹ Op. cit. Pp. 43–44.

³² Op. cit. Pp. 46.

Дж. Гринсток отмечал, что британские дипломаты намного лучше американцев владеют «тактикой обращения с другими делегациями и формулирования проектов документов», поскольку обычно американские дипломаты действуют очень прямолинейно; именно этим Великобритания полезна США в ООН, особенно в Совете Безопасности. В свою очередь, британцы получают возможность действовать там, где без США они бы не смогли оказаться (и ЕС бы им вряд ли помог)³³. Сам Гринсток не уточнял, что имелось в виду, однако можно предположить, что речь идёт о политике США на Ближнем Востоке и обмене разведывательными данными.

В своих мемуарах Джон Болтон, развеивая миф об «особых отношениях», не скрывал неприязненного отношения к британцам, признавая, впрочем, что по важным для себя вопросам США тесно сотрудничают с Великобританией и Францией в СБ. От своего американского коллеги британский постпред Э. Джонс Пэрри получил весьма нелестную характеристику. По воспоминаниям Болтона, первым признаком того, что отношения не сложатся, стала позиция Пэрри по Итоговому документу, который готовила команда Жана Пинга (дипломат из Габона, избранный председателем 59-й Генеральной Ассамблеи ООН). Болтон, прибыв в ООН, выступил за прямые многосторонние переговоры между правительствами и предложил пересмотреть не только процесс написания, но и содержание документа [5, р. 201]. По инициативе Болтона работа над документом стала вестись в восьми рабочих группах, после чего до американского постпреда дошли слухи, что Джонс Пэрри утверждал, будто Болтон получал инструкции от Д. Рамсфельда и Р. Чейни, а не от госсекретаря Кондолизы Райс, а также сетовал на отсутствие сотрудничества американцев с ЕС. Эти обвинения американский постпред назвал ложными [5, р. 208]. В представлении Болтона, Джонс Пэрри из числа британцев, которые считают свою страну Афинами, поучающими неотёсанных римлян (американцев), и не без сарказма отмечал, что дал, наконец, Афинам «отдохнуть» [5, р. 211].

Напомним, что Болтон активно продвигал реформу ООН, а Великобритания не поддержала его инициативу по установлению потолка расходов организации, чтобы вынудить ГА согласиться на предложения США. Неудивительно, что Болтон негативно отозвался о роли Джонса Пэрри в переговорах по ограничению бюджета ООН между ЕС и Группой 77 [5, р. 231]. Столь же, по мнению Болтона, неконструктивную позицию Пэрри занял и когда американцы лоббировали избрание Гватемалы в СБ ООН. Британский постпред «почти ничего не сделал» для «обработки» своих бывших колоний, в отличие от своих канадского и французского коллег [5, р. 269].

Недовольство американского постпреда вызвала также беседа министра иностранных дел Великобритании Маргарет Беккет и Джонса Пэрри с канди-

³³ Global Security: UK-US Relations. Sixth Report of Session 2009 – 10. HC 114 // House of Commons Foreign Affairs Committee. 2010. 152 p. Ev. 36. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200910/cmselect/cmfa/114/114.pdf> (дата обращения 28.01.2019).

датом на пост генсека Пан Ги Мун, в ходе которой британцы предприняли попытку добиться для Великобритании должности заместителя Генерального секретаря по политическим вопросам (ориентировочно сентябрь 2006 г.). По мнению Болтона, Джонс Пэрри присмотрел эту должность лично для себя. Болтон настаивал, чтобы пост заместителя Генерального секретаря по вопросам миротворчества либо политическим вопросам достался именно американцам; он был уверен, что Пан Ги Мун внимательно отнёсся к его пожеланиям [5, р. 286–288]. Напомним, что до 2005 г. этот пост занимали британцы, а с 2007 по н.в. – американцы.

Единственным положительным примером сотрудничества с Великобританией Болтон в своих мемуарах назвал работу над резолюцией по Дарфуру – региону, где интересы США и Великобритании совпадали [5, р. 354].

У Болтона не сложились отношения с ещё одним высокопоставленным британским чиновником в ООН – Марком Мэллоком Брауном, руководителем аппарата Генерального секретаря, впоследствии назначенным на пост первого заместителя ГС. Самым ярким эпизодом противостояния американца и британца стала критика Брауном «мегафонной дипломатии» Буша и Блэра, пытавшихся склонить правительство Судана к принятию миротворческой миссии ООН³⁴. Болтон настоял на извинениях, и был удивлён, что Джонс Пэрри не спешил «вступить» за Блэра, возможно, из солидарности со своим коллегой Брауном [5, р. 358–359].

Как следует из мемуаров, наиболее успешным было сотрудничество Болтона с японским постпредом Кензо Осимой; американский дипломат был сторонником включения Японии в СБ ООН на правах постоянного члена, считая её ассоциацию с другими странами G4 контрпродуктивной.

Косвенным подтверждением того, что отношения Болтона с Джонсом Пэрри складывались непросто, служит комментарий британца о сменившем Болтона З. Халилзаде. В интервью британский дипломат отметил, что назначение последнего было встречено положительно: «... его [Халилзада – А.М.] приверженность принципам ООН очевидна, равно как и его стремление работать во имя американских интересов, но в сотрудничестве с естественными союзниками США»³⁵.

Между тем в оценке взаимоотношений США и Великобритании в Организации Залмай Халилзад был солидарен с Болтоном. Халилзад считал пребывание Великобритании и Франции в числе пятёрки постоянных членов СБ ООН анахронизмом, потому что с течением времени эти страны взяли на себя роль представителей европейских интересов и посредников между США, Россией и Китаем. Он писал, что британцы любят подчёркивать наличие «особых» англо-американских отношений: иногда их тон казался ему покровительственным,

³⁴ UN 'must drop' Darfur peace force // The BBC News. 29.09.2006. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/5390974.stm> (дата обращения 28.01.2019).

³⁵ Ap Dafydd I. UN diplomat 'offended' by diaries // The BBC News. 14.07.2007. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/wales/6897899.stm (дата обращения 28.01.2019).

«словно британцы были головой... а мы, янки, мускулами, действовавшими под управлением Лондона» [18, р. 288]. При этом он считал, что британцы далеко не всегда были откровенными.

Таким образом, на основании высказываний в прессе и мемуаров дипломатов можно сделать вывод, что ООН остаётся площадкой для сотрудничества между США и Великобританией. Однако склонность американцев видеть в ООН лишь один из инструментов продвижения своей политики (Болтон, Халилзад) периодически приводят к разногласиям со странами Евросоюза (включая Великобританию), которые склонны на уровне институтов проводить политику «дружественного сдерживания» (термин Ал.А. Громыко [1, с. 466]). США и ЕС имеют общие цели, но расходятся в методах их достижения. В рассматриваемый период Вашингтон стал активнее продвигать свою повестку дня с позиций военной и экономической мощи, в т.ч. в ООН, в то время как Лондон и Брюссель отдавали приоритет переговорам и поиску компромиссов. Личностный фактор имел значение, особенно когда США доверили представлять свои интересы достаточно одиозному политику – Болтону.

Примеры взаимодействия между США и Великобританией в рамках ООН

Наиболее ярко «особые отношения» США и Великобритании проявились в ходе иракского кризиса 2002–2003 гг. Попытки заручиться резолюцией, предусматривавшей применение силы против Багдада в случае несоблюдения им резолюций Совета Безопасности, провалились, и США решили действовать без санкции СБ ООН, причём Великобритания одной из первых вошла в «коалицию согласных». После завершения военной операции союзники вернулись к сотрудничеству с ООН, в значительной степени по инициативе Великобритании. 8 мая 2003 г. постоянные представители Дж. Негропonte и Дж. Гринсток от имени США, Великобритании и партнёров по коалиции направили Генеральному секретарю К. Аннани письмо, информировав о создании Коалиционной временной администрации (главное место в ней заняли союзники), изъявили готовность сотрудничать с ООН, которой в их планах отводилась важная роль по оказанию гуманитарной помощи, и обратились с просьбой назначить специального координатора от ООН³⁶. Усилиями США и Великобритании 22 мая 2003 г. СБ ООН принял резолюцию № 1483, в которой признавалась легитимность Коалиционной временной администрации, снимались ограничения на торговлю с Ираком за исключением продажи оружия и материалов военного назначения³⁷.

³⁶ Letter dated 8 May 2003 from the Permanent Representatives of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America to the United Nations addressed to the President of the Security Council 8 May 2003 S/2003/538 // United Nations Documents. URL: <http://undocs.org/en/S/2003/538> (дата обращения 28.01.2019).

³⁷ Resolution 1483 // The UN. URL: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1483\(2003\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1483(2003)) (дата обращения 28.01.2019); Security Council Lifts Sanctions on Iraq, Approves UN Role, Calls for Appointment of Secretary-General's Special Representative SC/7765 // The UN. 22.05.2003. URL: <https://www.un.org/press/en/2003/sc7765.doc.htm> (дата обращения 28.01.2019).

В июне 2004 г. США и Великобритания выступили соавторами резолюции Совета Безопасности ООН № 1546 о передаче иракского суверенитета временному правительству, согласно которой ключевая роль в процессе перехода Ирака к демократии отводилась ООН.

Накануне вторжения в Ирак США и Великобритания использовали в СБ ООН и другие средства помимо дипломатии: Агентство национальной безопасности США обратилось к Центру правительственной связи Великобритании с просьбой помочь в прослушивании шести непостоянных членов Совета Безопасности ООН (Анголы, Камеруна, Чили, Болгарии, Гвинеи и Пакистана). Голоса этих стран были необходимы для получения второй резолюции, санкционирующей военное вторжение в Ирак. Просьба датировалась 21 января 2003 г.; сведения о ней разгласила переводчица Центра правительственной связи Кэтрин Ган в надежде привлечь внимание к действиям США, и тем самым повлиять на ситуацию [26, p. 132]³⁸.

Избирательность сотрудничества США и Великобритании с ООН проявилась также в ситуации вокруг Косово. После несанкционированной СБ ООН военной операции НАТО в Югославии с 1999 г. автономный край находился под управлением миссии ООН по делам временной администрации и сил НАТО в Косово. В феврале 2006 г. в Вене под эгидой ООН начались переговоры о будущем статусе Косово, в самом начале которых Джон Соэрс, на тот момент политический директор Форин офис, и Фрэнк Уизнер, специальный представитель госсекретаря США, фактически поставили Сербию перед фактом, что она потеряет Косово³⁹. С 2007 г. администрация Дж. Буша-мл. стала публично поддерживать независимость Косово [19, p. 2]. В марте 2007 г. М. Ахтисаари, специальный посланник Генерального секретаря в Косово, выдвинул план обретения Косово «контролируемой независимости», т.е. отделения от Сербии. В мае–июле 2007 г. США и Великобритания, а также другие страны ЕС пытались согласовать с Россией проект резолюции о статусе края, однако после пяти неудачных попыток были вынуждены отозвать его [19, p. 17–18]. США, Великобритания и большинство стран ЕС поддерживали создание независимого государства, в отличие от России и Сербии, настаивавших на сохранении статуса автономного края. 19 декабря 2007 г. в СБ ООН за закрытыми дверями прошли дебаты о будущем Косово, показавшие, что дискуссия зашла в тупик. После этого США и ЕС решили действовать в обход СБ. 17 февраля 2008 г. край Косово провозгласил независимость; на следующий день она была признана США, Великобританией, Францией, Германией, Турцией, Албанией, Афганистаном и рядом других государств.

Примером «конкурентного сотрудничества» США и Великобритании стало взаимодействие по продвигавшейся администрацией Дж. Буша-мл. рефор-

³⁸ Gun K. Take it from a whistleblower: Chilcot's jigsaw puzzle is missing a few pieces // The Guardian. 08.07.2016. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jul/08/chilcot-iraq-war-gchq-inquiry> (дата обращения 28.01.2019).

³⁹ Traynor I. Serbia threatens to resist Kosovo independence plan // The Guardian. 20.02.2006. URL: <https://www.theguardian.com/world/2006/feb/20/balkans> (дата обращения 28.01.2019).

ме ООН. Подготовка к реформированию была начата Генеральным секретарём К. Аннаном в 2003 г., соглашение о проведении реформы было достигнуто на Всемирном саммите ООН в 2005 г. Официально США высказали удовлетворение Итоговым документом Всемирного саммита 2005 г. в части положений о реформе ООН, создания Совета по правам человека (СПЧ) и Комиссии ООН по миростроительству, а также осуждения терроризма и предложений в области развития⁴⁰. Положительную оценку Итоговому документу дала и Великобритания, обозначив в качестве приоритетов содействие развитию и борьбу с изменением климата; осуждение терроризма; включение в документ понятия «ответственность по защите»; создание Комиссии ООН по миростроительству и СПЧ; урегулирование гуманитарных кризисов; одобрение проходившей реформы секретариата ООН. Правда, британцы сочли недостаточно чёткими формулировки по терроризму и не добились конкретики по нераспространению и разоружению⁴¹.

Американский постпред Дж. Болтон, прибывший в ООН в разгар подготовки документа, остался крайне недоволен тем, что его написанием занимался Ж. Пинг и его помощники, а не представители стран. С точки зрения Болтона, такое положение дел устраивало представителей ЕС, но вызывало неприятие других стран. В итоге Болтон добился того, что Пинг созвал «центральную группу» из 30 стран для обсуждения семи самых противоречивых вопросов. Затем эта группа разделилась на восемь рабочих групп [5, p. 207–208]. Болтон настоял на том, чтобы из текста документа исчезло упоминание Международного уголовного суда (МУС), а в разделе, посвящённом терроризму, – о национально-освободительных движениях [5, p. 214]. Была убрана глава о нераспространении, контроле над вооружениями и стрелковом оружии. В окончательном варианте были приняты все поправки, внесённые США. Несмотря на разногласия с британцами и французами, именно к ним Болтон обратился после принятия Итогового документа с призывом содействовать продвижению реформы ООН [5, p. 223].

Когда же стало очевидно, что многие реформы, особенно пересмотр мандатов, не могут быть проведены к началу 2006 г., Дж. Болтон предложил не принимать бюджет ООН на 2006–2007 гг., а ограничиться принятием временного бюджета. Эта идея встретила сопротивление Группы 77. Против предложения Болтона выступила и Великобритания, хотя, как и другие страны ЕС, в целом поддержала пакет реформ⁴². В 2006 г. развитые страны, возглавляемые США и Японией, добились установления предела расходов в размере 950 млн долл. на двухгодичный бюджет (3,6 млрд долл.) в расчёте, что Генеральная Ассамблея примет пакет реформ управления и бюджета. Однако Пятый комитет проголо-

⁴⁰ United States Participation in the United Nations. Report by the President to the Congress for the Year 2005 // The U.S. Department of State. 2006. 223 p. P. 3.

⁴¹ The United Kingdom in the United Nations. 2006. Cm 6892. 98 p. P. 12.

⁴² Sherwell P. Britain opposes Bolton tactic on UN reform // The Telegraph. 27.11.2005. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/northamerica/usa/1504155/Britain-opposes-Bolton-tactic-on-UN-reform.html> (дата обращения 28.01.2019).

совал за проект резолюции, предложенный Группой 77, поддержав лишь часть реформ⁴³. В этом противостоянии на стороне США выступили Япония, а также Австралия, Канада и Новая Зеландия – но не их бывшая метрополия, едко отметил Болтон [5, р. 228]. В итоге в июне 2006 г. ограничение финансирования, которое могло привести к прекращению деятельности ООН, было снято; однако прогресса по приоритетным для США реформам, в т.ч. пересмотру мандатов, не последовало⁴⁴.

Итак, по вопросу реформы ООН Болтон опирался на коалицию JUSKCANZ (Япония, США, Южная Корея, Канада, Австралия и Новая Зеландия). В целом его стратегия в Организации состояла в том, чтобы избавиться от посредничества ЕС и напрямую вести переговоры со странами Группы 77. В своих мемуарах он изобразил Великобританию как одного из проводников политики ЕС, состоявшей в поисках консенсуса и бесконечных переговорах, а также из попыток переделать ООН по собственному образцу. Сторонников такой политики он пренебрежительно назвал «есоидами».

Принятие резолюций по палестино-израильскому конфликту Советом Безопасности, Генеральной Ассамблеей или Советом по правам человека ООН – весьма чувствительная для США тема в ООН. Вашингтон последовательно защищает интересы Израиля и противодействует любым инициативам, носящим, с точки зрения американцев, антиизраильский характер. Признавая незаконность израильских поселений на оккупированных территориях, США традиционно налагают вето на проекты резолюций СБ, осуждающие их строительство. Исключением стала резолюция СБ ООН 2334, принятая 23 декабря 2016 г., в которой содержалось требование к Израилю прекратить строительство поселений на оккупированных территориях. В отличие от аналогичной ситуации 2011 г., США не использовали своё право вето, а воздержались при голосовании. Великобритания поддержала резолюцию. Позже стало известно, что британские дипломаты помогали египетским в составлении текста резолюции с учётом позиции Б. Обамы. США не участвовали в подготовке текста, а итоговый вариант представила Новая Зеландия⁴⁵. Представитель Белого дома объяснил это решение «отсутствием реального мирного процесса»⁴⁶. Реакция Израиля на принятие резолюции была крайне негативной. При Обаме отношения США с этой страной

⁴³ United States Participation in the United Nations. Report by the President to the Congress for the Year 2006. 2008. 209 p. Pp. 139–140.

⁴⁴ Budget Committee Recommends Lifting of Spending Cap for 2006–2007 Biennium; Also Considers Procurement Reform, Geneva Office Requirements GA/AB/3748 // The UN. 28.06.2006. URL: <https://www.un.org/press/en/2006/gaab3748.doc.htm> (дата обращения 28.01.2019); United States Participation in the United Nations. Report by the President to the Congress for the Year 2006. P. 3.

⁴⁵ Wintour P. UK's key role in brokering UN resolution on Israeli settlements confirmed // The Guardian. 28.12.2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/dec/28/uks-key-role-in-brokering-un-resolution-on-israeli-settlements-confirmed> (дата обращения 28.01.2019).

⁴⁶ Beaumont P. US abstention allows UN to demand end to Israeli settlements // The Guardian. 23.12.2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/dec/23/us-abstention-allows-un-to-demand-end-to-israeli-settlements> (дата обращения 28.01.2019).

носили не столь ровный характер, как при его предшественнике, и действия администрации Б. Обамы можно расценивать как попытку «насолить» избранному президенту Д. Трампу.

Фактор «особых отношений» сыграл противоречивую роль в позиции Великобритании по вышеупомянутой резолюции. Так, 30 декабря 2016 г. премьер-министр Великобритании Т. Мэй неожиданно осудила речь госсекретаря США Дж. Керри, в которой тот пояснил решение США воздержаться от голосования и прокомментировал ситуацию вокруг палестино-израильского конфликта. Керри критиковал правительство Б. Нетаньяху и осудил израильскую экспансию на Западном берегу р. Иордан⁴⁷. Этот шаг Т. Мэй был направлен на установление хороших отношений с Д. Трампом; британский премьер-министр использовала примирительную риторику в адрес Израиля, которому новый американский президент, в отличие от Б. Обамы, обещал поддержку. В Госдепартаменте США британская реакция вызвала недоумение, поскольку в других европейских странах, в их числе Франция и Германия, речь госсекретаря была встречена с одобрением⁴⁸.

Когда экономические и политические интересы США и Великобритании не совпадают, «особые отношения» не помогают скрыть эти противоречия в ООН. Курьёзным случаем можно считать голосование по предложенному США проекту резолюции Совета Безопасности ООН № 2333 о продлении мандата Миссии ООН в Либерии (декабрь 2016 г.). Великобритания вместе с Россией и Францией воздержалась. Это был первый после Суэцкого кризиса прецедент, когда Великобритания воздержалась при голосовании по американскому проекту резолюции. Для США было важно, чтобы миссия оставалась в Либерии до выборов, в то время как воздержавшиеся страны считали, что для миростроительства не нужны вооружённые миротворцы⁴⁹. Представитель Великобритании заявил, что проект резолюции способствует поддержанию «культуры зависимости», а на экстраординарный случай (например, на время выборов) достаточно сил быстрого реагирования, развёрнутых в Кот-д'Ивуаре⁵⁰.

У США и у Великобритании давние связи с Либерией. В годы холодной войны она имела для Вашингтона стратегическое значение, в 1990-е гг. интерес к ней снизился, при Дж. Буше-мл. США вновь обратили на неё внимание; именно по американской инициативе в 2003 г. СБ ООН принял проект резолюции № 1509 о

⁴⁷ Birnbaum M. British leader Theresa May breaks with John Kerry's condemnation of Israel // The Washington Post. 30.12.2016. URL: https://www.washingtonpost.com/world/britains-leaderbreaks-with-kerrys-condemnation-of-israel/2016/12/30/33371564-ce97-11e6-a87f-b917067331bb_story.html?utm_term=.5367803728ef (дата обращения 28.01.2019).

⁴⁸ Birnbaum M. British leader Theresa May breaks with John Kerry's condemnation of Israel.

⁴⁹ Liberia Briefing and Consultations // What's in Blue. 26.06.2017. URL: <http://www.whatsinblue.org/2017/06/liberia-briefing-and-consultations-2.php> (дата обращения 28.01.2019).

⁵⁰ Security Council Extends Mandate of United Nations Mission in Liberia, Adopting Resolution 2333 (2016) by 12 Votes in Favour, 3 Abstentions SC/12654 // The UN. 23.12.2016. URL: <https://www.un.org/press/en/2016/sc12654.doc.htm> (дата обращения 28.01.2019).

развёртывании миротворческой миссии в Либерии⁵¹. В последнее время усилился интерес Соединённого Королевства к этой стране: после продолжительного перерыва в феврале 2017 г. её посетил министр иностранных дел Великобритании Борис Джонсон.

Взаимодействие США и Великобритании на Генеральной Ассамблее иногда становится примером конкурентного сотрудничества, поскольку необязательный характер резолюций ГА даёт Лондону больше свободы в выражении своего мнения. В 2006 г. Дж. Дункан, посол Великобритании по вопросам многостороннего контроля над вооружениями и разоружению и постоянный представитель Великобритании на Конференции по разоружению (2006–2011 гг.), внёс на голосование ГА ООН проект резолюции «На пути к договору о торговле оружием: установление общих международных стандартов в отношении импорта, экспорта и передачи обычных вооружений» (A/Res/61/89). США были единственной страной, проголосовавшей против резолюции, при 153 «за» и 24 воздержавшихся. США объяснили своё решение тем, что предлагаемый договор не достигнет цели, поскольку не все ключевые страны-поставщики оружия согласятся его подписать⁵².

С приходом в Белый дом Б. Обамы американская позиция по Договору о торговле оружием (ДТО) переменялась: США решили поддержать переговоры⁵³. В 2009 г. Великобритания выступила одним из соавторов резолюции ГА, целью которой было подготовить почву для созыва конференции для заключения договора в 2012 г. (151 «за», 1 «против» (Зимбабве), 20 воздержались)⁵⁴. В 2012 г. Великобритания продолжила активные действия по продвижению договора в рамках ООН, заручившись поддержкой США, выступивших в роли соавтора резолюции. Договор о торговле оружием был принят Генеральной Ассамблеей 2 апреля 2013 г. (154 «за», 3 «против» (Иран, КНДР, Сирия), 23 воздержавшихся, в т.ч. Индия, Катар, Китай, Куба, Россия, Саудовская Аравия)⁵⁵. Обе страны поддерживали резолюцию, приветствующую заключение договора, который был открыт для подписания в Нью-Йорке 3 июня 2013 г.

⁵¹ До этого резолюция СБ ООН № 1497 санкционировала отправку многосторонних сил в Либерию. Двенадцать членов СБ ООН проголосовали за; Франция, Германия и Мексика воздержались, поскольку были против включения параграфа, освобождавшего миротворцев от преследования в МУС, если их страны не подписали Римский статут. США отправили в Либерию тактическую группу из 2000 морпехов. Также в страну была направлена разведывательная группа из 12 человек (США, Великобритания, Нигерия, Гана), чтобы подготовить условия для прибытия миротворцев. См. U.N. votes to send peacekeepers to Liberia // CNN. 02.08.2003. URL: <http://edition.cnn.com/2003/WORLD/africa/08/01/un.liberia/index.html> (дата обращения 28.01.2019).

⁵² Voting Practices in the United Nations, 2006 // The U.S. Department of State. 2007. 310 p. P. 138.

⁵³ Mohammed A. U.S. reverses stance on treaty to regulate arms trade // Reuters. 15.10.2009. URL: <https://www.reuters.com/article/us-arms-usa-treaty/u-s-reverses-stance-on-treaty-to-regulate-arms-trade-idustre59e0q920091015> (дата обращения 28.01.2019).

⁵⁴ On Recommendation of First Committee, General Assembly Adopts 54 Texts, Sets Aside Four Weeks in 2012 to Hammer Out Legally Binding Arms Trade Treaty GA/10898 // The UN. 02.12.2009. URL: <http://www.un.org/press/en/2009/ga10898.doc.htm> (дата обращения 28.01.2019).

⁵⁵ Overwhelming Majority of States in General Assembly Say 'Yes' to Arms Trade Treaty to Stave off Irresponsible Transfers that Perpetuate Conflict, Human Suffering GA/11354 // The UN. 02.04.2013. URL: <http://www.un.org/press/en/2013/ga11354.doc.htm> (дата обращения 28.01.2019).

Договор вступил в силу 24 декабря 2014 г. США подписали его в сентябре 2013 г, но не ратифицировали. Великобритания подписала договор 3 июня 2013 г. и ратифицировала его⁵⁶. Россия не подписала ДТО. Договор критикуют за то, что он может стать оружием в геополитической борьбе и борьбе за рынки сбыта. Среди слабых мест ДТО – размытая формулировка ст. 6 п. 3, согласно которой государство не должно производить передачу обычных вооружений, если «обладает знанием», что это оружие будет использоваться для совершения геноцида, преступлений против человечности, прямых атак на гражданские объекты и проч. Также в ДТО отсутствует формулировка, запрещающая поставлять оружие негосударственным неуполномоченным акторам⁵⁷. В 2016 г. Великобритания была признана одним из ключевых нарушителей договора в связи с продолжением поставок оружия Саудовской Аравии, проводящей военную кампанию на территории Йемена по подавлению восстания шиитов, в результате которой гибнет мирное население⁵⁸.

Утверждение, будто Великобритания (вместе с Францией) порой «прячется» за американским вето в СБ ООН, а порой связана позицией США, России и Китая, не лишено оснований [15, р. 404], но и не совсем точно отражает ситуацию. Великобритания в последний раз воспользовалась своим правом вето при голосовании по проекту резолюции по ситуации в Панаме в 1989 г.⁵⁹. В 2001–2017 гг. США использовали право вето 12 раз, в основном по резолюциям по Ближнему Востоку. По восьми из заблокированных США проектов резолюций Великобритания воздержалась (Ближний Восток, включая осуждение военных действий Израиля в 2006 г.). В четырёх случаях проголосовала за: 30 июня 2002 г. проект резолюции по ситуации в Боснии и Герцеговине (Великобритания один из соавторов), США наложили вето из-за опасений по поводу возможного преследования американских миротворцев в МУС; 20 декабря 2003 г. проект резолюции по ситуации на Ближнем Востоке в связи с убийством сотрудников ООН израильской армией и преднамеренным разрушением израильскими оккупационными силами склада Мировой продовольственной программы ООН; 18 февраля 2011 г. проект резолюции с требованием прекратить незаконное строительство израильских поселений на оккупированных территориях; 19 декабря 2017 г. проект резолюции, призывающей отменить решение Д. Трампа о признании Иерусали-

⁵⁶ Chapter XXVI. Disarmament. 8. Arms Trade Treaty, New York, 2 April 2013 STATUS AS AT : 14-11-2017 07:33:08 EDT // United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVI-8&chapter=26&clang=_en (дата обращения 28.01.2019).

⁵⁷ См. подробную критику ДТО: Денисенцев С. Ошейник из оружейного экспорта // Военно-промышленный курьер. 30.04.2013. URL: <https://vpk-news.ru/articles/15738> (дата обращения 28.01.2019).

⁵⁸ UK government in 'denial and disarray' over treaty it helped create to regulate the arms trade // Oxfam. 23.08.2016. URL: https://oxfamapps.org/media/press_release/2016-08-uk-government-in-denial-and-disarray-over-treaty-it-helped-create-to-regulate-the-arms-trade/ (дата обращения 28.01.2019); Graham-Harrison E. UK in denial over Saudi arms sales being used in Yemen, claims Oxfam // The Guardian. 23.08.2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/aug/23/uk-in-denial-over-saudi-arms-sales-being-used-in-yemen-claims-oxfam> (дата обращения 28.01.2019).

⁵⁹ Security Council - Veto List (in reverse chronological order). Prepared and maintained by the Dag Hammarskjöld Library. Data from 1946-2004 were taken from the official list of vetoes contained in document A/58/47, Annex III // The UN. URL: http://www.un.org/depts/dhl/resguide/scact_veto_table_en.htm (дата обращения 28.01.2019).

ма столицей Израиля. Великобритания предпочла голосовать, ориентируясь на своих партнёров по ЕС, что свидетельствует о различиях в подходах к урегулированию международных проблем, но не о непримиримых противоречиях.

Существует определённая разница в подходах каждой из стран к сотрудничеству с ООН: будучи союзниками и постоянными членами СБ ООН, страны находятся в разных «весовых категориях».

США всё более склонны видеть в ООН лишь один из инструментов для реализации своей глобальной внешней политики. Дж. Буш-мл. предпочитал использовать ООН *ad hoc*; биографии назначенных им постпредов и сам факт снижения значимости этой должности свидетельствовали о скептическом отношении администрации этого президента к Организации. Учитывая просчёты своего предшественника, Б. Обама ставил задачу укрепить американское лидерство, в том числе и в рамках Организации, и преодолеть «изоляцию» США на ГА ООН. Администрация Д. Трампа, несмотря на жёсткую риторику, не отказалась от сотрудничества с ООН.

Для Великобритании место постоянного члена в СБ ООН – вопрос не только престижа, но и возможности действовать на глобальном уровне. Однако для реализации этих амбиций королевство должно сотрудничать как с США, так и с ЕС. Подтверждением этого служит назначение на должность постпреда при ООН дипломатов, имеющих опыт работы в США и ЕС, а также на ближневосточном и балканском направлениях.

Великобритания – не единственная страна, с которой у США «особые отношения»; помимо англоязычных Канады, Австралии и Новой Зеландии, в этот список можно включить Израиль, Японию, Саудовскую Аравию. Но анализ деятельности США и Великобритании в СБ ООН подтверждает глобальный характер сотрудничества двух стран в рамках ООН. Наличие привилегированных союзнических отношений проявляется, когда речь идёт об интересах стран при возникновении региональных кризисов и их желании повлиять на баланс сил в регионе (Ближний Восток, Балканы). Обе страны видят в ООН инструмент придания своим действиям легитимности; тем не менее, они готовы действовать в обход организации, если наталкиваются на противодействие других держав в Совете Безопасности.

Ни британские, ни американские программные документы не упоминают ООН как важную площадку для реализации двусторонних отношений. Мы полагаем, что в этом нет необходимости. Во-первых, формальное и неформальное сотрудничество Великобритании с США в рамках Совета Безопасности и Секретариата ООН – результат положения обеих стран в этих структурах. Во-вторых, после вторжения в Ирак и не слишком удачных попыток по восстановлению страны, репутации Великобритании был нанесён урон. В-третьих, Великобритания вынуждена балансировать между ЕС и США, отстаивая свои интересы с

⁶⁰ The UK and the UN: Priorities for the new Secretary-General House of Lords. P. 44.

учётом необходимости координировать действия в рамках Общей внешней политики и политики безопасности ЕС (до выхода из ЕС)⁶⁰. Великобритания видела в странах ЕС единомышленников и опору своей политики в ООН, в то время как США уделяли много внимания работе с Японией, Австралией, Канадой и Новой Зеландией. Вместе с тем поиск решений многих острых вопросов современных международных отношений (Сирия, КНДР) требует от США взаимодействия с Россией и Китаем.

Таким образом, сотрудничество стран в ООН носит неоднозначный характер. Там, где интересы обеих стран совпадают, оно эффективно и может служить типичным примером тесных союзнических отношений. Там же, где наблюдается различие в подходах, каждая из сторон предпочитает ориентироваться на других партнёров.

Список литературы:

1. Великобритания. Эпоха реформ / под ред. Ал. Громыко. М.: Издательство «Весь мир». 2007. 536 с.
2. Головин А.В. Роль Совета Безопасности ООН на последнем этапе иракского кризиса (2003 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8: история. 2010. №1. Сс. 95–107.
3. Калинин А.А. Греческий вопрос в ООН в 1946 – 1947 гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2015. №5. Сс. 39–47.
4. Blanchfield L. United Nations Reform: Background and Issues for Congress // Congressional Research Service. 2015. 24 p.
5. Bolton J. Surrender Is Not an Option. Defending America at the United Nations and Abroad. Threshold Editions. 2008. 512 p.
6. Curran D. The UK and United Nations peace operations: Identifying a way forward. A report based on a UNA-UK/RUSI roundtable discussion on UK engagement in UN peace operations // UNA-UK. 2015. 18 p.
7. Curtis M. The Great Deception. Anglo-American Power and World Order. London: Pluto Press. 1998. 272 p.
8. Dunne M. The United States, the United Nations and Iraq: 'multilateralism of a kind' // International Affairs. 2003. No. 79:2. Pp. 257–277.
9. Finger S.M. What Does the United States Really Owe the United Nations? // American Foreign Policy Interests. 2001. No. 23. Pp. 31–33.
10. Finkelstein L.S. The Rule of Law, the United States and the United Nations: An Ambiguous Record // American Foreign Policy Interests. 2006. No. 28. Pp. 297–303.
11. Forman S. The United States and the United Nations: One Strand in a Multilateral Strategy // American Foreign Policy Interests 2006. No. 28. Pp. 329–332.
12. Glennon M.J. Why the Security Council Failed // Foreign Affairs May/June 2003. Pp. 16–35.
13. Greenstock J. Iraq: The Cost of War. Arrow Books. 2016. 480 p.
14. Groom A.J.R. The United States and the United Nations: Some Revolting European Thoughts // Journal of International Relations and Development. 2003. No. 6(2), Pp. 120–138.
15. Hill C. Powers of a kind: the anomalous position of France and the United Kingdom in world politics // International Affairs. 2016. 92:2. Pp. 393–414.
16. Hoveyda F. The United States and the United Nations: From Close Relationship to Estrangement // American Foreign Policy Interests 2006. No. 28. Pp. 333–336.
17. Johnson E. Keeping Cyprus off the Agenda: British and American Relations at the United Nations 1954–58 // Diplomacy&Statecraft. Vol.11 No.3. Nov. 2000. Pp. 227–255.
18. Khalilzad Z. The Envoy: From Kabul to the White House, My Journey Through a Turbulent World. St. Martin's Press. 2016. 336 p.
19. Kim J., Woehrel S. Kosovo and U.S. Policy: Background to Independence // Congressional Research Service. 2008. 31 p.
20. Mingst K. Troubled Waters: The United States–United Nations Relationship // International Peacekeeping. 2003. No.4. Pp. 82–93.
21. Morjé Howard L. Sources of Change in United States – United Nations Relations // Global

- Governance. 2010. No.16. Pp. 485–503.
22. Rivlin B. The UN Reform Conundrum. American Foreign Policy Interests. 2005. No. 27. Pp. 365–384.
 23. Samuylov S. The United Nations, the United States and the War on Terrorism // Russian Politics and Law. 2002. Vol. 40, no. 6, November – December. Pp. 28–46.
 24. Self R. British Foreign and Defence Policy since 1945: Challenges and Dilemmas in a Changing World. Palgrave Macmillan. 2010. 288 p.
 25. Sutterlin J.S. United Nations Relations with the United States: A Nettlesome Continuum Between Multifaceted Partners // American Foreign Policy Interests. 2007. No. 29. Pp. 257–265.
 26. Svendsen A.D.M. Intelligence Cooperation and the War on Terror. Anglo-American Security Relations after 9/11. Routledge. 2009. 272 p.

Об авторе:

Анастасия Октаевна Мамедова – преподаватель кафедры английского языка №1, факультет Международных отношений, МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.
E-mail: mamedova.a.o@my.mgimo.ru.

THE U.S. AND THE UK IN THE UNITED NATIONS: THE IMPACT OF THE SPECIAL RELATIONSHIP (2001 – 2017)

A.O. Mamedova
DOI 10.24833/2071-8160-2019-1-64-83-106

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: Currently U.S.-UK cooperation in the UN does not attract as much attention as it deserves. Despite a conspicuous disparity in the countries' military and economic might, they have maintained close ties for more than seventy years, which inevitably affects their position in the UN. The allies' role in the 2003 invasion of Iraq cast suspicion on their activities in the organization. In the early 21st century, the UN itself was faced with a number of challenges, such as terrorism and regional conflicts; U.S. frustration with its effectiveness led to some reform efforts.

Covering the years 2001 – 2017, the article consists of three parts. The first part focuses on quantitative and qualitative parameters determining the U.S.'s and the UK's roles in the UN and compares their approaches to it. The second part discusses the activity of American and British permanent representatives to the UN, based on their memoirs and interviews. The third part analyses some examples of cooperation and competition in the UN. The list of examples is illustrative rather than comprehensive given the existence of the special relationship.

The analysis of U.S.-UK cooperation in the UN reveals its ambiguous nature, but it does not serve to debunk the myth of the special relationship. The cooperation is largely pragmatic.

Key words: U.S., UK, UN, EU, special relationship, Iraq war, Kosovo, UN reform, Israeli-Palestinian conflict, Arms Trade Treaty.

References

1. Velikobritaniya. *Epokha reform* [Great Britain. The Epoch of Reforms] Ed. Al. Gromyko. Moscow. Ves' Mir Publ. 2007. 536 p. (In Russian)
2. Golovin A.V. Rol' Soveta bezopasnosti OON na poslednem etape irakskogo krizisa (2003 r.) [UNSC role at the final stage of the Iraq crisis (2003 r.)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 8: Istoriya – Moscow University Review. Series 8: History*. 2010, no 1, pp. 95 – 107. (In Russian)
3. Kalinin A.A. Grecheskiy vopros v OON v 1946 – 1947 [The Question of Greece in the U.N. 1946 – 1947] *Vestnik Vyatskogo Gosudarstvennogo Universiteta – Vyatka State University Review*. 2015, no 5, pp. 39 – 47. (In Russian)
4. Blanchfield L. *United Nations Reform: Background and Issues for Congress*. Congressional Research Service. 2015. 24 p.
5. Bolton J. *Surrender Is Not an Option. Defending America at the United Nations and Abroad*. Threshold Editions. 2008. 512 p.
6. Curran D. *The UK and United Nations peace operations: Identifying a way forward*. A report based on a UNA-UK/ RUSI roundtable discussion on UK engagement in UN peace operations. UNA-UK. 2015. 18 p.
7. Curtis M. *The Great Deception. Anglo-American Power and World Order*. London: Pluto Press. 1998. 272 p.
8. Dunne M. The United States, the United Nations and Iraq: 'multilateralism of a kind'. *International Affairs*. 2003, vol. 79, no. 2, pp. 257 – 277.
9. Finger S.M. What Does the United States Really Owe the United Nations? *American Foreign Policy Interests*. 2001, no. 23, pp. 31 – 33.
10. Finkelstein L.S. The Rule of Law, the United States and the United Nations: An Ambiguous Record. *American Foreign Policy Interests*. 2006, no. 28, pp. 297 – 303.
11. Forman S. The United States and the United Nations: One Strand in a Multilateral Strategy. *American Foreign Policy Interests*. 2006, no. 28, pp. 329 – 332.
12. Glennon M.J. Why the Security Council Failed. *Foreign Affairs*. May/June 2003, pp. 16 – 35.
13. Greenstock J. *Iraq: The Cost of War*. Arrow Books. 2016. 480 p.
14. Groom A.J.R. The United States and the United Nations: Some Revolting European Thoughts. *Journal of International Relations and Development*. 2003, no. 6(2), pp. 120 – 138.
15. Hill C. Powers of a kind: the anomalous position of France and the United Kingdom in world politics. *International Affairs*. 2016, vol. 92, no. 2, pp. 393 – 414.
16. Hoveyda F. The United States and the United Nations: From Close Relationship to Estrangement. *American Foreign Policy Interests*. 2006, no. 28, pp. 333 – 336.
17. Johnson E. Keeping Cyprus off the Agenda: British and American Relations at the United Nations 1954-58. *Diplomacy & Statecraft*. 2000, vol. 11, no. 3, pp. 227 – 255.
18. Khalilzad Z. *The Envoy: From Kabul to the White House, My Journey Through a Turbulent World*. St. Martin's Press. 2016. 336 p.
19. Kim J., Woehrel S. *Kosovo and U.S. Policy: Background to Independence*. Congressional Research Service. 2008. 31 p.
20. Mingst K. Troubled Waters: The United States-United Nations Relationship. *International Peacekeeping*. 2003, no. 4, pp. 82 – 93.
21. Morjé Howard L. Sources of Change in United States – United Nations Relations. *Global Governance*. 2010, no. 16, pp. 485 – 503.
22. Rivlin B. The UN Reform Conundrum. *American Foreign Policy Interests*. 2005, no. 27, pp. 365 – 384.
23. Samuylov S. The United Nations, the United States and the War on Terrorism. *Russian Politics and Law*. 2002, vol. 40, no. 6, pp. 28–46.
24. Self R. *British Foreign and Defence Policy since 1945: Challenges and Dilemmas in a Changing World*. Palgrave Macmillan. 2010. 288 p.
25. Sutterlin. J.S. United Nations Relations with the United States: A Nettlesome

Continuum Between Multifaceted Partners. *American Foreign Policy Interests*. 2007, no. 29, pp. 257 – 265.

26. Svendsen A.D.M. *Intelligence Cooperation*

and the War on Terror. Anglo-American Security Relations after 9/11. Routledge. 2009. 272 p.

About the author:

Anastasia O. Mamedova – Lecturer at English Language Department #1, School of International Relations, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia.
E-mail: mamedova.a.o@my.mgimo.ru.

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО МИРОТВОРЧЕСТВА ООН

С.А. Тишков, Д.К. Лабин

Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье приведены результаты комплексного исследования концептуальных основ и организационно-практических аспектов деятельности полицейского компонента ООН.

Отмечается, что в настоящее время полиция ООН принимает активное участие в операциях ООН в пользу мира, внося значительный вклад в комплексное решение проблем мира и безопасности.

Всё более сложные миротворческие мандаты требуют от полиции ООН выполнения функций по защите гражданского населения и оказанию оперативной поддержки путём временного выполнения правоприменительных функций при одновременном содействии принимающим странам в укреплении судебных институтов, правоохранительных органов, верховенства права в деятельности полиции и пенитенциарной системы. Необходимость полицейской службы в конфликтных регионах предопределило участие полицейских в миротворческих миссиях.

Растущая роль полиции ООН в миротворческом процессе нашла своё отражение в документах Совета Безопасности и докладах Генерального секретаря ООН.

Результаты исследования политической институционализации полиции ООН позволяют отметить, что на современном этапе сформированы как нормативно-правовая база полицейской деятельности ООН от пакета основных стратегических рамочных документов до типовых программ действий, так и институциональная составляющая как организационно оформленная и регулярно воспроизводимая модель отношений в сфере миротворческой деятельности ООН.

Рассматривая деятельность полиции ООН с позиции структурно-функционального подхода автор отмечает, что полиция ООН как субъект миротворческой деятельности обладает не только специфическими функциями и задачами, но и потенциалом, организационной структурой, подготовленным персоналом и, следовательно, способна выполнять широкий спектр задач как на стадии предотвращения конфликта, так и в нестабильных условиях постконфликтного восстановления.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что процесс организационного оформления и нормативного закрепления отношений в сфере участия полиции ООН в миротворческой деятельности практически завершён. Полицейский компонент как институциональная подсистема представляет организационную структуру, объединяющую международных полицейских из различных стран мира, которая выступает как коллективный актор в миротворческой деятельности ООН.

УДК 327.7

Поступила в редакцию 10.09.2018 г.

Принята к публикации 24.02.2019 г.

Ключевые слова: ООН, миротворчество, полицейский компонент, полиция ООН, международные правоохранительные организации, политический институт, политическая институционализация.

За последние несколько десятилетий степень разрушительных последствий международных и внутригосударственных конфликтов последних не уменьшается, несмотря на все усилия со стороны мирового сообщества во главе с ООН [4, с. 9]. Тем не менее, сегодня так и нет консенсуса по вопросам, связанным с силовым принуждением к миру, практикой гуманитарных интервенций. Поэтому в новой системе международных отношений востребованность ООН как в политической сфере, так и в функциональных аспектах только возрастает [20, с. 9-10]. Опыт и авторитет ООН позволяют ей играть уникальную роль наиболее представительной межгосударственной структуры с универсальной компетенцией, которая даже в сложных и критических случаях выступает против нелегитимного или чрезмерного применения силы в урегулировании конфликтов.

В условиях изменения природы конфликтов и смещения их вектора во внутригосударственную плоскость происходит и эволюция миротворческих операций ООН.

На смену традиционным миротворческим операциям пришли комплексные операции, сочетающие политические, военные, полицейские и гуманитарные действия. Усилия миротворцев направлены на решения в том числе гражданских задач по реформированию государственного управления, демократизации общественной жизни, обеспечению законности и безопасности, возвращение бывших комбатантов и жертв насилия в мирную жизнь. Полицейский компонент в таких операциях является неотъемлемой, а в ряде случаев и центральной частью миссий ООН¹.

В ряде миротворческих операций полиция ООН активно участвовала в международном полицейском сотрудничестве в борьбе с преступностью (от общеуголовных до международных и транснациональных преступлений), что позволяет рассматривать полицейские компоненты временных администраций ООН, выполняющие правоприменительные мандаты, как разновидность международных правоохранительных организаций.

Отношения в системе полиции ООН за определённый исторический период обрели черты формализованного, упорядоченного процесса действий в рамках миротворчества ООН с установленными нормами и структурой, а также другими признаками организации как политического института.

¹ DPKO-DFS Policy on United Nations Police in Peacekeeping Operations and Special Political Missions (Ref. 2014.01) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/sites/police/documents/Policy.pdf>. (дата обращения: 15.05.2018).

Оценивая степень разработанности данной проблемы в отечественной научной литературе, можно отметить, что с учётом многоплановости миротворчества ООН отдельные направления деятельности полиции ООН рассматривались в контексте правовых, политологических, исторических исследований. В последние десятилетия появились научные работы, рассматривающие исторический опыт и организационно-практические аспекты полицейского миротворчества [6; 10; 14], а также отдельные вопросы деятельности полиции в ходе конкретных миротворческих миссий ООН [12, с.40; 15, с.84; 16].

В зарубежной литературе деятельность полиции ООН, как правило, рассматривается как часть проблематики миротворческой деятельности. Некоторые направления деятельности ооновских полицейских освещались в публикациях, подготовленных в зарубежных исследовательских центрах [22; 25; 26; 27] и различных подразделениях ООН [24], рассматривавших опыт и уроки, полученные в ходе реализации полицейских задач мандатов миротворческих операций ООН, а также роль полиции в обеспечении соблюдения и защиты прав человека [28].

Цель данной статьи заключается в выявлении закономерностей и особенных черт процесса формирования и становления полицейского компонента ООН как институциональной составляющей миротворческой деятельности Организации. Достижение поставленной цели предполагает использование междисциплинарного подхода, включающего политологический, международно-правовой и исторический углы зрения.

С помощью исторического подхода проведён анализ формирования правовой базы и генезиса структуры полицейского компонента, изменения задач и должностных обязанностей полицейских ООН во временном развитии. Структурно-функциональный подход обеспечил возможность рассмотрения полицейского компонента ООН как системы со своими структурой, элементами, функциями. Особое внимание уделено относительно новым задачам полицейских компонентов временных администраций ООН в рамках миротворческих миссий, выполняющих правоприменительные мандаты.

Стратегические аспекты участия полицейского компонента в миротворческой деятельности ООН

Формирование и развитие международного полицейского миротворчества происходило опытным путём. Долгое время эта практика оставалась без должного нормативного регулирования. Импровизированные группы сотрудников полиции отправлялись в миротворческие миссии из десятков стран, обладая разной полицейской культурой и уровнем подготовки [7, с. 72].

На первоначальном этапе они выполняли преимущественно мониторинговые функции на основании мандатов миротворческих операций, в которых закреплялись полномочия, цели, методы реализации поставленных задач, вре-

менные и пространственные рамки, а также численность и качественный состав миротворческого персонала.

В ряде исключительных случаев мандаты полиции ООН предусматривали выполнение функций полицейского контроля (если местная полиция просто не существовала или не работала) и иных функций по поддержанию правопорядка.

Со временем уже стало понятно, «что полиция является «недостающим звеном» между военным компонентом, осуществляющим первоначальную стабилизацию ситуации в зоне конфликта, и гражданским компонентом, ответственным за государственное строительство» [22, с. 337].

В качестве приоритетных задач были обозначены расширение верховенства права, реформирование сектора безопасности и реструктуризация местных правоохранительных институтов, включая подготовку полицейского персонала и мониторинг правоприменительной деятельности в принимающей стране. Значительное расширение задач и должностных обязанностей полицейских ООН затруднило процесс подбора кадров для полевых миссий [26, с. 5].

Наряду с расширением участия в деятельности по поддержанию мира полицейские стали привлекаться к программам, направленным на демобилизацию, разоружение и реинтеграцию бывших комбатантов и ассоциированных с ними лиц, решение проблем беженцев и внутренней миграции.

Департаментом операций по поддержанию мира (ДОПМ) совместно с Программой развития ООН (ПРООН) создали в 2012 г. «Глобальный координационный орган по вопросам деятельности органов полиции, правосудия и исполнения наказаний» как ключевой компонент процесса постконфликтного восстановления [19, с. 95-96]. При этом очевидной необходимостью стало обеспечение «единства, преемственности и унификации норм, процедур для типовых программ» (англ. Standard Operational Procedure) полицейской деятельности.

Длительное время в сфере миротворческой деятельности ООН не было единого документа, отражающего стратегические подходы и концептуальные основы полицейской работы как части комплексных действий по предотвращению конфликтов или постконфликтному построению устойчивого мира. Существовавшие пробелы в нормативном регулировании деятельности полиции ООН компенсировались изданием детализированных стандартных операционных процедур, директив и рекомендаций.

В 2011 г. Генеральный секретарь ООН издал первый Доклад о деятельности полиции ООН, признав центральную роль полицейского компонента ООН в достижении устойчивого мира².

В докладе были систематизированы мандаты в сфере полицейской деятельности под эгидой ООН, которые были сгруппированы в три категории:

² Всеобъемлющий доклад о работе Отдела полиции ДОПМ и задачах полицейских компонентов миротворческих миссий ООН был подготовлен на основании Доклада Специального комитета по операциям по поддержанию мира о работе своей основной сессии 2011 г. (Документ ООН A/65/19, пункт 78). (прим. автора).

- «содействие реформированию, реорганизации и восстановлению национальной полиции и других правоохранительных органов принимающего государства;
- оказание полиции и другим правоохранительным органам оперативной поддержки, в том числе на основе развертывания сформированных полицейских подразделений (СПП);
- несение полицейской службы и выполнение других связанных с обеспечением правопорядка функций на временной основе.

В докладе также отмечено, что во многих мандатах последних лет в качестве конкретных задач полиции ООН упоминались функции по обеспечению поощрения и защиты прав человека и защите гражданского населения, что подчеркивает важность роли полицейских при выполнении общемиссионных задач по обеспечению верховенства права в постконфликтных государствах»³.

Три года спустя, в ноябре 2014 г., Совет Безопасности ООН (СБ ООН) принял первую тематическую резолюцию № 2185 по вопросам полицейской деятельности в рамках ООН.

В качестве наиболее актуальных были рекомендованы следующие меры:

- «разработка и проведение в жизнь стандартов и руководящих принципов полицейской работы ООН в соответствии с руководящими принципами миротворческой деятельности;
- разработка всеобъемлющего стандартного учебного курса для полицейских ООН, включающего обучение до командирования, по прибытию в миротворческую миссию и в процессе службы;
- подготовка старшего начальствующего состава полиции, в том числе в рамках учебного курса для старших руководителей миссий;
- разработка эффективных программ оценки результативности полицейской работы ООН;
- совершенствование процедур набора и командирования полицейских ООН и гражданских экспертов с учётом действующих административных и бюджетных процедур и регламентов;
- координация работы в рамках системы ООН в целях реформирования полицейских и других правоохранительных органов»⁴.

В 2014 г. ДОПМ совместно с Департаментом полевой поддержки (ДПП) разработали стратегию «Полиция Организации Объединённых Наций в составе операций по поддержанию мира и специальных политических миссий» (Стратегия). В ней были определены две основные функции полиции ООН:

³ Доклад Генерального секретаря ООН «Полиция Организации Объединённых Наций». 15 декабря 2011 г. Документ ООН A/66/615. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/641/51/PDF/N1164151.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.06.2018).

⁴ Резолюция Совета Безопасности ООН 2185. 20 ноября 2014 г. Документ ООН S/RES/2185 (2014) [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/640/94/PDF/N1464094.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.06.2018).

– «оперативной поддержки и, при наличии соответствующего правоприменительного мандата, обеспечения эффективного предотвращения, выявления и расследования преступлений, защиты жизни и имущества и поддержания общественного порядка;

– оказания поддержки в целях создания в принимающем государстве эффективного потенциала по охране правопорядка для обеспечения репрезентативной, оперативной и подотчетной полицейской службы, отвечающей высочайшим профессиональным стандартам»⁵.

Следующим стратегическим документом в сфере полицейской деятельности можно считать Доклад Генерального секретаря о полиции Организации Объединённых Наций⁶, подготовленный во исполнение резолюции СБ ООН № 2185 (2014), в котором особое внимание было уделено проблемам, с которыми сталкиваются полицейские компоненты полевых миссий ООН, и определены возможные направления совершенствования их деятельности.

Генеральным секретарём также дана оценка достигнутого прогресса и оперативных успехов на фоне меняющейся динамики конфликтов, таких как возложение всех обязанностей на полицию принимающих государств (Тимор-Лешти и Сьерра-Леоне); планирование мероприятий переходного периода в Либерии, Кот-д'Ивуаре и Гаити; выполнение функций полиции с учётом гендерного фактора и усилий по обеспечению гендерного баланса в Кот-д'Ивуаре, Дарфуре и Гаити; и разработка комплексных подходов в сфере верховенства права в Мали и Сомали.

В докладе отмечено растущее значение полиции ООН в контексте международного мира и безопасности, которое подчёркивалось государствами-членами на первом совещании начальников полиции под эгидой ООН в июне 2016 г. и на состоявшихся до и после него саммитах по поддержанию мира. Особый акцент в докладе сделан на последних глобальных изменениях, включая успехи, достигнутые в части Стратегических руководящих принципов миротворческой деятельности с использованием международных полицейских сил, призванные обеспечить согласованность усилий и уточнения стратегических платформ комплектования полиции.

Важность деятельности полиции ООН в рамках миротворческих и специальных политических миссий в контексте более широкой реформы, касающейся усилий Организации в области мира и безопасности, была отмечена в резолюции СБ ООН № 2382⁷.

⁵ DPKO-DFS Policy on United Nations Police in Peacekeeping Operations and Special Political Missions (Ref. 2014.01) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/sites/police/documents/Policy.pdf>. (дата обращения: 15.05.2018).

⁶ Доклад Генерального секретаря о полиции Организации Объединённых Наций. 10 ноября 2016 г. Документ ООН S/2016/952. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/353/54/PDF/N1635354.pdf?OpenElement>. (дата обращения: 15.06.2018).

⁷ Резолюция Совета Безопасности ООН 2382. 6 ноября 2017 г. Документ ООН S/RES/2382 (2017) [Электронный ресурс]. URL: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2382\(2017\)&referer=/english/&Lang=R](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2382(2017)&referer=/english/&Lang=R) (дата обращения: 14.07.2018).

СБ ООН постановил на индивидуальной основе включать деятельность полиции в качестве неотъемлемой части мандатов миротворческих и специальных политических миссий ООН, принимая во внимание необходимость последовательного применения специализированных полицейских знаний при планировании новых операций, и выдавать чёткие, пользующиеся доверием, выполнимые и обеспеченные надлежащими ресурсами мандаты на проведение мероприятий, связанных с деятельностью полиции.

Для обеспечения своевременного завершения осуществления миротворческих мандатов и повышения качества работы было предложено рассмотреть возможность принятия следующих мер:

- «укреплять в рамках деятельности полиции ООН сотрудничество с Группой по стратегической мобилизации сил и планированию потенциала для обеспечения скоординированного учёта потребностей полицейских и военных контингентов, согласованного формирования сил и централизованного сбора данных о качестве работы,
- разработать дополнительные руководящие указания для соответствующих должностных лиц, включая Специальных представителей Генерального секретаря и Специальных посланников, и оказывать соответствующим старшим руководителям ООН помощь для понимания способов выполнения предусмотренных мандатами задач, связанных с деятельностью полиции,
- подчёркивать в регулярных докладах Генерального секретаря СБ ООН о конкретных миротворческих операциях и специальных политических миссиях ООН, санкционированных СБ ООН, обновленную информацию об успехах в деле учёта гендерных аспектов при осуществлении мероприятий по реформированию полиции и обеспечению полицейской защиты»⁸.

В своем докладе Независимая группа высокого уровня по миротворческим операциям (Независимая группа)⁹ отметила необходимость «стратегического планирования деятельности полиции ООН, расширения полицейских мандатов, повышения роли полиции ООН в борьбе с транснациональной организованной преступностью». Была также отмечена «необходимость более широкого взаимодействия с ЕС и НАТО, а также с региональными полицейскими организациями» [23, p. 8].

Поэтому ключевую роль в обеспечении полевых миссий и работы всех акторов, вовлечённых в сферу деятельности полиции ООН, приобретает разработка на основании полученных предложений новых концептуальных подходов к организации полицейского миротворчества ООН, отражающих реалии постбиполярного мира.

⁸ Там же.

⁹ Comprehensive review of the whole question of peacekeeping operations in all their aspects. Comprehensive review of special political missions. Strengthening of the United Nations system. 17 June 2015. UN Doc. A/70/95-S/2015/446. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/181/45/PDF/N1518145.pdf?OpenElement>. (дата обращения: 14.07.2018).

Анализ нормативно-правовых источников в области полицейской деятельности ООН показывает, что пакет основных стратегических рамочных документов (англ. Strategic Guidance Framework) практически сформирован.

Наряду с указанной Стратегией данный стратегический пакет включает документы, регламентирующие политики в таких основных областях как администрирование¹⁰, развитие потенциала¹¹, полицейское руководство¹², планирование и организация полицейских операций¹³, а также детальные руководства по различным направлениям полицейской работы и основные учебные материалы для подготовки полицейского персонала.

Завершение процесса формирования стратегического пакета позволяет сбалансировать потребность полицейского компонента ООН как в документах стратегического уровня, так и в более прикладных типовых программах действий.

На современном этапе основой деятельности полиции ООН в сфере миротворчества являются следующие базовые принципы: «законности; гуманности; профессионализма, беспристрастности и нейтралитета полицейских ООН; признания легитимности власти правительства принимающего государства при активном взаимодействии с местными институтами власти и сторонами конфликта; конкретности мандата; своевременности реагирования на инциденты и адекватности принимаемых мер возникшей угрозе; права выбора любых не запрещённых международными правовыми нормами и документами ООН способов выполнения поставленной задачи, при минимальном применении силы; открытости деятельности полиции ООН» [18, с. 112]; нулевой терпимости к проявлению коррупции во всех её формах.

На оперативно-тактическом уровне основными принципами организации работы полицейского компонента являются:

- «максимальное соответствие приоритетных направлений полицейской работы политическому контексту и общим целям, определяемым политическим руководством миссии;
- функционирование полицейского компонента как части интегрированных комплексных миротворческих операций ООН с чётким разграничением сфер деятельности с партнёрами, включая военный компонент;
- организации работы с приоритетным вниманием нуждам местных общин и населения принимающего государства;

¹⁰ DPKO-DFS Police Administration in United Nations Peacekeeping Operations and Special Political Missions (Ref. 2016.26) [Электронный ресурс]. URL: https://police.un.org/sites/default/files/sgf-guidelines_police_administration-2016.pdf. (дата обращения: 13.07.2018).

¹¹ DPKO-DFS Guidelines on Police Capacity-Building and Development (Ref. 2015.08) [Электронный ресурс]. <https://police.un.org/en/guidelines-police-capacity-building-and-development-2015>. (дата обращения: 13.07.2018).

¹² DPKO-DFS Guidelines on Police Command in United Nations Peacekeeping Operations and Special Political Missions (Ref. 2015.14) [Электронный ресурс]. URL: https://police.un.org/sites/default/files/sgf-guidelines_police_command-2015.pdf. (дата обращения: 13.07.2018).

¹³ DPKO-DFS Police Operations in United Nations Peacekeeping Operations and Special Political Missions (Ref. 2015.15) [Электронный ресурс]. URL: https://police.un.org/sites/default/files/sgf-guidelines_police_operations-2015.pdf. (дата обращения: 13.07.2018).

- обеспечения необходимой поддержки уязвимым группам населения, включая защиту от сексуального и гендерного насилия;
- применения превентивных методов полицейской работы, методов криминальной разведки, постоянного анализа дестабилизирующих факторов и прогнозирования обострения криминогенной обстановки и вспышек насилия»¹⁴.

Особое внимание мирового сообщества к проблемам защиты гражданского населения связано с тем, что в ходе миротворческих миссий в Руанде, Сомали, Боснии и Герцеговине ООН не удалось ни предотвратить, ни остановить начавшиеся массовые репрессии в отношении мирного населения этих стран [5]. По мнению ряда авторов, успешная защита гражданского населения также может укрепить пошатнувшийся авторитет ООН и самой идеи миротворчества [9, с. 55-56].

Современная структура полиции ООН

За последние десятилетия существенной трансформации подверглись не только функции и задачи, но и структура полиции ООН. Сегодня в ней можно выделить два уровня – руководящий (штабной) в виде Отдела полиции (Police Division¹⁵) ДОПМ и оперативный (полевой), представленный полицейскими компонентами, входящими в состав миротворческих операций, проводимых в различных регионах мира¹⁶.

Значительные изменения в структуре руководящих (штабных) подразделений полицейского компонента ООН связаны с учреждением в структуре ДОПМ в 2007 г. Управления по делам органов обеспечения законности и безопасности (УДООЗБ) для укрепления связей и координации реформирования сектора безопасности, включая деятельность органов полиции, юстиции и исправительных учреждений, а также действий в сфере контроля за оборотом оружия и демобилизации, разоружения и реинтеграции экс-комбатантов.

В состав Управления был включен созданный в 2000 г. Отдел полиции, который в настоящее время является главным координирующим органом в сфере полицейского миротворчества ООН.

Руководство Отделом полиции возложено на директора, также выполняющего функции полицейского советника – члена Группы старших руководителей ДОПМ и ДПП, подотчётного помощнику Генерального секретаря по вопросам верховенства закона и учреждениям безопасности.

¹⁴ DPKO-DFS Policy on United Nations Police in Peacekeeping Operations and Special Political Missions (Ref. 2014.01) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/sites/police/documents/Policy.pdf>. (дата обращения: 15.05.2018).

¹⁵ Прежнее название Отдел гражданской полиции ДПКО (англ. DPKO Civilian Police Division). (прим. автора).

¹⁶ В документах ООН также встречается деление полицейского компонента на два главных элемента: операции, а также управление и развитие. (прим. автора).

Полицейский советник консультирует по всем вопросам полицейской деятельности ДОПМ и ДПП, а также осуществляет стратегическое руководство полицейских компонентов полевых миссий, проводимых под эгидой данных департаментов¹⁷.

Территориально расположенный в Италии ППК также играет важную роль в деятельности полиции ООН, т.к. в настоящее время в сфере обеспечения верховенства права всё большее значение уделяется аспекту организационного строительства полицейского компонента и оперативным полицейским мероприятиям. Поэтому в ООН отмечают, что для выполнения этих функций необходимо задействовать широкий круг полицейских специалистов, включая экспертов по вопросам формирования полицейских сил, следователей и инструкторов, располагающих надлежащей квалификацией, или гражданских специалистов¹⁸.

Основой ППК стали дежурные списки экспертов, созданные в 2000 г. в соответствии с рекомендациями «доклада Брахими»¹⁹.

Функции ППК возможно разделить на два направления:

- выполнение стратегической задачи по формированию передовых групп (англ. first responders) полицейских для быстрого начала функционирования полицейских компонентов развертываемых миротворческих операций ООН,
- оказание помощи полицейским компонентам текущих миротворческих операций ООН, в том числе посредством эффективной и согласованной экспертной оценки деятельности полиции и иных правоохранительных органов на этапе развертывания или трансформации миссии, а также на этапе частичной передачи полномочий или завершения миротворческой операции.

При необходимости специалисты ППК могут проводить оценку и аудит оперативной деятельности компонентов полиции ООН, оказывать помощь в вопросах управления и наращивания местного правоохранительного потенциала, а также выполнять другие необходимые задачи по поручению заместителя Генерального секретаря по операциям по поддержанию мира, на которого возложены полномочия по принятию решения о развертывании ППК²⁰.

Таким образом, Отдел полиции выполняет, в большей степени, нормативно-управленческие функции и выступает интегративным органом, ответственным за поддержание сформированных институциональных связей как внутри системы

¹⁷ См.: Доклад Генерального секретаря ООН «Полиция Организации Объединенных Наций». 15 декабря 2011 г. Документ ООН A/66/615. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/641/51/PDF/N1164151.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.06.2018).

¹⁸ Доклад Генерального секретаря ООН «Гражданский потенциал в постконфликтный период». 15 августа 2012 г. Документ ООН A/67/312-S/2012/645. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org>. (дата обращения: 10.06.2018)

¹⁹ «Доклад Брахими» (Документ ООН A/55/305-S/2000/809) предлагал государствам-членам создавать национальные резервы действующих сотрудников полиции, которые доступны и подготовлены для оперативной дислокации в миротворческих операциях ООН, находясь, в контексте системы Организации, в состоянии ожидания. (прим. автора).

²⁰ Итоговый документ Всемирного саммита - 2005. Принят Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 60/1. 16 сентября 2005 г. Документ ООН A/RES/60/1. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата обращения: 15.05.2018).

ООН, так и с внешними акторами, согласовывая различные организационно-правовые вопросы.

Например, после выхода в 2009 г. доклада ДОПМ и ДПП поддержки «Новая программа партнёрства – Новые горизонты в области операций ООН по поддержанию мира»²¹ одной из задач Отдела полиции стала гармонизация отношений с государствами-членами для преодоления проблемы рассеивания миротворческих ресурсов, выражающейся в растущем разрыве между потребностями полевых операций и имеющимися для этого глобальными и региональными ресурсами.

Несомненно, что способность, как Отдела полиции, так и полицейских компонентов на местах выполнять порученные мандаты ограничена текущей возможностями стран, предоставляющих полицейский персонал. Как правило, рекрутинг персонала для развёртываемых операций осуществляется в жёстких временных рамках и предусматривает краткосрочное командирование для выполнения специализированных задач, что не может не влиять на формирование институционального потенциала сил полиции ООН.

За последние 20 лет мандаты миротворческих миссий в области полицейской деятельности значительно расширились с учётом фокуса на среднесрочных задачах институционального развития полиции принимающего государства для выполнения основных полицейских функций.

Это привело к тому, что в миротворческих миссиях отмечается дефицит квалифицированного персонала в таких специализированных областях, как криминалистическая экспертиза, борьба с различными формами организованной преступности, режим и безопасность границ, деятельность морской и речной полиции, анализ информации об уголовных преступлениях²².

Как мы отмечали ранее, существующие подходы к организации деятельности полицейского компонента предусматривают краткосрочное командирование большого числа полицейских и из разных стран мира, обладающих разным полицейским опытом и культурой, для выполнения задач по организационному строительству (англ. *institution-building mandate*) и развитию потенциала в специализированных сферах полицейской деятельности, к которым они не всегда подготовлены²³.

Это порождает парадокс между количеством направляемого в миссии ООН и регулярно заменяемого полицейского персонала, и качеством работы полицейских ООН, ассоциируемым с долгосрочными профессионально-структурными проблемами, для решения которых они направляются.

²¹ A New Partnership Agenda. Charting a New Horizon for UN Peacekeeping // DPKO/DFS. NY, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/documents/newhorizon.pdf> (дата обращения: 15.05.2018).

²² Доклад Генерального секретаря ООН «Полиция Организации Объединенных Наций». 15 декабря 2011 г. Документ ООН A/66/615. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/641/51/PDF/N1164151.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.06.2018).

²³ External review of the functions, structure and capacity of the United Nations Police Division. [Электронный ресурс]. URL: <https://police.un.org/en/external-police-division-review> (дата обращения: 15.06.2018).

В целях оперативного предоставления миротворческих ресурсов значительное внимание Отдел полиции должен уделить взаимодействию с региональными организациями и объединениями государств-членов для поддержки конкретных миссий, а также оптимизации отношений с принимающими миротворческие миссии государствами. Региональные организации зачастую более детально знакомы с ситуацией в конфликтных государствах, лучше понимают причины и динамику конфликта. При этом они напрямую заинтересованы в разрешении конфликта, поскольку негативные последствия внутренних конфликтов нередко влияют на ситуацию в соседних странах и регионе в целом [13, с. 175].

Одним из направлений деятельности Отдела полиции является организация сотрудничества с международными правоохранительными органами и региональными полицейскими организациями по широкому кругу вопросов от руководящих принципов международного полицейского миротворчества до установления и укрепления правопорядка.

Как отмечает А.Г. Волеводз, «международное полицейское взаимодействие в борьбе с преступностью представляет собой не только урегулированную нормами международного и внутригосударственного права совместную деятельность субъектов международного права и внутригосударственных правоотношений по обеспечению правовой защиты личности, общества, государства и мирового сообщества от международных и имеющих международный характер преступлений, а также транснациональных преступлений, посягающих на внутригосударственный правопорядок» [3, с. 10], но и совместное выполнение практических задач борьбы с преступностью в условиях миротворческих операций, проводимых ООН или региональными организациями коллективной безопасности.

По нашему мнению, потенциал участия полицейских компонентов миротворческих миссий ООН в международном сотрудничестве ещё не получил должного внимания со стороны официальных лиц ООН. Возможные проблемы могут быть связаны с правовым регулированием, организацией деятельности и структурным построением полиции ООН, а также с постоянно возрастающими объёмами её участия в миротворческой деятельности. Вследствие этого, как мы отмечали ранее, стратегические нормативные документы, издаваемые в сфере полицейской деятельности ООН, зачастую лишь *post factum* закрепляют сложившиеся правоотношения.

Поэтому считаем возможным в условиях отсутствия какого-либо чётко структурированного надгосударственного аппарата для правоприменения по аналогии с предложенным включением в систему органов международного уголовного правосудия (международной уголовной юстиции) судов, формируемых временными администрациями ООН на территориях государств, где проводятся миротворческие операции, рассматривать полицейские компоненты временных администраций ООН, выполняющие правоприменительные мандаты, как разновидность международных правоохранительных организаций.

Ведь именно международные полицейские силы в рамках временного протектората ООН выполняли весь комплекс правоохранительных мер по борьбе с преступностью, реализуя функции координации, регулирования, охраны и обеспечения международного правопорядка и применения мер принуждения в борьбе с международными преступлениями в таких конфликтных регионах как Косово и Восточный Тимор.

Стратегия Миссии ООН по вопросам временной администрации в Косово (англ. United Nations Interim Administration Mission in Kosovo, далее – МООНК) в области правопорядка определялась двумя основными задачами: временным выполнением правоохранительных функций и быстрым развёртыванием надежных, профессиональных и беспристрастных косовских полицейских сил. Для выполнения этих задач в Косово были размещены международные полицейские силы ООН которые состояли из трёх самостоятельных компонентов: гражданской полиции численностью 1.800 сотрудников, сил специальной полиции, состоящих из 10 подразделений по 115 человек каждое, и пограничной полиции численностью 205 сотрудников. Подразделения гражданской полиции предназначались для выполнения ежедневной полицейской работы: патрулирования, профилактики, пресечения, раскрытия и расследования преступлений и иных правонарушений. Задачами специальных полицейских подразделений являлись поддержание общественного порядка; борьба с массовыми беспорядками; защита объектов МООНК, сербских святынь и исторических объектов; сопровождение делегаций и поддержка действий гражданской полиции. Силы пограничной полиции ООН выполняли функции по охране границы, обеспечению соблюдения иммиграционных законов и пограничных правил [17, с. 255].

В дальнейшем в связи с неопределённостью политико-правовой ситуации в Косово даже после передачи всех полномочий местной полиции Отдел по взаимодействию Интерполом полицейского компонента МООНК (англ. UNMIK Interpol Liaison Office) продолжил выполнение функции по взаимодействию с данной организацией от лица местных властей.

Как отмечает П.Г. Зверев, «сотрудничество государств-членов рамках ООН, а также между ООН и Интерполом по вопросам международной полицейской деятельности становится в последние годы всё более актуальным на фоне расширяющегося признания роста транснациональной преступности во многих странах, где развернуты миротворческие операции ООН» [8, с. 300].

Таким образом, полицейские компоненты миротворческих миссий ООН, выполняющие правоприменительные мандаты, соответствуют целому ряду критериев международных правоохранительных организаций и могут рассматриваться как элемент системы международных правоохранительных организаций, участвующих в международном сотрудничестве, связанном с пресечением преступлений, в том числе и путём проведения в необходимых случаях следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Считаем возможным отметить, что легитимность решений универсального органа коллективной безопасности, которым является ООН, не подвергается сомнению. Кроме того именно ООН, согласно п. 3 и 4 ст. 1 её Устава, уполномочена «осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии; быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей»²⁴.

В настоящее время оперативная (полевая) составляющая полиции ООН представлена двумя основными частями: сформированные полицейские подразделения (СПП) и индивидуальные офицеры полиции (англ. *individual police officers*)²⁵, проходящие службу по контракту или прикомандированные в состав миссии ООН, к которым относятся специализированные полицейские группы (англ. *specialised police teams*), а также группы руководящего состава полицейских компонентов миссий.

Каждая составляющая имеет свои чётко определенные цели и задачи. Необходимость такого разделения подтверждена временем и обоснована потребностями выполнения конкретных, зачастую существенно различающихся задач. При планировании новых миротворческих операций выбор используемых сил и средств осуществляется индивидуально на основе мандата миссии, комплексной оценки ситуации на местах и потребностей принимающего государства.

По мнению А.И. Никитина, направление странами-участницами в миротворческие миссии ООН полностью укомплектованных СПП, имеющих внутренние командные органы и способных без «притирки» приступить к выполнению задач в зоне конфликта, может рассматриваться как определённая модернизация организации и инфраструктурной миротворческих операций [11, с. 22].

В соответствии с пересмотренной политикой ДПКО/ДПП об участии СПП в миротворческих операциях (2010)²⁶, СПП имеют три основные задачи: поддержание общественного порядка²⁷ (англ. *public order management*), защита полицейского и гражданского персонала, объектов, имущества и оборудования ООН (англ. *protection of UN personnel and facilities*) и поддержка полицейских операций в условиях повышенного риска для полицейских наблюдателей или советников ООН (англ. *support for police operations*).

Функция по обеспечению безопасности может предусматривать охрану конвоев, передислокации или эвакуации персонала ООН, а, в необходимых

²⁴ Устав ООН. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>. (дата обращения: 15.05.2018).

²⁵ В переводах документов ООН также используется термин «эксперты в области полицейской деятельности», «офицеры полиции, набранные на индивидуальной основе». (прим. автора).

²⁶ DPKO-DFS Policy (Revised) on Formed Police Units in United Nations Peacekeeping Operations (Ref. 2016.10), [Электронный ресурс]. URL: https://police.un.org/sites/default/files/fpu_policy_2016.pdf (дата обращения: 14.07.2018).

²⁷ При этом проводимый регулярно внутренний аудит показывает, что проблемным вопросом является поиск унифицированных подходов к привлечению СПП полицейских компонентов полевых миссий для защиты гражданских лиц, что существенно затрудняет выполнение данных мандатов. (прим. автора).

случаях и силовые операции по вмешательству (англ. *intervention operations*), когда это необходимо для выполнения функции по защите и соответствует возможностям полицейских подразделений. СПП могут также оказывать защиту военного персонала, как правило, пунктов дислокации военных наблюдателей или наблюдательных постов, а также воинских подразделений, не обладающих необходимым вооружением, техникой или навыками для отражения возникшей угрозы²⁸.

Анализ структуры и функций полиции ООН показывает, что в последние годы в условиях активизации милитаристских подходов, как в мировой политике, так и при разрешении конфликтов [21], изменяется качественный состав полицейского компонента и продолжает развиваться тенденция более активного использования СПП стран-участниц для обеспечения безопасности и соблюдения прав человека²⁹.

Многие субъекты международных отношений могут воспринять данный тренд как милитаризацию деятельности СПП, что, как следствие, может повлиять на имидж всего полицейского компонента ООН.

По нашему мнению, возможное возрастание фактора силы и милитаризация деятельности полиции ООН может продемонстрировать неправильные модели деятельности для полицейской службы принимающих государств, которые после конфликта нуждаются в демилитаризации форм и методов работы полиции в своих общинах.

Поэтому существующий или даже предполагаемый процесс милитаризации деятельности полицейского компонента ООН может стать существенной проблемой для ООН, которая демонстрирует минимальное вмешательство в суверенитет принимающего государства и пытается поддерживать приоритет невоенной, ориентированной на общины полицейской деятельности в целях построения устойчивого мира³⁰.

Таким образом, рассматривая деятельность полиции ООН с позиции структурно-функционального подхода необходимо отметить, что полиция ООН как субъект миротворческой деятельности обладает не только специфическими функциями и задачами, но и потенциалом, организационной структурой, подготовленным персоналом и, следовательно, способна выполнять широкий спектр задач, как на стадии предотвращения конфликта, так и в нестабильных условиях постконфликтного восстановления.

Аудит, проведенный в январе 2016 г. в соответствии с рекомендациями, изложенными в докладе Генерального секретаря ООН «Будущее операций Орга-

²⁸ DPKO-DFS Policy on United Nations Police in Peacekeeping Operations and Special Political Missions (Ref. 2014.01). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/sites/police/documents/Policy.pdf>. (дата обращения: 15.05.2018).

²⁹ По состоянию на 28 февраля 2017 г. сотрудники СПП составляли 66,7% от численности полицейского персонала миротворческих миссий ООН. См.: UN Missions Summary of Military and Police. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org>.

³⁰ Handbook on UN Multidimensional Peacekeeping Operations // UN DPKO. NY, 2003. P. 92-93.

низации Объединённых Наций в пользу мира: осуществление рекомендаций Независимой группы высокого уровня по операциям в пользу мира»³¹, группой независимых экспертов показал, что в организации работы Отдела полиции имеется ряд проблем, влияющих на эффективность полицейской деятельности под эгидой ООН.

Существующие проблемы могут быть сгруппированы в следующие блоки:

- политическое руководство, надзор и оценка, включая разработку эффективных программ оценки результативности полицейской работы ООН;
- стратегическое планирование;
- координация с партнёрами в целях реформирования полицейских и других правоохранительных органов;
- администрирование, управление и лидерство.

В политической сфере Отделу полиции часто не хватает соответствующего влияния на дебаты в ООН по полицейским вопросам и планированию полицейских компонентов миротворческих операций, а также возможности обеспечить совместную работу УДООЗБ/ДПКО, ДПП и Департамента по политическим вопросам (англ. Department of Political Affairs, далее – ДПВ) для их разрешения³².

В условиях расширения сферы деятельности полиции ООН Отдел полиции не всегда способен оказать адекватную помощь специальным политическим миссиям ООН без дополнительного финансирования. В докладе Группы высокого уровня было отмечено, что политические миссии и превентивные действия ООН сталкиваются с серьёзными проблемами в части обеспечения должными ресурсами³³. На современном этапе сотрудники Отдела полиции оказывают помощь в проведении 5 политических миссий в дополнение к проводимым 13 миротворческим операциям, которые являются их основной задачей. Это влияет на выполнение всех основных функций Отдела полиции и увеличивает нагрузку на персонал в связи с возрастанием потребности в полицейских кадрах.

По мнению экспертов, Отдел полиции нуждается в реструктуризации и увеличении численности персонала для сбора, анализа, распространения и применения уроков в миссиях с участием полиции ООН, а также поддержания межмиссионных связей для обмена опытом и положительной практикой.

Поэтому для повышения в долгосрочной перспективе эффективности деятельности Отдела полиции и полиции ООН в целом необходимо продолжить поиск оперативных моделей, наиболее оптимальных для реализации мандатов

³¹ Доклад Генерального секретаря ООН «Будущее миротворческих операций ООН: выполнение рекомендаций Независимой группы высокого уровня по миротворческим операциям о рекомендациях». 2 сентября 2015 г. Документ ООН A/70/357-S/2015/682. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/270/76/PDF/N1527076.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.06.2018).

³² External review of the functions, structure and capacity of the United Nations Police Division [Электронный ресурс]. URL: <https://police.un.org/en/external-police-division-review> (дата обращения: 15.06.2018).

³³ Comprehensive review of the whole question of peacekeeping operations in all their aspects. Comprehensive review of special political missions. Strengthening of the United Nations system. 17 June 2015. UN Doc. A/70/95-S/2015/446. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/181/45/PDF/N1518145.pdf?OpenElement>. (дата обращения: 14.07.2018).

текущих миротворческих миссий, а также более чётко сформулировать роль и функции полицейского советника, его возможность влиять и поддерживать Глав полицейских компонентов.

Особую актуальность приобретает анализ процесса создания полицейских структур с использованием актуальных систем мониторинга и оценки, включая используемые в ООН показатели в области верховенства права. Результаты данных исследований наряду с оценками, основанными на этих показателях, должны составить основу будущих предложений относительно дальнейшего укрепления потенциала полиции ООН.

Таким образом, результаты проведённого научного исследования опыта полицейского миротворчества ООН позволяют утверждать, что полицейский компонент является частью современных комплексных миротворческих миссий ООН. Полиция ООН может решать новые задачи для миротворчества: борьба с терроризмом, наркотрафиком, незаконной миграцией и т.д.

Отношения в системе полиции ООН за последние десятилетия обрели черты формализованного, упорядоченного процесса действий в рамках миротворчества ООН с установленными нормами и правилами, определённой структурой отношений, иерархией власти различных уровней и другими признаками организации как политического института.

Поэтому с позиции структурно-функционального подхода возможно предположить, что институционализация полицейского компонента в миротворческой деятельности ООН практически завершена.

Полицейский компонент как институциональная подсистема [1, с. 54] представляет организационную структуру, объединяющую международных полицейских из различных стран мира, которая выступает как коллективный актор в миротворческой деятельности ООН.

Отдел полиции ДОПМ осуществляет как нормативно-регулятивистские, так и распорядительно-координирующие функции для согласования деятельности индивидов в лице сотрудников полиции или других правоохранительных органов, командированных на службу в ООН правительствами государств-членов по просьбе Генерального секретаря, социальными группами (например, в форме СПП) и коллективными акторами – странами, представляющими полицейский персонал, и миротворческими миссиями ООН посредством выработки определённых норм и стандартов поведения, стратегических документов, стандартных операционных процедур, директив и указаний.

Признание роли и важности полиции ООН должно найти своё воплощение в стратегических, но вместе с тем реалистичных мандатах, подкреплённых адекватными ресурсами. Для обеспечения эффективной политической поддержки реализации принятых миротворческих мандатов и преодоления проблемы рассеивания миротворческих ресурсов особое внимание должно быть уделено не только координации глобальных партнёрских отношений в рамках системы ООН, но и использованию потенциала региональных акторов, а также

отношениям с принимающими государствами, обратившимися к Организации просьбой о поддержании мира.

Для обеспечения внутрисистемной согласованности полицейской работы ООН наиболее актуальными направлениями являются подготовка старшего начальствующего состава полиции, разработка эффективных программ для оценки результативности полицейской работы ООН; совершенствование процедур набора и командирования полицейского персонала и гражданских экспертов ООН с учётом соответствующих административных и бюджетных процедур.

При этом Отдел полиции должен активнее помогать в реализации издаваемых документов в практическую деятельность полицейских компонентов полевых миссий ООН, включая мониторинг их соблюдения и, при необходимости, обеспечение повышения подотчётности в целях внесения необходимых изменений и внедрения положительного опыта миротворчества в полицейскую практику в целях реформирования полицейских и других правоохранительных органов.

Реализация данных положений на практике может в дальнейшем стать основой для разработки эффективной модели миротворчества полиции ООН, соответствующей условиям меняющегося миропорядка.

Список литературы:

1. Абрамов А.В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // Власть. 2010. № 5. С. 53-55.
2. Волеводз А.Г. Международная правоохранительная деятельность и международные правоохранительные организации: определение понятий // Евразийский юридический журнал. № 11 (30). 2010. С. 128-134.
3. Волеводз А.Г. Международные правоохранительные организации: понятие и современная система. Международное уголовное право и международная юстиция // 2011. № 2. С. 9-11.
4. Гришаева Л.Е. ООН: новый генсек, старые проблемы. Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир // 2017. № 1 (11). С. 9-24.
5. Ерохина Л.Д. Формы эксплуатации населения в условиях военных конфликтов: военная проституция и торговля женщинами // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 106-117.
6. Жуковский М.В. Участие сотрудников МВД России в международных миротворческих операциях // Право и безопасность. 2012. № 1 (41) С. 27-33.
7. Зверев П.Г. О полицейской доктрине миротворческих операций Организации Объединённых Наций. Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета. МВД России // 2014. № 1 (35). С. 71-76.
8. Зверев П.Г. Сотрудничество Организации Объединённых Наций и Международной организации уголовной полиции (Интерпол) по вопросам международного миротворчества // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Сб. материалов XIV международной научно-теоретической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России. 2017. С. 300-302.
9. Конышев В.Н., Кубышкин А.И., Сергунин А.А. Защита гражданского населения в миротворческой деятельности ООН: проблемы и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 26. С. 53-66.
10. Крюков К.Г. Особенности взаимодействия сотрудников полиции миротворческих миссий ООН с местным населением и между собой // Правоохранительные органы: теория и практика. 2013. № 1. С. 135-138.
11. Никитин А.И. Миротворчество ООН: об-

- новление принципов, реформирование практики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Том 60. № 3. С. 16-26.
12. Новиков С.С. Деятельность миротворческих миссий ООН, ОБСЕ и Российской Федерации в разрешении конфликтов на территории бывшей Югославии: автореф. дис.... докт. ист. наук. Владимир, 2011. 46 с.
13. Ромадан Л.И., Шагалов В.А. Сотрудничество ООН и АС по предотвращению конфликтов, поддержанию мира и миростроительству // *Вестник МГИМО-Университета*. 2015. № 6 (45). С. 174-181.
14. Рыбалкин С.В. Правоохранительный компонент в системе миротворческих операций ООН: научно-аналитическое пособие. М, 2015. 98 с.
15. Сидорова Г.М. Проблема миротворчества в условиях обострения конфликтов в Демократической Республике Конго // *Научный диалог*. 2012. № 9. С. 75-90.
16. Тамбовцев А.И., Зверев В.О. Особенности полицейской службы в составе международных сил в зонах локальных военных конфликтов // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2010. № 1 (40). С. 20-23.
17. Тишков С.А. Из опыта организации противодействия преступности на стадии развертывания миссии ООН в Косово // *Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы науки и практики: Сб. материалов I международной научно-практической конференции*. Орёл: Изд-во ОРАГС, 2009. С. 255-257.
18. Тишков С.А. Гражданская полиция ООН // *Обозреватель-Observer*. 2011. № 2 (253). С. 107-114.
19. Тишков С.А. Использование потенциала полицейского компонента ООН. Стратегические аспекты // *Обозреватель-Observer*. 2016. № 7 (318). С. 94-107.
20. Торкунов А.В. Международные отношения в посткризисном мире: взгляд из России // *Вестник МГИМО-Университета*. 2013. № 3 (30). С.7-11.
21. Цыбаков Д.Л. Влияние милитаризации на трансформацию современного миротворчества // *Обозреватель-Observer*. 2012. № 3 (266). С. 49-55.
22. Cockayne J., Malone D. The Ralph Bunche Centennial: Peace Operations Then and Now // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. 2005. vol. 11. no. 3. pp. 331-350.
23. Ilitchev A. Implementing the HIPPO Report: Sustaining Peace as a New Imperative? // *International forum for the challenges of peace operations policy brief 2015: 5. December 2015*. 14 p.
24. Lessons Learned from United Nations Peacekeeping Experiences in Sierra Leone. NY: Peacekeeping Best Practices Unit, UN DPKO, 2003.
25. Barker B., Burke T. Police as peacekeepers: the history of the Australian and New Zealand police serving with the United Nations Force in Cyprus, 1964-1984. Melbourne: UNCIVPOL Victoria, 1984. 240 p.
26. Rotmann P. First Steps towards a Police Doctrine for UN Peace Operations (2001-2006). IPES Working Paper no 18, October 2009. 20 p.
27. Sismanidis R. Police function in peace operations. Special report. Washington, DC: United States Institute of Peace, 1996. 26 p. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/pwks14.pdf>
28. The Police and International Human Rights Law. Cham: Springer International Publishing AG, 2018. 334 p.

Об авторах:

Сергей Александрович Тишков – к.п.н., доцент, заместитель начальника кафедры Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2. E-mail: stishkov@list.ru.

Дмитрий Константинович Лабин – д.ю.н., заведующий кафедрой публичного права МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: d.labin@inno.mgimo.ru.

INSTITUTIONALIZATION OF THE UN POLICE PEACEKEEPING

S.A. Tishkov, D.K. Labin

DOI 10.24833/2071-8160-2019-1-64-107-128

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Abstract: Article studies the strategic frame, organizational and operational aspects of UN peacekeeping missions police components activities to ensure sustaining peace.

It is noted that at present the UN Police actively participates in UN peace operations acting as an integrated solution of issues of peace and security. Consideration is also given to the growing importance of the UN Police to international peace and security and the increased attention given to policing by the Security Council and the Secretary General.

The UN police now engage in United Nations peace operations across the entire peace and security spectrum, from conflict prevention to peacekeeping and peacebuilding. Serving in the frame of UN interim administrations the UN Police acquired a unique experience of law enforcement and international cooperation on combating crime.

It underscores the most recent global developments, including advances made in the Strategic Guidance Framework for International Police Peacekeeping, to ensure coherence of effort and refine strategic police generation platforms.

From the viewpoint of the structural and functional approach, the UN Police as a peacekeeping actor has not only specific functions and tasks, but also the potential, organizational structure, trained personnel needed to perform a wide range of tasks both at the stage of conflict prevention and post-conflict peacebuilding.

The legal and organizational issues of UN Police involvement in peacekeeping activities are almost resolved. At present the UN Police component as an institutional subsystem represents an organizational structure that unites international policemen from various member states, which acts as a collective actor in UN peacekeeping.

Key words: United Nations, peacekeeping, police component, UN Police, international law enforcement institutions, political institute, political institutionalization.

References

1. Abramov A.V. *Politicheskij institut i politicheskaja institucionalizacija: opredelenie ponjatij* [Political institute and political institutionalization: definition of concepts]. *Vlast'*. 2010. no. 5. pp. 53-55. (In Russian).
2. Volevodz A.G. *Mezhdunarodnaja pravoohranitel'naja dejatel'nost' i mezhdunarodnye pravoohranitel'nye organizacii: opredelenie ponjatij* [International law enforcement activity and institutions of international law enforcement: notions]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal*. 2010, no. 11(30), pp. 128-134. (In Russian).
3. Volevodz A.G. *Mezhdunarodnye pravoohranitel'nye organizacii: ponjatie i sovremennaja sistema* [Institutions of international law enforcement: notions & systems]. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaja justicija*. 2011, no. 2, pp. 9-11. (In Russian).
4. Grishaeva L.E. OON: novyj gensek, starye problem [The UN: a new Secretary General, the old problems]. *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir*. 2017, no. 1 (11), pp. 9-24. (In Russian).
5. Erohina L.D. *Formy ehkspluatacii naseleniya v usloviyah voennykh konfliktov:*

- voennaya prostituciya i trgovlya zhen-shchinami [Forms of exploitation of the population in armed conflict: military prostitution and trafficking in women]. *ZHenshchina v rossijskom obshchestve*. 2009, no. 3, pp. 106-117. (In Russian).
6. Zhukovskij M.V. Uchastie sotrudnikov MVD Rossii v mezhdunarodnyh mirotvorcheskikh operacijah [Participation of the employees of Ministry of internal Affairs of the Russian Federation in international peacekeeping operations]. *Pravo i bezopasnost'*. 2012, no 1 (41), pp. 27-33. (In Russian).
7. Zverev P.G. O policeiskoj doctrine mirotvorcheskikh operacij Organizacii Obedinjonnykh Nacij [On the police doctrine of the United Nations peacekeeping operations]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2014, no. 1, pp. 71-76. (In Russian).
8. Zverev P.G. Sotrudnichestvo Organizacii Obedinennykh Nacij i Mezhdunarodnoj organizacii ugovnoj policii (Interpol) po voprosam mezhdunarodnogo mirotvorchestva [Cooperation between the United Nations and the International Criminal Police Organization (Interpol) on international peacekeeping]. *Gosudarstvo i pravo: jevoljucija, sovremennoe sostojanie, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiju rossijskoj policii)*. Saint-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. 2017. Pp. 300-302. (In Russian).
9. Konyshhev V.N., Kubyshekin A.I., Sergunin A.A. Zashchita grazhdanskogo naseleniya v mirotvorcheskoy deyatel'nosti OON: problemy i perspektivy [Protection of civilians in UN peacekeeping: challenges and prospects]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 2015, no 26, pp. 53-66. (In Russian).
10. Krjukov K.G. Osobennosti vzaimodejstviya sotrudnikov policii mirotvorcheskikh missij OON s mestnym naseleniem i mezhdub soboj [Features of interaction of UN peacekeeping missions police officers with the local population and between them]. *Pravoohranitel'nye organy: teorija i praktika*. 2013, no 1, pp. 135-138. (In Russian).
11. Nikitin A.I. Mirotvorchestvo OON: obnovlenie principov, reformirovanie praktiki [United Nations Peace Operations: reconsidering the principles, reforming the practice]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016, vol. 60, no 3, pp. 16-26. (In Russian).
12. Novikov S.S. *Dejatel'nost' mirotvorcheskikh missij OON, OBSE i Rossijskoj Federacii v razreshenii konfliktov na territorii byvshej Jugoslavii* [Activities of peacekeeping missions of the UN, OSCE and the Russian Federation in the resolution of conflicts in former Yugoslavia]. Vladimir, 2011. 46 p. (In Russian).
13. Romadan L.I., SHagalov V.A. Sotrudnichestvo OON i AS po predotvrashcheniyu konfliktov, podderzhaniju mira i mirostroitel'stvu [United Nations - African Union cooperation in conflict prevention, peacekeeping and peacebuilding]. *MGIMO Review of International Relations*. 2015. no 6 (45). pp. 174-181.
14. Rybalkin S.V. *Pravoohranitel'nyj komponent v sisteme mirotvorcheskikh operacij OON* [Law enforcement component in the UN peacekeeping operations system]. Moscow, 2015. 98 p. (In Russian).
15. Sidorova G.M. Problema mirotvorchestva v usloviyah obostreniya konfliktov v Demokratcheskoj Respublike Kongo [Peacekeeping problem in context of conflict escalation in Democratic Republic of Congo]. *Nauchnyj dialog*. 2012, no. 9, pp. 75-90. (in Russian).
16. Tambovtsev A.I., Zverev V.O. Osobennosti policejskoj sluzhby v sostave mezhdunarodnyh sil v zonah lokal'nyh voennykh konfliktov [Peculiarities of policing in the context of international forces in local armed conflict zones]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*. 2010, no 1 (40), pp. 20-23. (In Russian).
17. Tishkov S.A. Iz opyta organizacii protivodejstviya prestupnosti na stadii razvertyvaniya missii OON v Kosovo [The experience of the organization of combating crime at the stage of deployment of the UN mission in Kosovo]. *Prava i svobody cheloveka i grazhdanina: aktual'nye problemy nauki i praktiki*. Orel: Izd-vo ORAGS. 2009. pp. 255-257. (in Russian).
18. Tishkov S.A. Grazhdanskaya politsiya

- OON [The UN civilian police: actual aspects of peacekeeping]. *Obozrevatel'-Observer*. 2011, no. 2 (253), pp. 107–114. (In Russian).
19. Tishkov S.A. Ispol'zovanie potentsiala policejskogo komponenta OON. Strategicheskie aspekty [Strategic issues of UN Police component potential applying]. *Obozrevatel'-Observer*. 2016, no. 7 (318), pp. 94–107 (In Russian).
 20. Torkunov A.V. Mezhdunarodnye otnosheniya v postkrizisnom mire: vzglyad iz Rossii [International relations in the post-crisis world: a view from Russia]. *MGIMO Review of International Relations*. 2013. no. 3 (30). pp. 7–11. (In Russian).
 21. Tsibakov D.L. Vliyanie militarizatsii na transformatsiyu sovremennogo mirovorchestva [The Influence of the militarization on the transformation of modern peacekeeping]. *Obozrevatel'-Observer*. 2012, no. 3 (266), pp. 49–55. (in Russian).
 22. Cockayne J., Malone D. The Ralph Bunche Centennial: Peace Operations Then and Now // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. 2005. vol. 11, no. 3. pp. 331–350.
 23. Ilitchev A. Implementing the HIPPO Report: Sustaining Peace as a New Imperative? International forum for the challenges of peace operations policy brief 2015: 5. December 2015. 14 p.
 24. Lessons Learned from United Nations Peacekeeping Experiences in Sierra Leone. New York: Peacekeeping Best Practices Unit, UN DPKO, 2003.
 25. Barker B., Burke T. Police as peacekeepers: the history of the Australian and New Zealand police serving with the United Nations Force in Cyprus, 1964–1984. Melbourne: UNCIVPOL Victoria, 1984. 240 p.
 26. Rotmann P. First Steps towards a Police Doctrine for UN Peace Operations (2001–2006). IPES Working Paper no 18, October 2009. 20 p.
 27. Sismanidis R. Police function in peace operations. Special report. Washington, DC: United States Institute of Peace, 1996. 26 p. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/pwks14.pdf>
 28. The Police and International Human Rights Law. Cham: Springer International Publishing AG, 2018, 334 p. URL: <http://www.eb4all.com/2018/02/21/the-police-and-international-human-rights-law/>

About the authors:

Tishkov Sergey Aleksandrovich – PhD of Political Sciences, Assistant Professor. Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Deputy Head of Chair. Ignatova street, 2, Orel, 302027. E-mail: stishkov@list.ru.

Labin Dmitry Konstantinovich – Doctor of Law, Head of the Department of Public Law, MGIMO University. Russia, 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76. E-mail: d.labin@inno.mgimo.ru.

НЕОФРАНКИЗМ И ПРОБЛЕМА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ

А.В. Дементьев

Дипломатическая академия МИД России

Статья посвящена наблюдающемуся в последние годы в испанском обществе усилению праворадикальных и популистских настроений, что является во многом следствием как этнонациональных конфликтов, прежде всего в Каталонии, так и обострившихся в стране социальных и идеологических противостояний. Происходит усиление влияния неотрадиционалистов и неоконсерваторов, чьи призывы защитить территориальную целостность страны, уберечь христианские ценности и исторические традиции испанской нации, звучат всё громче, перекликаясь с идейно-политическим наследием Франко. В Испании действуют политические силы из числа неофранкистов, неофалангистов, монархистов, карлистов и даже части военнослужащих пропагандирующих вклад диктаторского режима в историческое и социально-экономическое развитие страны в XX в. В статье приводятся факты, доказывающие, что в современной Испании базовые постулаты франкизма, связанные, прежде всего, с сохранением территориальной целостности страны и единства испанской нации находят отклик. Отмечается, что на фоне роста сепаратистских устремлений в регионах оживился великоиспанский национализм, по сути, неофранкизм, обретающий в последнее время всё более реальные политические формы. Этот вывод подтверждает успех праворадикальной партии «Вокс» на выборах в региональный парламент Андалусии в декабре 2018 г. Автор статьи высказывает предположение, что при сохранении нынешних тенденций испанские ультранационалисты и неофранкисты могут оказаться представленными не только в региональных парламентах страны, но и получат депутатские мандаты в Генеральных кортесах и Европарламенте.

Ключевые слова: Испания, гражданская война, идеология, франкизм, авторитаризм, диктатура, национализм, территориальная целостность, сепаратизм.

Цель работы – проанализировать причины усиления ультранационалистических и праворадикальных, по сути неофранкистских настроений в испанском обществе в условиях консолидированной демократии. В ходе рассмотрения данного вопроса автор уделяет основное внимание эт-

УДК 329.7

Поступила в редакцию 11.06.2018 г.

Принята к публикации 24.02.2019 г.

нонациональной проблематике в Испании, оставляя вне рамок исследования такие немаловажные факторы радикализации испанского общества, как разочарованность испанцев в неолиберальной модели капитализма, переживаемые страной социально-экономические трудности, растущий евроскептицизм и ксенофобию, ряд других. Актуальность работы обусловлена важностью научного осмысления таких явлений современности, как межэтнические конфликты, национал-радикализм и сепаратизм. Анализ происходящих в Испании процессов, грозящих распадом одного из древнейших государств Европы по этнотерриториальному признаку, представляется весьма востребованным.

Раны кровопролитной Гражданской войны 1936-1939 гг. в Испании ещё окончательно не затянулись. Многие политические события современности анализируются сквозь призму почти 40-летнего авторитарного правления Ф. Франко (1936-1975). Деятельность *каудильо*¹ до сих пор будоражит испанцев, вызывая разноречивые чувства: от жгучей ненависти до искренней признательности. Даже сегодня историческая память о братоубийственной войне и жестокой диктатуре оказывается компонентом политического поведения различных партий. Уместно в этой связи привести мнение современного испанского историка Э. Морадельбоса (род. в 1961 г.) о том, что «значительная часть современной политической культуры Испании проистекает от франкизма»².

Принятое в 2018 г. правительством Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) во главе с П. Санчесом решение эксгумировать останки диктатора и перенести их из мемориального комплекса Долины Павших в другое место вновь пробудило интерес простых испанцев и научного сообщества к идейно-политическому наследию франкизма, среди составляющих которого выделяются национал-традиционализм, клерикализм, антикоммунизм, идеология Национального движения (фашистской Испанской фаланги), силовое подавление инакомыслия, отраслевой корпоративизм (вертикальные профсоюзы), государственный патернализм. Однако в центре общественного внимания оказался не утративший своей актуальности ключевой постулат франкизма – единство испанской нации и страны. Причина этому – стоящие перед Испанией злободневные вызовы, связанные, в частности, с задачами перестройки взаимоотношений между центральными властями и региональными элитами, в том числе на путях потенциально возможной федерализации страны.

В последнее время не только в молодёжной, но и научной среде, можно услышать вопрос: «А что такое франкизм? Живо ли идейно-политическое наследие диктаторского режима в современной Испании». Конечно, такие составляющие франкизма как клерикализм, антикоммунизм, силовое подавление инакомыслия остались в прошлом. Однако, как считает политолог Университета

¹ В переводе с испанского – *вождь, предводитель*.

² Moradiellos E. No llamar dictador a Franco es absurdo // El País. 10.01.2019. [Электронный ресурс] URL: https://elpais.com/cultura/2018/12/28/actualidad/1546012240_937807.html (Дата обращения: 11.02.2019)

Страны Басков Э. Уриарте, нельзя обойти вниманием «длинную руку франкизма, дотягивающуюся из прошлого века до наших дней» [23, с. 181]. Ему вторит известная отечественная учёная-испанист С.П. Пожарская, справедливо вопрошающая: «Но можно ли с уверенностью утверждать, что среди тех камней, что составляют здание современной Испании, нет ни одного, который был бы заложен рукой Франко?» [5, с. 353].

Проблематике франкизма посвящены тысячи научных и публицистических работ. Однако научное представление о франкизме, несмотря на обилие академических и публицистических изданий, всё ещё остаётся фрагментарным. Более того, до сих пор не существует устоявшегося научного определения франкизма и франкистской идеологии.

Франко не оставил обстоятельного теоретического наследия. Как отмечала С.П. Пожарская, «Франко не был человеком идеи, связанной с какой-либо политической доктриной, ему был свойственен известный эклектизм» [5, с. 236]. Этому же мнения придерживаются известные биографы Ф. Франко С. Пейн и Х. Паласиос: «Как и большинство выдающихся политических акторов, Франко никогда не был создателем специфической идеологии, основанной на собственных идеях. Как и большинство известных политических лидеров, он пользовался чужими идеями» [21, с. 625-626].

Следует указать на эклектичность идейно-политического наследия каудильо. Испанский публицист Амандо де Мигель ещё в 1975 г. указал на существование по крайней мере одиннадцати идеологических компонентов, присущих франкистскому режиму: «авторитаризм, корпоративизм, националистический консерватизм, утопический “третий путь”, имперский триумфализм, либеральная ностальгия, национал-католицизм, антропологический катастрофизм, избирательный патернализм, технократизм во имя развития, популизм» [19, с. 237-352]. Авторы весьма обстоятельного и объективного для своего времени исследования «Современная Испания» также отмечают, что «навязываемая франкизмом испанскому обществу идеологическая платформа представляла собой невероятно причудливую смесь идеологических и политических доктрин различных реакционных течений, групп и партий» [1, с. 11]. Анализ идейного наследия Франко затруднён не только по причине аморфности и разнонаправленности его развития [11, с. 10-11], но и в силу как минимум трёх этапных трансформаций, которые пережил режим: 1) этап формирования государственности (1936-1945); 2) этап политической консолидации и национал-религиозного корпоративизма (1945-1959); 3) этап ускоренного технократического развития (1959-1975).

Ряд исследователей уделили особое внимание влиянию фашистской идеологии на мировоззрение Франко [4; 6; 8; 15; 19]. Но никто не представил убедительных доказательств того, что Франко искренне и безраздельно разделял фашистское мировоззрение. В отличие от Муссолини и Гитлера он не был ни видным идеологом, ни харизматичным фашистским лидером. Однако он ис-

пользовал фашистскую доктрину как отправную точку для последующего осуществления своего весьма эклектичного государственного проекта. По этой причине Исмаэль Сас определял режим Франко не как фашистский, а как *фашиствующий* (*fascistizado*) [21, с. 632]. Более того, после окончания Второй мировой войны влияние фашистской идеологии на диктатуру стало падать. Для идеологической поддержки режима был сделан упор на таких традиционных ценностях как семья, религия, армия, законопослушание, добропорядочность, частная собственность. Активно пропагандировались государственный патернализм и корпоративизм, как средства урегулирования трудовых споров и противодействия забастовочному движению.

Начало дискуссии о том, существует ли на самом деле или нет франкистская идеология, положил ещё в 1964 г. профессор Йельского университета Х.Х. Линц. По мнению этого известного политолога, «франкизм обладал не идеологией, а особой ментальностью, что противопоставляло его разработанным идеологиям классических тоталитарных режимов» [18, с. 295]. Автор данной статьи, во многом разделяя мнение Х.Х. Линца, считает, что франкизм – это не полноценная, стройная идеология, а сложное сочетание доктринальных постулатов, преследующих цель сохранить диктаторский режим, единство страны и нации на основе авторитаризма, великоиспанского национализма, культурного и религиозного традиционализма, подавления региональных этно-исторических идентичностей, популизма и антикоммунизма.

Расстановка внутривластных сил в современной Испании меняется весьма быстро, что не позволяет многим исследователям оперативно оценить происходящие в этой стране сдвиги. Например, исследователи Университета Комплутенсе Х. Антон-Мельон и А. Эрнандес-Карр в своей работе о причинах электорального роста праворадикальных и популистских сил в Европе фактически обходят вниманием потенциальную роль и возможности испанской ультранационалистической неофранкистской партии «Вокс» в политической жизни собственной страны [9, с. 17-28].

Следует учитывать, что понятие *франкизм* в определённой мере табуировано в Испании, так как воплощает крайне трагический период испанской истории. Поэтому те силы, которые с достаточным основанием могли бы именовать себя *неофранкистскими*, всячески уходят от подобной классификации, причисляя себя к категории *неотрадиционалистов* или *неоконсерваторов*.

Экзгумация идейного наследия Франко

Печальная годовщина – 80-летие со дня окончания Гражданской войны в Испании (1 апреля 1939 г.) возвращает исследователей к непростому вопросу: живо ли идейное наследие диктатора Франко в демократической Испании? Приходится констатировать, что базовые постулаты франкизма, относящиеся к задаче сохранения территориального единства Испании и испанской нации, не

только не утратили своей актуальности, но и находят всё более живой отклик в современном испанском обществе.

Франсиско Франко – испанский военный и государственный деятель, каудильо Испании в 1939-1975 гг., оставил после себя недобрую славу одного из руководителей военного путча 1936 г., приведшего к Гражданской войне (1936-1939). Вооружённое противостояние мятежников и сторонников Второй Республики (1931-1939)³ обошлось Испании в полмиллиона погибших, из которых каждый пятый стал жертвой не боевых действий, а политических репрессий по обе стороны фронта. После победы в войне Ф. Франко, совмещая функции главы государства, правительства и верховного главнокомандующего (*Generalísimo*), установил авторитарный режим с диктаторской формой осуществления власти. 20 ноября 1975 г. Ф. Франко не стало. Начался период «*трансисьон*» (*transición*), мирного перехода от франкизма к демократии. 29 декабря 1978 г. вступила в силу демократическая Конституция. 1986 г. был отмечен присоединением страны к ЕЭС. Сейчас Испания представляет собой экономически развитое, правовое государство, в основе которого лежат такие принципы, как разделение властей, суверенитет народа, равенство граждан, соблюдение прав человека, политический плюрализм, свобода слова. Именно эти демократические ценности отсутствовали во франкистской Испании.

В июне 2018 г. правительство ИСРП во главе с П. Санчесом объявило о намерении перезахоронить останки Ф. Франко. Объяснение этому дал сам премьер, отметивший, что Испания, как сложившаяся европейская демократия, не может допустить символы, разделяющие испанцев. Было объявлено, что прах диктатора будет перенесён из базилики мемориального комплекса Долины Павших (60 км от Мадрида)⁴ в иное место по согласованию с внуками бывшего правителя страны, но те не только не дали своего согласия на перезахоронение, но и пригрозили судебной тяжбой, как в вопросе эксгумации, так и последующей ингумации останков их деда. Следует признать, что выбор места погребения бывших диктаторов, авторитарных правителей или иных руководителей, чья прижизненная деятельность неоднозначно воспринимается потомками, вопрос деликатный. В ряде случаев такие захоронения превращаются в культовые места памяти или же привлекают многочисленных туристов⁵.

Несмотря на противодействие семьи Франко, у правительства ИСРП имелось юридическое обоснование эксгумации. Ещё в декабре 2007 г., когда социалисты располагали большинством в Конгрессе депутатов (нижняя палата Генеральных кортесов), был принят Закон об исторической памяти (*Ley de Memoria*

³ Первая Испанская Республика просуществовала недолго – с февраля 1873 г. по декабрь 1874 г.

⁴ Строительство этого мемориального комплекса, задуманного Франко как символ примирения и единения всех испанцев, началось в 1940 г. и было завершено в 1959 г.

⁵ Подобное произошло, в частности, с могилами таких политических деятелей, как Л. Троцкий (место захоронения район Койоакан, г. Мехико), Б. Муссолини (Предаппио, область Эмилия-Романья, Италия). Не угасают споры в нашей стране относительно целесообразности сохранения забальзамированного тела В.И. Ленина в Мавзолее на Красной площади.

Histórica 52/2007), суть которого заключалась в осуждении франкистской диктатуры и реабилитации жертв репрессий. Отдельная статья закона была посвящена комплексу Долины Павших, который объявлялся деполитизированным мемориалом. Вопрос имел особую важность по той причине, что с 1975 г. места захоронения Франко и основателя Испанской фаланги⁶ Х.А. Примо де Риверы (их могилы располагались рядом в непосредственной близости от алтарной части базилики)⁷ использовались членами ультраправых организаций для проведения манифестаций в память как бывшего диктатора, так и основателя фашистской партии. В сентябре 2018 г. у правительства социалистов появился дополнительный юридический аргумент, когда по итогам голосования в Конгрессе депутатов 13 сентября 2018 г. было принято решение эксгумировать прах Франко⁸.

Большинство испанцев поддержало идею переноса могилы каудильо из Долины Павших в другое место. Вместе с тем высказывались и осторожные суждения. Например, лидеры правоцентристской Народной партии (НП), не возражая в принципиальном плане против эксгумации праха каудильо, критиковали социалистов за излишнюю поспешность в этом вопросе, поясняя, что перед правительством П. Санчеса стояли куда более злободневные задачи в социально-экономической и иммиграционной сферах. Одновременно звучали предостережения о том, что инициатива ИСРП вернёт испанцев к трагическому прошлому, заставит их заняться переосмыслением не только трагического опыта Гражданской войны 1936-1939 гг., но и политического наследия Франко. На деле так и произошло. Косвенным подтверждением этого стал увеличившийся поток туристов к месту захоронения бывшего диктатора. За одиннадцать месяцев 2018 г. мемориальный комплекс в Долине Павших посетили 341 тыс. чел., что на 57 тыс. чел. превысило показатель за весь 2017 г.⁹

На фоне споров вокруг переноса останков каудильо повышенную активность стали проявлять *ностальгирующие* (*nostálgicos*), по сути – неофранкисты. С наиболее энергичной критикой вскрытия могилы выступили руководители Национального фонда Франсиско Франко (НФФФ). Этот фонд, созданный в октябре 1976 г., был официально зарегистрирован в 1977 г. как частная культурно-просветительская организация. Тем не менее, учредители добились права именовать фонд *национальным*, что вызывает у многих испанцев

⁶ Политическая партия фашистского толка, основанная в 1933 г. Х.А. Примо де Риверой.

⁷ Правительством социалистов было также принято решение о перезахоронении останков Х.А. Примо де Риверы. Однако прах Х.А. Примо де Риверы не должен был покинуть пределы мемориала, а быть перенесенным из центральной части базилики в боковую крипту. Юридическим основанием был тот факт, что лидер испанских фашистов считался жертвой Гражданской войны (был расстрелян республиканцами 20 ноября 1936 г.), в то время как Ф. Франко под категорию жертвы Гражданской войны никак не подпадал.

⁸ За проголосовали 172 депутата (ИСРП, Унидос Подемос, Баскская националистическая партия, каталонские и канарские националисты), 164 воздержались (Народная партия, «Сьюдаданос», Союз наваррского народа).

⁹ Marta R. Domingo: "Año de récord en el Valle de los Caídos por el anuncio de la exhumación de Franco" // ABC, 15/12/2018. URL: https://www.abc.es/espana/madrid/abci-record-valle-caidos-anuncio-exhumacion-franco-201812150101_noticia.html (Дата обращения 16.12.2018)

недоумение^{10, 11}. Например, депутаты левой коалиции «Унидос Подемос» задавали вопрос с трибуны Конгресса депутатов: «Можно ли себе представить в современной Германии деятельность Национального фонда Адольфа Гитлера?».

Руководители ИСРП не расстаются с идеей о запрете деятельности НФФФ как противоречащей Закону об исторической памяти. В качестве основания для запрета НФФФ приводятся цитаты его руководителей, публично заявлявшие, что «период правления Ф. Франко нельзя именовать диктаторским», а «франкистские репрессии – это лживая выдумка»¹². Ссылки делаются и на примеры зарубежных стран, в частности ФРГ, где пропаганда фашизма и нацизма преследуется по закону. Следует заметить, что испанское законодательство достаточно толерантно в отношении организаций праворадикального, неофранкистского толка. В стране легально действует не только НФФФ, пропагандирующий идейно-политическое наследие диктатора, но и ряд неофалангистских (по сути, неофашистских) партий (Испанская фаланга ХОНС, Истинная фаланга ХОНС, Независимая испанская фаланга и др.), не имеющие, правда, широкой социальной поддержки.

К критикам эксгумации присоединились неофранкисты из числа бывших военных. В начале августа 2018 г. они опубликовали манифест с осуждением намерения кабинета П. Санчеса изъять останки Франко из мемориала Долины Павших. В манифесте говорилось о боевых заслугах генералиссимуса. Отмечалось, что мятеж 1936 г. стал «реакцией Испании, подвергшейся агрессии со стороны международного коммунизма»¹³. Кроме того, проводилась мысль, что современная Испания переживает сложный этап во многом схожий с периодом Второй Республики, когда стране грозил распад по этнонациональному признаку. Манифест стал неожиданностью для общественности, т.к. среди его подписантов (более 180 чел.) фигурировали известные в прошлом военнослужащие, например, генерал Альберто Асарта, бывший командующий воинским контингентом миротворцев ООН в Ливане. Заявление, восхвалявшее Франко, насторожило испанскую общественность до такой степени, что Министерство обороны было вынуждено выступить со специальным разъяснением в том духе, что подписанты манифеста – бывшие военные, не имеющие никаких полномочий для выражения умонастроений в рядах испанской армии. Тем не менее, как стало известно, Министерство обороны начало служебное расследование о поведении пяти числящихся в запасе военнослужащих, подписавших *крамольный* документ¹⁴. Профессор Университета Ла Риоха Карлос Навакас на страницах

^{10, 11} Председателем фонда с 1976 г. по 29 декабря 2017 г. (день смерти) была Мария дель Кармен Франко Поло, единственная дочь каудильо. Численность его членов по состоянию на 2018 г. превышала 1000 чел.

¹² EL País, 16/07/2018, p.20.

¹³ "Defensa investiga a los cinco militares en la reserva que firmaron el manifiesto que exaltaba a Franco" // El País. 18/08/2018. [Электронный ресурс] URL: https://elpais.com/politica/2018/08/18/actualidad/1534591963_820354.html (Дата обращения 25.08.2018).

¹⁴ Europa Press: "Defensa abre una investigación por los reservistas que firmaron un manifiesto que exalta a Franco" // El Mundo. 18/08/2018. [Электронный ресурс] URL: <http://www.elmundo.es/espana/2018/08/18/5b77f590e5fdea2e438b457e.html> (Дата обращения 19.08.2018)

газеты «Эль Паис» выразил глубокую озабоченность по поводу восхваления деятельности Франко консервативно настроенными военными. Еще 10-20 лет тому назад, по его словам, «подобное было бы просто немыслимо»¹⁵. Распространённость неофранкистских настроений в испанском обществе, в частности в армейских кругах, подтверждает сказанное Саидой Кантера, майором (в отставке) испанской армии, а ныне депутатом Генеральных кортесов от ИСРП: «Франкизм в армии существует, так же как он продолжает существовать в испанском обществе. ...Могу засвидетельствовать проявления откровенно франкистских взглядов среди как командного, так и отдельных элементов рядового состава армии. Причём в присутствии политических деятелей эти военнослужащие уверяют в своей преданности демократии»¹⁶.

Один народ, одна нация, одно государство, одна религия

Как уже отмечалось выше, многие составляющие идеологии периода диктатуры безнадежно устарели. Тем не менее, один важный аспект франкистского наследия до сих пор не утратил своей актуальности. Речь идёт о единстве страны и испанской нации, которое в последнее время проходит очередную проверку на прочность. Причина кроется в том, что этнонациональная конфликтность в Испании сохраняется. Её питательной средой является принципиальное несогласие ведущих партий страны (НП, ИСРП, «Сьюдаданос») с политикой каталонских и баскских радикалов, направленной на суверенизацию этих регионов. Наиболее веским аргументом в защиту единства Испании является ссылка на действующую Конституцию, которая не наделяет регионы правом на самоопределение¹⁷. Эта позиция Мадрида, имеющая широкий общенациональный консенсус, не обладает столь же однозначной поддержкой в Каталонии и Стране Басков. Таким образом, в обозримой перспективе устранение конфликта затруднительно в силу того, что один из его участников законодательно лишён права на достижение конечной цели – выхода из состава Испании.

Сохранение единства нации и страны – краеугольный камень франкизма. Каудильо признавал историческое своеобразие регионов, но категорически отрицал даже потенциальную возможность выхода регионов из состава Испании. В результате власти противодействовали предоставлению регионам широкой административной автономии, а любые проявления региональной идентичности, в том числе в культурно-языковой сфере, безжалостно подавлялись. Острые репрессивной политики было направлено против региональных националистов, прежде всего Каталонии и Страны Басков. Эта линия проводилась на

¹⁵ Sevillano E. G. El Ejército aún se sacude su pasado franquista // El País. 26/08/2018. [Электронный ресурс] URL: https://elpais.com/politica/2018/08/25/actualidad/1535213774_487796.html (Дата обращения 27.08.2018)

¹⁶ Sevillano E. G. "El Ejército aún se sacude su pasado franquista " // El País. 26/08/2018. [Электронный ресурс] URL: https://elpais.com/politica/2018/08/25/actualidad/1535213774_487796.html (Дата обращения 27.08.2018)

¹⁷ Статьи 2, 8 (п.1), 145, 155 Конституции Испании.

всех этапах правления Франко вплоть до последних дней диктатора. Отнюдь не случайно, что в его кратком предсмертном обращении к испанцам говорилось: «Сохраните единство всех земель Испании во всём богатом многообразии её регионов как источника укрепления единства нашей Родины»¹⁸.

Среди основных причин Гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. чаще всего называют следующие: классовые противоречия между элитой и малоимущими слоями населения, идеологическое противоборство правых и левых, столкновение монархистов и республиканцев, конфронтация между Испанией светской и Испанией католической. Однако это неполный список. Была ещё одна важная причина, которую особо выделяет Э. Бивор, – проблема единства нации, следствием которой стало столкновение государственного централизма с региональным сепаратизмом [2, с. 10].

По мнению испанского политолога Х. Альвареса Хунко, Гражданская война упростила спектр идеологических противостояний, сведя их к двум основным категориям. Первая, республиканская, вобравшая в себя светско-прогрессивное наследие XIX в. Вторая, национальная или католико-консервативная, суть которой заключалась в территориальном единстве Испании и преданности богу и родине [7, с. 140]. Национальная идея была проще, примитивнее, а поэтому более понятной обывателю. Главное в ней заключалось в приверженности *нации*, поэтому с самого начала войны мятежники именовали себя *националистами*¹⁹. Что означало «*нация*», детально не объяснялось, но это понятие содержало в себе всё хорошее, доброе, привычное. В то же время республиканская идеология включала в себя весьма широкий набор концептуальных понятий: равенство, свобода, прогресс, демократия, гражданственность, коллективизм, федерализм, безбожие. Обыватель терялся перед таким обилием идей, среди которых он не обнаруживал привычные для себя понятия – единая родина, церковь, семья. Не было чёткого отношения к региональным национализмам, прежде всего каталонскому и баскскому. Теоретическая недосказанность усугублялась стремлением республиканских идеологов как можно дальше отойти от франкистских постулатов. Отрицая постулаты мятежников, республиканцы не предлагали взамен собственных чётких предложений по этно-национальному переустройству страны. В результате происходило внутреннее отторжение идеологических установок республиканцев.

Франкистская концепция «*один народ, одна нация, одно государство, одна религия*» была навязана той половине страны, которая три года выступала на стороне Республики. Однако насильно навязанная идея не в состоянии укрепить национальное единство. Напротив, подавление инакомыслия, прежде всего в

¹⁸ Это обращение зачитал, выступая по телевидению 21 ноября 1975 г. председатель правительства К. Ариас Наварро. URL: <http://lahemerotecadelbuitre.com/piezas/muere-el-dictador-de-espana-general-franco-y-la-prensa-le-cubre-de-elogios/>.

¹⁹ Устоявшийся термин, но, по мнению автора данной статьи, не совсем правильный, так как мятежники именовали себя не *националистами* (*nacionalistas*), а *националами* (*nacionales*).

Каталонии и Стране Басков, объективно порождало неприятие франкизма. Видимое единство нации достигалось за счёт всепроникающей пропаганды и репрессий в отношении несогласных. Половина испанцев была вынуждена затаиться и молчать, но их молчание не означало согласие или одобрение. Более того, франкизм не только ослабил у испанцев чувство приверженности национальному единству, но и усилил антииспанские настроения, прежде всего среди каталонцев и басков. Сразу же после смерти диктатора национальному вопросу в его франкистской интерпретации было отказано в праве на существование как консервативному, антидемократическому и не учитывающему исторические права регионов. В результате франкистская модель единой нации была отвергнута, но не в силу своей природы, а только по той причине, что она была *франкистской*.

Проблематика сохранения единства нации и страны находится в тесной взаимосвязи с *великоиспанским национализмом*, который чаще всего ассоциируется с идеологией, базовым принципом которой является тезис о первичности испанской нации в государствообразующем процессе. Великоиспанский национализм проявлялся в разные периоды истории. Он был главенствующей идеологией не только в периоды монархического абсолютизма или диктаторского правления М. Примо де Риверы и Ф. Франко, но был присущ испанским либералам XIX в., для которых такие понятия как свобода, равенство и прогресс укладывались в рамки только централизованного национального государства. Не случайно, что при редактировании Кадисской конституции 1812 г. (весьма прогрессивной для своего времени) именно в вопросе национально-территориального устройства расхождения между либералами и консерваторами были минимальными: и те, и другие ратовали за единое национальное государство.

Великоиспанский национализм был одной из ключевых составляющих франкистской идеологии. Причём в период диктатуры не было необходимости издавать какие-либо специальные нормативные акты, ставящие вне закона административную автономию регионов или их этнокультурную идентичность. Базовое законодательство не нуждалось в закреплении того, что должно было быть ясно и понятно всем испанцам. В умах приверженцев великоиспанского национализма имеется несколько исторических стереотипов, которыми они оперируют для объяснения преимуществ жёстко централизованного государства. Первый стереотип – это образ могущественной империи XVI-XIX вв., в пределах которой, как с гордостью утверждалось, никогда не заходило солнце. Нити управления этой некогда обширной империи сходились в одну географическую точку – Мадрид. Второй стереотип – это ностальгия о франкизме, который насильственным путём отверг всякое деление на кастильцев, каталонцев, басков, галисийцев, провозгласив наличие в стране одной-единственной нации – испанской. Третий – это миф возрождения, возвращения к древним истокам и традициям. Показательно, что приверженцы этих трёх стереотипов оперируют преимущественно историческими примерами, абстрагируясь от реалий сегодняшнего дня [14, с. 18-20].

Испанский политолог Х.П. Фуси так характеризовал идеологию франкистского национализма: «Милитаризм и антисепаратизм были основными компонентами испанского национализма XX в., которые сопровождались эмоциональным восхвалением идеи Испании, почти мистической верой в её судьбу и восхвалением её религиозного и боевого прошлого. Испанский национализм разработал национал-милитаристскую теорию, в силу которой армия становилась символом и несущей конструкцией национального единства, католицизм – национальной сущностью, а сильное, централизованное, унитарное и авторитарное государство – важнейшим условием национального спасения» [13, с. 256]. Великоиспанский национализм не только существует, но и пополняет свои ряды за счёт *nostálgicos*, т.е. *ностальгирующих* по старым временам, а также тех, кто не согласен с радикальными подходами региональных националистов. В определённой мере, великоиспанский национализм – это ответная реакция на консолидацию региональных национализмов [16, с. 18; 10, с. 91].

Кризис государства автономий

После краха франкизма важнейшая задача, стоявшая перед Испанией, заключалась в мирном переходе к демократии. Наиболее труднопреодолимым препятствием на этом пути являлась именно этнонациональная проблема. Во многом решение этого вопроса было тем оселком, на котором проверялась на прочность жизнеспособность молодой испанской демократии. В процессе поиска национальной и этнической идентичности, ставшего важнейшей отличительной чертой общественного сознания Испании во второй половине XX в., новая модель национально-территориального устройства (Государство автономий), начало которой было положено в 1978 г., стала прагматичным выходом из опасной дилеммы: кантонизация страны или возврат к жёсткому унитаризму. Создатели проекта Конституции 1978 г., осознававшие пагубность для Испании повторения франкистской политики жёсткой централизации, стремились найти новые формы переустройства страны. Желание было прагматичным: не заниматься поисками конкретного типа государственного устройства, а в рамках Государства автономий найти гибкую систему отношений, которая бы позволила сочетать сохранение традиционных основ испанской государственности с максимально возможной реализацией потребности национальных и этнических сообществ, прежде всего, каталонцев и басков, в сохранении и развитии их идентичности. В результате с правовой и политической точек зрения Государство автономий – понятие аморфное. Это некая идеальная формула, способная удовлетворить интересы всех народов и регионов Испании. Так же как мировое сообщество борется против терроризма, не обладая универсально признанным понятием этого страшного явления, так и испанцы стремятся к достижению Государства автономий, не имея о нём единого мнения [3, с. 9]. Сама формула Государства автономий и её составляющие мыслятся по-разному. Каждая по-

литическая партия и каждый регион предлагают ей свою собственную интерпретацию. В результате среди испанцев до сих пор нет единого общенационального критерия, в какой пропорции соотносятся общенациональные интересы с интересами регионов, в какой степени соблюдается принадлежность к единой нации с этнонациональной идентичностью жителей различных регионов, часть из которых предпочитает именоваться только испанцами, другие – одновременно испанцами и басками (каталонцами, галисийцами и т.д.), а третьи именуют себя исключительно басками, каталонцами или галисийцами. Вопрос, где проходит зыбкая грань между общенациональным и региональным, пока не находит должного ответа.

В последние годы вопрос единства испанской нации и страны приобрёл для полиэтнической Испании особую остроту в связи с попытками каталонских руководителей добиться от Мадрида признания права жителей этого автономного сообщества²⁰ на самоопределение. Ситуация усугубилась после того, как 1 октября 2017 г. Женералитат (орган самоуправления Каталонии) организовал, несмотря на противодействие центрального правительства и Конституционного суда, референдум о независимости региона. За выход из состава Испании проголосовало 90,18% (2,044 млн чел.) участников плебисцита. Против – 7,83% (0,177 млн чел.). Однако явка была низкой – 43% всех избирателей, обладавших правом голоса (2286 млн из 5,3 млн чел.). После одностороннего провозглашения Женералитатом независимости и образования *Каталонской Республики* правительство НП во главе с М. Рахоем²¹ пошло на беспрецедентный, но вынужденный шаг: в соответствии со статьей 155 Конституции страны в Каталонии было введено прямое правление Мадрида, а организаторы антиконституционного референдума во главе с председателем правительства К. Пучдемоном были подвергнуты судебному преследованию.

Каталонский кризис 2017-2018 гг. в немалой степени мобилизовал неофранкистов, воодушевив их на более энергичные требования к Мадриду применить весь арсенал репрессивных мер для противодействия сепаратизму. Лакмусовой бумажкой этих настроений стали итоги состоявшихся 2 декабря 2018 г. региональных выборов в Андалусии, где победу в очередной раз одержала ИСПП, получившая 28% голосов избирателей. Тем не менее, этот результат был единодушно признан *полным провалом*, так как получило подтверждение неуклонное сокращение электоральной базы социалистов (по итогам голосования в 2015 г. они получили 35,4% голосов, в 2012 г. – 39,5%, в 2008 г. – 48,4%).

Однако самой громкой сенсацией стал успех ультраправой партии «Вокс»²², получившей 12 депутатских мест. За «Вокс» проголосовало почти 400 тыс. анда-

²⁰ В состав Испании входят 17 автономных сообществ и два автономных города-анклава (Сеута и Мелилья), расположенные на севере Африки.

²¹ Мариано Рахой – лидер Народной партии в 2004-2018 гг., председатель правительства Испании с 21 декабря 2011 г. по 1 июня 2018 г.

²² Vox, в переводе с латинского «глас», «голос».

лусийцев (из 3,7 млн избирателей, принявших участие в голосовании). Впервые после смерти Ф. Франко ультраправые получили представительство в региональном парламенте²³. Глава «Вокс» С. Абаскаль назвал произошедшее *политическим триумфом*. Первыми поздравили испанских единомышленников лидер французского Национального объединения Марин Ле Пен и руководитель Лиги Севера, министр внутренних дел Италии Маттео Сальвини.

«Вокс», созданная в 2013 г., занимает ультрарадикальные позиции по многим вопросам, волнующим испанскую общественность, в том числе по таким, как сохранение единства испанской нации, противодействие сепаратизму, приверженность христианским ценностям. Идеологи «Вокс», судя по всему, позаимствовали популистский опыт Дональда Трампа. Вторя американскому президенту, они выдвинули лозунг «Испания прежде всего!» и решительно высказываются против притока нелегальных иммигрантов, прежде всего из мусульманских стран. В частности, в ходе предвыборной агитации лидеры «Вокс» требовали воздвигнуть *непреодолимую стену* на границе испанских анклавов Сеута и Мелилья на Севере Африки. Кроме того, «Вокс» во многом выражает настроения тех испанцев, которые негативно относятся к руководящим органам Евросоюза, особенно к Европарламенту.

В Испании партию «Вокс» уже окрестили неофранкистской и фашистской. В ряде городов Андалузии прошли манифестации под лозунгами «Андалусия не место для фашизма», «Они не пройдут!», «Франко не умер, он в парламенте». Обвинения в фашизме С. Абаскаль парировал так: «Если вы любите Испанию, вас назовут ксенофобом и фашистом. Если вы призываете к контролю над иммиграцией, вас назовут расистом и фашистом. Если вы любите испанские традиции, то вы ретроград и фашист, а если вы против чрезмерных налогов, то вы эгоист и фашист»²⁴. Ни С. Абаскаль, ни другие лидеры не называют свою партию неофранкистской, хотя демонстрируют готовность отстаивать многое из идейного наследия Франко. Отнюдь не случайно, что «Вокс» выступает против эксгумации останков Франко.

Выборы в Андалузии продемонстрировали широту электоральной базы «Вокс». За эту партию приблизительно в равной пропорции голосовали мужчины и женщины, пенсионеры и работающие испанцы, люди с высшим и средним образованием, жители как крупных, так и небольших городов, Единственный сегмент, где «Вокс» не получила поддержки, была молодежь до 25 лет. Наибольшей популярностью «Вокс» пользовалась у андалусийцев старше 64 лет²⁵. Симптоматично, что «Вокс» оказалась в Андалусии в роли *политического арбитра* в силу того, что по итогам выборов ни одна из партий не смогла набрать абсолютного большин-

²³ Исключением может считаться Блас Пиньяр, твёрдый приверженец франкизма и депутат парламента в 1979-1982 гг.

²⁴ «Голос испанской нации – VOX» // В Контакте. 15.10.2018. [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/@great_and_sovereign-vox-espana-national (Дата обращения 28.10.2018)

²⁵ Llaneras K. Quién votó por VOX en Andalucía // El País. 11.12.2018. [Электронный ресурс] URL: https://elpais.com/politica/2018/12/10/actualidad/1544457793_075029.html (Дата обращения 12.12.2018)

ства голосов, и коалиция в составе НП и «Сьюдаданос» смогла сформировать региональное правительство только благодаря поддержке депутатов «Вокс».

На примере успеха «Вокс» на выборах в Андалусии можно говорить о наметившихся сдвигах в испанском обществе в сторону право-популистских сил. Партия призвана заполнить пустоту на крайне правом политическом фланге испанской внутривнутриполитической жизни. Но эта тенденция отнюдь не новая на европейском континенте. Аналогичные процессы наблюдаются в других странах ЕС: Италии, Австрии, Германии, Дании, Швеции, Венгрии, Польше и др.

В Испании наметились также признаки возрождения симпатий к авторитарным формам правления, лидерским качествам харизматичных руководителей. Происходит это в силу углубляющегося разочарования испанцев в западноевропейском либерализме, неспособном дать должный ответ на запросы общества. Зреет убеждение в том, что традиционные элиты погрязли в коррупции, действуют в угоду узкопартийным интересам, а во многих случаях просто некомпетентны. И в этом случае выстраивается параллелизм с периодом правления каудильо. Современный испанский историк Э. Морадельос приводит следующие черты, сближающие испанских политиков сегодняшнего дня с Франко: стремление к персональному лидерству, нетерпимое отношение к критике, наделение исполнительных органов гипертрофированными полномочиями с ущербом для других ветвей государственной власти, невзыскательность к однопартийцам-коррупционерам²⁶.

Большинство испанцев в целом негативно относятся к периоду правления Франко, особенно критикуя такие моменты, как политический террор, репрессии, подавление этнокультурного своеобразия региональных меньшинств. Однако, по мнению отдельных исследователей, в частности Х. Гонсало Касанова, восприятие франкизма претерпевает изменения в сторону более сбалансированных оценок. По данным этого учёного, около 40% испанцев несколько лет назад считали, что режим каудильо следует оценивать не как сплошной негатив, а как сложное сочетание отрицательных и положительных моментов [17, с. 223-224]. В заслугу диктатору ставят то, что он не дал втянуть Испанию во Вторую мировую войну, а в дальнейшем благодаря удачному внешнеполитическому маневрированию смог прорвать международную изоляцию. Именно под его руководством был совершён поворот к современности, в частности запущен механизм успешных экономических преобразований.

Преобладающие в испанском научном сообществе подходы пока ориентируются лишь на констатацию усиления ультраправых, неофранкистских и популистских настроений в стране, оставляя в стороне выработку наиболее приемлемых форм и методов по противодействию растущей радикализации населения. Пробуждение неофранкизма ставит перед испанским обществом,

²⁶ Moradiellos E. No llamar dictador a Franco es absurdo // El País. 10.01.2019. [Электронный ресурс] URL: https://elpais.com/cultura/2018/12/28/actualidad/1546012240_937807.html (Дата обращения: 11.02.2019)

прежде всего, проблему единства и самоидентификации испанской нации в сочетании с бережным отношением к этнокультурному и историческому своеобразию регионов Испании. Без должного ответа на этот вопрос современности нельзя быть уверенным в способности государства обеспечивать политическую стабильность и благополучие граждан. При этом экономическая модель развития отнюдь не гарантирует решение проблемы самоидентификации, т.к. национальная политика это, прежде всего, курс по формированию единой нации как политической общности, большинство граждан которой разделяют общие интересы и устремления.

Поводя итоги вышеизложенному, ещё раз подчеркнём, что многие составляющие франкизма, в частности, национал-католицизм, антикоммунизм, подавление инакомыслия, государственный патернализм, социальный корпоративизм, остались в прошлом, так как уже не соответствуют запросам современного испанского общества. Тем не менее, ряд постулатов идейного наследия Франко не утратили привлекательности для отдельных групп испанского общества. Причём такие воззрения франкизма, как сохранение территориальной целостности страны и единства испанской нации обретают второе дыхание в условиях обострения этнонациональных конфликтов в стране.

До сих пор в Испании остаётся нерешённым вопрос единства нации и страны. Нет убедительного ответа на претензии каталонских и баскских националистов добиться независимости этих регионов. В результате у многих испанцев складывается тревожное ощущение нарастающих в стране дезинтеграционных процессов. В результате многие граждане страны всё внимательнее прислушиваются к идейным воззваниям неофранкистских идеологов, включая лидеров праворадикальной партии «Вокс». Таким образом, реакцией на рост националистических настроений в регионах стало усиление влияния ультраправых, неофранкистских организаций, призывающих *навести в стране порядок* путём силового подавления сепаратизма, нелегальной иммиграции, посягательств на христианские ценности и традиции испанцев. Эти требования звучат всё громче, перекликаясь с идейно-политическим наследием Ф. Франко. Не следует исключать, что при сохранении нынешних тенденций испанские ультраправые и неофранкисты окажутся представленными не только в региональных парламентах, но и получают депутатские мандаты в Генеральных кортесах и Европарламенте. Этот вывод подтверждают и опросы общественного мнения. По данным социологического исследования агентства GAD3, если бы всеобщие парламентские выборы в Испании состоялись в январе 2019 г., то партия «Вокс» набрала бы 9,8% голосов избирателей и завоевала бы в нижней палате Генеральных кортесов внушительное число депутатских мандатов – 23 из 350²⁷.

²⁷ "PP, Ciudadanos y Vox suman mayoría con 181 escaños mientras Podemos se hunde" // ABC 28.01.2019. URL: https://www.abc.es/espana/abci-pp-ciudadanos-y-suman-mayoria-181-escaños-mientras-podemos-hunde-201901272301_noticia.html#ns_campaign=mod-lo-mas&ns_mchannel=leido&ns_source=espana&ns_linkname=noticia.foto.espana&ns_fee=pos-1&vtm_loMas=si (Дата обращения 29.01.2019)

Список литературы:

1. Авилова А.В., Акимов В.С., Баранова Т.Н. Современная Испания. М.: Политиздат, 1983. 383 с.
2. Бивор Э. Гражданская война в Испании 1936-1939 гг. М.: Азбука-Аттикус, 2018. 720 с.
3. Волкова Г.И. Испания: государство автономий и проблема территориальной целостности. М.: МАКС Пресс, 2011. 328 с.
4. Дамс Х.Г. Франсиско Франко. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 352 с.
5. Пожарская С.П. Франсиско Франко и его время. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 410 с.
6. Ходжес Г.Э. Франко. Краткая биография. М.: Издательство АСТ, 2003. 383 с.
7. Álvarez Junco J. Mater dolorosa. Madrid: Taurus, 2001. 604 p.
8. Andrés-Gallego J. ¿Fascismo o Estado católico? Ideología, religión y censura en la España de Franco, 1937-1941. Madrid: Ed. Encuentro, 2010. 283 p.
9. Antón-Mellón J., Hernández-Carr A. El crecimiento electoral de la derecha radical populista en Europa: parámetros ideológicos y motivaciones sociales // Política y Sociedad. 2016. Vol. 53. No 1. Pp. 17-28. DOI: 10.5209/rev_POSO.2016.v53.n1.48456
10. Artola M. Evolución de la idea de nación // Organización territorial del Estado / Serra N. Salamanca, Universidad de Salamanca, 1993. Pp. 81-82.
11. Beneyto J. La identidad del franquismo, Madrid: Ed. Las pautas, 1979. 286 p.
12. Domper Lasús C. El franquismo a través de las urnas. Metodología, fuentes y retos para una aproximación electoral al régimen de Franco // Historia y ciencias sociales: nuevas perspectivas de análisis. 2018. Vol 55. No 1. Pp. 115-134.
13. Fusi J.P. España, la evolución de la identidad nacional. Madrid: Temas de Hoy, 2000. 256 p.
14. García Morillo J. La democracia en España. Madrid: Alianza editorial, 1996. 245 p.
15. Giménez Martínez M.Á. El corpus ideológico del franquismo: principios originarios y elementos de renovación. Santiago de Chile: Universidad de Chile, 2015. 45 p.
16. González-Berenguer Urrutia J.L. El doble problema nacional. Altea: Aitana Editorial, 1999. 104 p.
17. Gonzalo Casanova J. F. La sombra del general. ¿Qué queda del franquismo en España? Barcelona: Random House Mondadori, S.A., 2005. 168 p.
18. Linz J.J. An authoritarian regime: Spain. In Alldard E., Littunen Y. Cleavages, ideologies and party systems: contributions to comparative political sociology. Helsinki: The Academic Bookstore, 1964. Pp. 291 – 341 p.
19. Miguel A. de. Sociología del franquismo. Análisis ideológico de los ministros del régimen. Barcelona: Ed. Euros, 1975. 368 p.
20. Miguel A. de. La herencia del franquismo. In En S.G. Payne. Politics and Society in Twentieth-Century Spain, Nueva York: Franklin Watts, 1976. P. 237-352.
21. Payne S.G., Palacios J. Franco. Una biografía personal y política. Ed. Espasa Libros, S.L.U., Madrid: Espasa, 2014. 813 p.
22. Payne S.G. En defensa de España. Desmontando mitos y leyendas negras. Espasa Libros S.L.U. Barcelona: Espasa, 2017. 312 p.
23. Uriarte E. España, Patriotismo y Nación. Madrid: Espasa Calpe, S.A, 2003. 294 p.

Об авторе:

Алексей Владимирович Дементьев – к.филол.н., профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России. 119034, Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр.1.
E-mail: alexdem_madrid@mail.ru.

NEOFRANCOISM AND THE PROBLEM OF TERRITORIAL INTEGRITY OF MODERN SPAIN

A.V. Dementiev
DOI 10.24833/2071-8160-2019-1-64-129-146

Diplomatic Academy of the Foreign Ministry of Russia

Abstract: The article is devoted to the strengthening of right-wing and populist sentiments observed in Spanish society in recent years, which is largely a consequence of both ethno-national conflicts, primarily in Catalonia, and of social and ideological confrontations that have become aggravated in the country. There is an increase in the influence of neo-traditionalists and neo-conservatives, whose calls to protect the territorial integrity of the country, the Christian values and historical traditions of the Spanish nation are heard louder, echoing Franco's ideological and political heritage. Neo-francoists, neo-phalangists, monarchists, carlists, and some military circles in Spain praising now the contribution of the dictatorial regime to the historical and socio-economic development of the country in the 20th century. The article cites facts proving that the basic tenets of Francoism, associated primarily with the preservation of the territorial integrity of the country and the unity of the Spanish nation, are finding welcome response in modern Spain. With the growth of separatist aspirations in the regions the nationalism in the form of neo-Francoism, has recently acquired more and more real political power. The conclusion is proved by the success of the right-wing Vox party in the elections to the regional parliament of Andalusia in December 2018. If the current trends continue, Spanish ultranationalists and neo-francoists will be represented not only in regional parliaments, but will also receive mandates in the General Cortes and the European Parliament.

Key words: Spain, civil war, ideology, francoism, authoritarianism, dictatorship, nationalism, territorial integrity, separatism.

References

1. Avilova A.V., Akimov V.S., Baranova T.N. *Sovremennaya Ispania* [Modern Spain]. Moscow, Politizdat, 1983. 383 p. (in Russian)
2. Bevor A. *The Battle for Spain. The Spanish Civil War 1936-1939*. Moscow, Azbuka-Attikus, 2018. 720 p.
3. Volkova G.I. *Ispania: gosudarstvo avtonomiy y problema territorial'noi tselostnosti* [Spain: State of Autonomous Communities and the Problem of Territorial Integrity]. Moscow, MAK Press, 2011. 328 p. (in Russian).
4. Dams H.G. *Fransisko Franko* [Francisco Franco]. Rostov-na-Donu: Fenix, 1999. 352 p. (in Russian).
5. Pozharskaya S.P. *Francisco Franco i ego vremia* [Francisco Franco and his Time]. Moscow, OLMA Media Grupp, 2007. 410 p. (in Russian)
6. Hodges G.A. *Franco. Kratkaya biografiya* [Franco. Short Biography]. Moscow: AST, 2003. 383 p. (in Russian)
7. Álvarez Junco J. *Mater dolorosa*. Madrid, Taurus, 2001. 604 p. (in Spanish)
8. Andrés-Gallego J. *¿Fascismo o Estado católico? Ideología, religión y censura en la España de Franco, 1937-1941*. [Fascism or Catholic State? Ideology, religion and censorship in the Spain of Franco, 1937-1941]. Madrid, Ed. Encuentro, 2010. 283 p. (in Spanish)
9. Antón-Mellón J., Hernández-Carr A. El crecimiento electoral de la derecha radical populista en Europa: parámetros ideológicos y motivaciones sociales [The electoral growth of the populist radical right forces in Europe: ideological parameters and social motivations]. *Política y Sociedad*, 2016, vol. 53, no.1, pp. 17-28 p. (in Spanish)
10. Artola, M. *Evolución de la idea de nación* [Evolution of the idea of nation]. In [ed.] Serra N. Organización territorial del Estado. Salamanca, Universidad de Salamanca, 1993. Pp. 81-82. (in Spanish)
11. Beneyto J. *La identidad del franquismo* [The identity of the Franco regime]. Madrid, Las pautas, 1979. 286 p. (in Spanish)
12. Domper Lasús C. El franquismo a través de las urnas. Metodología, fuentes y retos para una aproximación electoral al régimen de Franco [The Francoism

- through the ballot boxes. Methodology, sources and challenges for an electoral approach to the Franco regime]. *Historia y ciencias sociales: nuevas perspectivas de análisis*. 2018, vol. 55, no 1, pp. 115-134. (in Spanish)
13. Fusi J.P. *España, la evolución de la identidad nacional* [Spain, the Evolution of National Identity]. Madrid, Temas de Hoy, 2000. 256 p. (in Spanish)
 14. García Morillo J. *La democracia en España* [Democracy in Spain]. Madrid, Alianza editorial, 1996. 245 p. (in Spanish)
 15. Giménez Martínez M.Á. *El corpus ideológico del franquismo: principios originarios y elementos de renovación* [The ideological corpus of Francoism: original principles and elements of renewal]. Santiago de Chile, Universidad de Chile, 2015. 45 p. (in Spanish)
 16. González-Berenguer Urrutia J.L. *El doble problema nacional* [The double national problem]. Altea, Aitana Editorial, 1999. 104 p. (in Spanish)
 17. Gonzalo Casanova J. F. *La sombra del general. ¿Qué queda del franquismo en España?* [The shadow of the general. What remains of the Franco regime in Spain?]. Barcelona, Random House Mondadori, S.A, 2005. 168 p. (in Spanish)
 18. Linz J.J. An authoritarian regime: Spain In [ed.] Allardt E., Littunen Y. *Cleavages, ideologies and party systems: contributions to comparative political sociology*. Helsinki, The Academic Bookstore, 1964. 341 p.
 19. Miguel A. de. *Sociología del franquismo. Análisis ideológico de los ministros del régimen* [Sociology of Francoism. Ideological analysis of the ministers of the regime]. Barcelona, Ed. Euros, 1975. 368 p. (in Spanish)
 20. Miguel A. de. La herencia del franquismo [The legacy of the Franco regime]. 1976. In Payne S.G. *Politics and Society in Twentieth-Century Spain*. New York, Franklin Watts, 1976. Pp. 237-352. (in Spanish)
 21. Payne S.G., Palacios J. *Franco. Una biografía personal y política* [A personal and political biography]. Espasa Libros, S.L.U., 2014. 813 p. (in Spanish)
 22. Payne S.G. *En defensa de España. Desmontando mitos y leyendas negras* [In defense of Spain. Dismantling myths and black legends]. Madrid, Espasa, 2017. 311 p. (in Spanish)
 23. Uriarte E. *España, Patriotismo y Nación* [Spain, Patriotism and Nation]. Madrid, Espasa Calpe, S.A. 2003. 294 p. (in Spanish)

About the author:

Alexey V. Dementiev – PhD, Associate Professor of the Diplomatic Academy of the Foreign Ministry of Russia. 119034, Moscow, st. Ostozhenka, 53/2, p.1.
E-mail: alexdem_madrid@mail.ru.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И ЕЁ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СРЕДИ СТРАН БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА

Т.В. Науменко, К.В. Тимахов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Основной целью статьи является анализ уровня современной конкурентоспособности Королевства Саудовская Аравия, выявление его слабых и сильных сторон, а также рассмотрение мер по повышению конкурентного потенциала страны. Отмечается роль Саудовской Аравии как одного из ключевых экономических игроков Ближневосточного региона, что, несомненно, привлекает интерес к её более детальному изучению. Рассматриваются конкурентные преимущества государства перед другими субъектами международных экономических отношений. Проводится анализ экономической ситуации в Саудовской Аравии на основании методологического подхода, основанного на применении «конкурентного ромба» Портера, выявляются основные факторные и другие показатели, способствующие как росту, так и снижению конкурентоспособности страны. Утверждается важность культурно-исторической и социально-политической тенденции формирования власти в Саудовской Аравии в сложности реформирования экономики страны и повышении её конкурентоспособности. Выявляется наличие недостаточных мер, проводимых для повышения качества человеческого капитала, отмечается проблема низкой занятости женского населения, предложены меры по устранению данной проблемы. Отмечается недостаточность в реформировании существующих экономических и политических институтов. Невзирая на очевидный факт, заключающийся в том, что государство не входит в тройку стран-лидеров по уровню конкурентоспособности в Ближневосточном регионе и занимает лишь четвёртое место, сделан вывод о возможности усиления конкурентоспособности экономики королевства и упрочении им своих конкурентных позиций как в регионе, так и в мире, предложены меры по достижению данной цели. Утверждается, что важнейшим фактором этого достижения является устранение выявленных институциональных проблем, приведших к низкой конкурентоспособности государства, в связи с чем предложен вариант мер по её усилению.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Ближний Восток, нефтяная сфера, тенденции развития, индекс глобальной конкурентоспособности, конкурентные преимущества, «нефтяное проклятие», институциональная среда, «конкурентный ромб» Портера, факторный анализ, человеческий капитал.

УДК 339.9

Поступила в редакцию 12.11.2018 г.

Принята к публикации 8.02.2019 г.

Проблема конкурентоспособности экономики является темой с постоянной и неснижающейся актуальностью на протяжении всего времени существования как самой экономики, так и науки, её изучающей. Существует множество всевозможных мнений и критериев, не только стремящихся определить само понятие конкурентоспособности, но и выявить причины и механизмы её существования и устойчивости. Столь высокий научный интерес к проблемам конкурентоспособности с очевидностью свидетельствует об устойчивой актуальности самого процесса конкурентоспособности различных социально-политических и экономических образований, а также об его влиянии на различные международные процессы современности. Однако невзирая на несомненную важность концептуальных разработок проблем конкурентоспособности и их научного осмысления, в данном исследовании эта тема носит инструментальный характер, направленный на выявление некоторых особенностей развития внутристрановых, региональных и общемировых процессов. Для реализации данной цели за основу взят подход Всемирного экономического форума, который ежегодно публикует отчёты по конкурентоспособности более 140 стран и всех существующих регионов мира. Теоретические аспекты для обоснования конкурентных преимуществ королевства анализируются с помощью «конкурентного ромба» Портера, который позволяет выявить основополагающие причины успеха страны на международной экономической арене, указывает на имеющиеся недостатки, а также даёт методологическую модель для подобного анализа других региональных и национальных экономик и их зависимости не только от внутриполитических процессов, но и от общих международных процессов и закономерностей. Подобный методологический подход никогда не применялся в исследованиях данной темы и поэтому даёт большие эвристические показатели. Использование сравнительного анализа экономик Ближневосточного региона дополняет работу эмпирическим материалом, что делает её максимально приближенной к существующему положению дел в королевстве, в регионе и в мире.

Обращаясь к научной литературе по данной проблематике, важно отметить, что в англо- и русскоязычных источниках отсутствует более или менее существенный массив информации, которая была бы релевантной и учитывала последние качественные внутренние изменения в КСА в результате запуска программы трансформации страны и её взаимовлияния со странами региона. Тем не менее, используя работы западных исследователей, например, Роберта Хэггинса, Пьера Томпсона, подготовивших отчёт «The Middle East Competitiveness Report: Regional and Territorial Analysis», в котором рассматриваются факторы, способствующие и препятствующие развитию конкурентоспособного потенциала стран Ближнего Востока и региона в целом в 2000-х гг., а также Мона Хаддада «Export Competitiveness: Where Does The Middle East and North Africa Region Stand?» можно провести более глубокий сравнительный анализ регионального развития, принимая во внимание статистические материалы последних несколь-

ких лет. Важный вклад для понимания современных процессов вносят отечественные исследователи Б.Г. Сейранян, В.А. Исаев, А.О. Филоник, которые уделяют большое внимание государствам Персидского залива, их экономическому развитию как в рамках региона, так и на уровне общемировых международных процессов.

Формат данного исследования, основанный на том, что проблема конкурентоспособности Саудовской Аравии рассматривается в условиях её последовательной трансформации, которая происходит в наши дни, предопределил не только новизну исследовательского подхода и его результатов, но и способствовал выявлению значения страны в масштабах современных международных процессов. Нам представляется возможность наблюдать за изменяющимся положением такого крупного ближневосточного игрока, что позволяет отразить современные тенденции в экономическом развитии не только страны и региона, но и выявить основные трудности, с которыми она сталкивается. В условиях же многополярного мира и существования экономик не только разных уровней и разных укладов, но и различных политических и идеологических систем, проблема конкурентоспособности экономики приобретает особую актуальность и остроту как в региональном аспекте, так и в аспекте международных процессов планетарного масштаба. Не будет исключением и Ближневосточный регион, в котором одним из самых влиятельных государств, имеющих внушительный политический вес в международных делах, является, несомненно, Королевство Саудовская Аравия (КСА).

Контролируя 26% от всех разведанных мировых запасов нефти, королевство ещё со времён его основателя Абдул-Азиза ибн Абдуррахмана Аль Сауда стало развивать нефте- и газодобывающую отрасли промышленности, тем самым построив свою экономику на природно-ресурсной основе и посадив страну на так называемую «нефтяную иглу» [15]. В ходе нескольких этапов реформ, проводимых сыновьями основателя в 80-е и 90-е гг. прошлого столетия, а также в начале XXI в., были предприняты попытки диверсификации экономики и снижения её зависимости от волатильности мировых цен на нефтепродукты [13]. Однако из-за сохранения чрезмерного государственного регулирования хозяйственной сферы деятельности, постоянного вмешательства правящей элиты в рыночные отношения, а также из-за нежелания проводить необходимую приватизацию госсектора Саудовская Аравия столкнулась с серьёзными экономическими проблемами, обострившимися в 2014 г. после обрушения мирового нефтяного рынка и присутствующими по сегодняшний день. Для их разрешения необходимы кардинальные реформы, результатом которых должна стать фундаментальная перестройка экономического уклада страны, направленная на развитие несырьевой экономики и снятие многолетнего так называемого, «нефтяного проклятия». Необходимо отметить, что нынешнее политическое руководство во главе с Салманом Аль Саудом пытается изменить сложившуюся ситуацию за счёт воплощения в жизнь программы трансформации страны под названием «Видение

2030»¹, в которой обращает на себя внимание следующий аспект: одной из ключевых задач для достижения страной уровня процветающей экономики названо повышение конкурентоспособности государства в условиях экономической неопределённости и глобализации мирового экономического пространства. Таким образом, тот факт, что конкурентоспособность экономики является одним из самых необходимых, причём важнейших, условий как в функционировании, так и в развитии страны признается в КСА на самом высоком уровне и отражается в официальных государственных документах.

Интересную картину в этом плане показывает нам и *индекс глобальной конкурентоспособности* (*The Global Competitiveness Index*)², к которому представляется необходимым обратиться как с целью анализа конкурентного потенциала королевства, так и с целью рассмотрения исторического аспекта изменения позиций Саудовской Аравии в мировой экономике и, в частности, в экономике Ближневосточного региона. Данный индекс в равной мере позволяет как потенциальному инвестору, крупной финансовой компании, так и обычному гражданину составить для себя общую картину о возможных внутренних экономических преимуществах той или иной суверенной державы и о способности страны и её институтов обеспечить устойчивые среднесрочные темпы экономического роста, а также выявить тенденции развития международных экономических и политических процессов, от которых во многих ситуациях зависит и экономика, и вся сфера международных отношений. В данной связи для оптимизации результатов исследования представляется необходимым ввести категорию лидерства в рамках экономических амбиций Саудовской Аравии и её взаимосвязь с политической сферой. Мы не ставим перед собой задачу методологического анализа и выявления онтологических оснований данной категории, ибо для нас достаточно её операционального определения, рассматривающего лидерство как механизм определённой интеграции групповых действий, необходимого для выявления лидерских тенденций в современных международных процессах рассматриваемого региона. Сложно отрицать, что королевство является ключевым игроком Ближнего Востока, занимающим первые позиции в попытках разрешения возникающих противоречий в данном регионе. Вооруженные силы Саудовской Аравии – одни из мощнейших в регионе, а Эр-Рияд стоит в ряду основных мировых импортёров оружия. Более того, к королевству прислушиваются страны Персидского залива, лидирующие позиции среди которых оно занимает, возглавляя коалицию против шиитского Ирана. Однако политическое главенство нужно подкреплять экономической мощью, которую страна и старается

¹ Vision – 2030 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vision2030.gov.sa/en/ntp>. (дата обращения: 17.11.2017).

² Данный индекс рассчитывается на основе методики Всемирного экономического форума. Для определения конкурентных преимуществ одной страны перед другими используются 12 критериев: качество институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здравоохранение и уровень начального образования, качество высшего образования и профессиональная подготовка кадров, эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, развитость финансового рынка, уровень технологического развития, размер внутреннего рынка, конкурентоспособность национальных компаний и инновационный потенциал.

наращивать. Для формирования полноправного статуса лидера КСА жизненно важно обладать диверсифицированной экономикой с режимом автономного существования, чтобы укрепить конкурентные позиции.

В целом Ближний Восток имеет существенный потенциал не только для увеличения собственной конкурентоспособности, но и для усиления влияния на международные процессы планетарного масштаба. На данном этапе он занимает третью позицию среди семи мировых регионов, рассматриваемых Всемирным экономическим форумом, уступая лишь странам Европы и Северной Америки, а также Азиатско-Тихоокеанского региона. В свою очередь, государства Ближнего Востока уверенно обгоняют страны Евразии, Латинской Америки и Карибского бассейна, Южной Азии и Тропической Африки. Несмотря на то, что рассматриваемый нами регион вошёл в «третий эшелон» индустриализации, ему удалось набрать темп и выйти на лидирующие позиции среди развивающихся стран мира.

Итак, как же изменялся уровень конкурентоспособности Саудовской Аравии за последнее десятилетие?

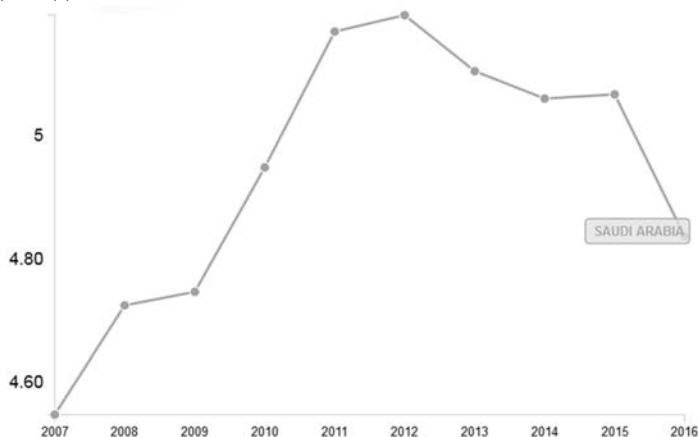

Рис. 1. Индекс глобальной конкурентоспособности Саудовской Аравии³
Figure 1. Saudi Arabia Global Competitiveness Index

Исходя из представленного выше графика, можно заметить, что даже в кризисный период, в который мировая экономика вступила в 2008-2009 гг., наблюдается продолжительный рост индекса (GCI) страны. Однако наблюдается достаточно значительный спад уровня конкурентоспособности королевства с 2013 г., который продолжается и в 2017 г. По последним данным, представленным в докладе президента Всемирного экономического форума Клауса Шваба, в 2017 г. Саудовская Аравия занимает 30-е место в мировом рейтинге, потеряв 12 позиций с 2012-2013 гг. На данном этапе наиболее слабыми местами королевства являются:

³ The Global Competitiveness Index [Электронный ресурс]. URL: https://tcdata360.worldbank.org/indicators/gci?country=SAU&indicator=631&countries=RUS&viz=line_chart&years=2007,2016 (дата обращения: 17.11.2017).

1. Жёсткое трудовое законодательство;
2. Доступ к финансированию;
3. Недостаточно образованная рабочая сила;
4. Высокий уровень бюрократизации;
5. Налоговые ставки.

Именно они сдерживают развитие частного бизнеса в стране и приток прямых иностранных инвестиций, без которых в современных экономических реалиях достаточно сложно, а зачастую просто невозможно повысить общий экономический уровень государства. Тем не менее в королевстве существуют достаточно стабильные институты (27-е место в мировом рейтинге), развита инфраструктура (29-е место) и его экономика считается крупнейшей среди всех арабских государств, чьи экономические показатели необходимо рассмотреть для проведения дальнейшего сравнительного анализа конкурентоспособности стран Ближневосточного региона.

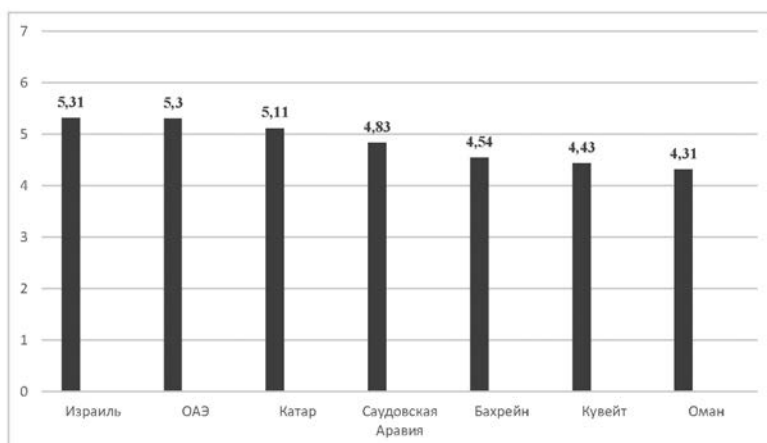

Рис. 2. Индекс глобальной конкурентоспособности 2017-2018 гг.⁴

Figure 2. Global Competitiveness Index 2017-2018

Основываясь на данных диаграммы, можно отметить, что Саудовская Аравия занимает 4-е место среди ближневосточных государств, уступая пальму первенства Израилю, ОАЭ и Катару, которым за год удалось улучшить свои результаты на несколько десятых балла⁵. Напрашивается вопрос, почему же в период серьёзного кризиса нефтяной сферы три крупных игрока в этой области не потеряли свои позиции, а даже смогли ещё больше утвердить их, в отличие от КСА? Попробуем прояснить данную ситуацию на примере анализа экономики Объединённых Арабских Эмиратов.

⁴ График составлен авторами

⁵ World Economic Forum. The global competitiveness report 2017-2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2017-2018> (дата обращения: 17.11.2017).

Не секрет, что экономика ОАЭ базируется на производстве и экспорте сырой нефти и газа, что обеспечивает примерно 29% государственных доходов страны. По сравнению с Саудовской Аравией, в которой нефтяные доходы составляют 87%, эта цифра сравнительно мала [16]. Эмираты два десятилетия назад начали активно заниматься реформированием всех секторов экономики с целью снизить зависимость государства от волатильности мировых цен на нефть, понимая также, что природные ресурсы в силу их ограниченности не смогут вечно обеспечивать потребности страны. Нефть стала ключевым элементом, позволившим произвести фундаментальные изменения и превратить ОАЭ в страну будущего с развитой инфраструктурой, высоким уровнем жизни, образования и здравоохранения. Важно, что Эмираты смогли заинтересовать иностранных инвесторов своими проектами, что способствовало и до сих пор способствует вложению зарубежного капитала в их реализацию. Доказательством этому может служить то, что в 2016 г. ОАЭ возглавили список арабских стран по прямым иностранным инвестициям, общая сумма которых составила \$94 млрд⁶. В ходе реформ также были приняты законы, разрешающие иностранным фирмам, действующим в свободных экономических зонах, пользоваться, распоряжаться и владеть всей собственностью на 100%, а в эмирате Дубай было разрешено свободно вывозить и ввозить капитал. Позитивные изменения произошли и в налоговом законодательстве страны – были отменены все виды налогов и пошлин на импортную продукцию. Все вышеперечисленные меры по формированию новых институтов существенным образом отразились на формировании новой институциональной среды, которая в значительной степени повысила инвестиционную привлекательность экономики государства, дала толчок для экономического роста и повысила значимость страны в международных процессах всего региона. Это сказалось в том, что ОАЭ смогли создать развитую индустрию, которая представлена предприятиями лёгкой промышленности в эмирате Шарджа, промышленности строительных материалов в эмирате Фуджайра, который поставляет на внутренний рынок мрамор, известняк, цемент и т.д. Что касается сельского хозяйства, то данное государство постоянно привлекает инвестиции для его дальнейшего развития, чем активно включается в глобализационные процессы современного мира.

Таким образом, можно заключить, что Эмираты стали более конкурентоспособной экономикой, чем Саудовская Аравия прежде всего за счёт изменения государственного регулирования экономической сферы страны и, как уже отмечалось, за счёт улучшения институциональной среды – демонстративная открытость для реализации совместных инновационных проектов и гарантия неприкосновенности иностранной частной собственности способствовали при-

⁶ Тарасенко С. ОАЭ возглавили список арабских стран по прямым иностранным инвестициям в 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://russianemirates.com/news/uae-property-news/uae-vozglavili-spisok-arabskikh-stran-porjatyum-inostrannym-investitsiyam-v-2016-godu/> (дата обращения: 17.11.2017).

току иностранных инвестиций, столь необходимых для любой экономической системы, включённой в современные международные экономические, политические, глобализационные и социальные процессы.

Не следует также забывать и о том, что немалую долю доходов стал приносить такой современный вид международной деятельности, как туризм, который напрямую способствует активизации строительства в стране. Если после падения цен на нефть в 2014 г. макроэкономическая среда в королевстве значительно ухудшилась, что повлияло и на общий уровень его конкурентоспособности, то для экономики ОАЭ это не стало потрясением и они продолжили разработку стратегий по достижению устойчивого экономического роста.

Однако даже при таком неблагоприятном сравнении невозможно отрицать тот факт, что Королевство Саудовская Аравия всё же имеет большой потенциал для дальнейшего экономического развития⁷ и у него имеются серьёзные конкурентные преимущества перед странами Ближневосточного региона. Более того, можно даже предположить, что при развитии этого потенциала страна может стать полноправным лидером в регионе, однако это возможно при условии преодоления существующего кризиса. Можно указать как минимум на четыре фактора, которые могут этому способствовать и которые являются важнейшими показателями интеграции страны в пространство международных процессов планетарного масштаба (важно отметить, что нижеуказанные преимущества учтены правительством страны в программе трансформационного развития Vision – 2030)⁸.

Во-первых, это, конечно же, обширная территория с огромными залежами природных ресурсов, которые можно использовать для экспорта, а доходы направлять в качестве инвестиций в проекты по индустриализации экономического сектора, его диверсификации [4].

Во-вторых, существенным моментом, определяющим важную роль Саудовской Аравии в международных процессах, является тот факт, что она выступает мощным религиозным центром всего мусульманского мира, что позволяет ей получать доходы от хаджа и умры. По статистике, один паломник затрачивает на совершение обрядов хаджа примерно \$5000. Привлекая большее количество верующих за счёт создания более совершенной инфраструктуры и условий для их размещения, королевство сможет существенно увеличить бюджетные доходы. Несмотря на амбициозность поставленной правительством цели принимать к 2030 г. 30 млн паломников малого хаджа (умры) ежегодно, на данном этапе это не представляется возможным, что подтверждается представленной на сайте статистической службы королевства информацией о том, что в 2017 г. число паломников составило около 12 млн мусульман. В то же время сам хадж привлёк

⁷ World Bank. Global Economic Prospects 2017: Middle East & North Africa [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/en/region/mena/publication/gep-mena-weak-investment-in-uncertain-times> (дата обращения: 17.11.2017).

⁸ Vision – 2030 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vision2030.gov.sa/en/ntp> (дата обращения: 17.11.2017).

2 352 122 чел., из которых 1 млн 750 тыс. были иностранцы. За последнее десятилетие рекордным годом по числу паломников, совершающих хадж, стал 2011 г., когда страну посетило более 3 млн человек.

В-третьих, КСА обладает выгодным географическим положением, так как находится на пересечении важнейших международных торговых путей между тремя континентами: Азией, Европой и Африкой. Саудовская Аравия имеет возможность максимизировать пользу от этого с помощью разработки стратегического партнёрства по строительству уникальных логистических регионов с развитой инфраструктурой. Работая в кооперации с частным сектором, правительство могло бы создать дополнительные транспортные узлы, чтобы достичь более прочных связей между существующими центрами торговли и разработать новые торговые пути.

В-четвёртых, это, несомненно, стабильная политическая ситуация в стране [8]. «Арабская весна» практически обошла стороной КСА, что напрямую связано с тем фактом, что король продолжает исполнять роль предводителя, опирающегося на развитую структуру родственных связей, которая в совокупности с главой династии Аль Саудов образует своеобразного коллективного правителя, контролирующего все уголки страны.

Все вышеперечисленные преимущества являются весомыми, однако часть из них нужно уметь и эффективно развивать, а другую часть хотя бы суметь сохранить. Хочется надеяться, что дальнейшие позитивные изменения возможны, потому что процесс трансформации страны стартовал и уже видны некоторые положительные результаты. В стране началась борьба с коррупцией, которую ведёт наследный принц и по совместительству председатель Совета по экономическим вопросам и развитию страны Мухаммед ибн Салман Аль Сауд. Сам король Саудовской Аравии Салман бен Абдель Азиз Аль Сауд заявил, что масштабная антикоррупционная кампания призвана полностью покончить со злоупотреблениями во властных структурах. Это является важнейшим шагом для формирования новых эффективных институтов и для транспарентизации экономических отношений.

Однако выявление основных факторов будущего роста страны не представляется достаточным для всестороннего анализа её конкурентоспособности и роли в международных отношениях без акцента на теоретико-методологическом подходе изучения конкурентных преимуществ, в связи с чем рассмотрение экономики Саудовской Аравии, а также её слабых сторон с помощью «конкурентного ромба» Портера [11], который позволяет выявить причины успеха любой страны в той или иной отрасли мировой экономики с помощью системы четырёх показателей, поможет устранить некоторую асимметрию в исследовании данной проблемы. Первым из них являются *факторные условия*, вторым – *условия внутреннего спроса*, третьим – *смежные и обслуживающие отрасли*, и, наконец, четвёртым – *структура и стратегия фирм, внутриотраслевая конкуренция*.

Факторные условия

Саудовская Аравия имеет некоторые важные для повышения своей конкурентоспособности преимущества, которые заключены в сравнительно большой территории и обилии природных ресурсов, что и позволило ей развить добывающую и сопутствующую ей перерабатывающую нефтехимическую промышленность. Однако основываясь на теории Портера, можем отметить важный факт: концентрация большого количества факторов не всегда способствует эволюции экономики страны, а может и тормозить её развитие как из-за их неэффективного использования, так и из нежелания развивать перерабатывающие отрасли, довольствуясь большими рентными доходами. Более того, обладая выгодным географическим положением для развития альтернативных источников энергии, особенно солнечной энергетики, королевство вплоть до обрушения цен на нефть, произошедшего три года назад, не приступало к формированию данной отрасли своего производства, хотя на его базе можно было бы постепенно снизить собственную зависимость от таких энергоносителей, как нефть и газ, и за счёт этого увеличить экспорт сопутствующих нефтяной промышленности товаров за границу [8].

Следующим факторным показателем является человеческий капитал. Согласно статистике, людские ресурсы в Саудовской Аравии не являются одной из главных благоприятных основ, формирующих конкурентные преимущества. С этим связан тот факт, что техническая направленность среди молодёжи со времён создания страны не была популярной, поэтому на нынешнем этапе выстроенная годами система образования не способна обеспечить королевство кадрами, отвечающими его нуждам. В случае, если удастся придать системе образования более прикладной характер и осуществить подготовку квалифицированных специалистов в принципиально новых отраслях науки, это может послужить мощным толчком в развитии экономики и страны и в выходе её на новый уровень конкурентных преимуществ.

Следующий фактор – капитал, является важным для развития конкурентоспособности любой страны, однако из-за многолетней политики семьи Аль-Сауд [9], сконцентрировавшей в своих руках практически все рычаги управления экономикой и направлявшей капитал не на стимулирование ключевых эффективных отраслей, а на создание гигантских предприятий-монополистов, в стране существует достаточно низкий уровень конкуренции между производителями, что негативно сказывается на их стремлении к постоянным изменениям и модернизации. Поэтому данный фактор не повышает, мягко говоря, конкурентоспособности королевства [10].

Проблемы испытывает и банковский сектор страны. Например, суммарный объём депозитов в местных коммерческих банках, который непрерывно рос в течение нескольких лет, к концу 2016 г. сократился на 3,3%, что серьёзно ударило по финансовой элите страны. Возможности дополнительного финансирования

государством данного направления невелики из-за дефицита бюджета, который в 2017 г. составил 7,7% ВВП, то есть \$52 млрд. Однако с подъёмом общемировых цен на нефть, а также вступлением в силу законов, направленных на сокращение государственных субсидий энергетической сферы, введением НДС и пошлин на табак, что является составной частью реформ, прописанных в «программе бюджетного баланса» страны, ожидается увеличение бюджетных поступлений с \$68 млрд в 2017 г. до \$77,5 млрд в 2018 г. И это только от ненефтяного сектора экономики!

Для того же, чтобы усилить бюджетный контроль и увеличить эффективность расходов королевства, правительство инициировало создание Бюро по рационализации капитальных и эксплуатационных расходов⁹. Базируясь в своей работе на опыте других стран, которые смогли добиться успеха в снижении своих финансовых издержек, данный институт достаточно успешно помогает государственным органам находить наиболее релевантные методы достижения сбалансированных затрат. Например, для уменьшения эксплуатационных расходов правительство планирует снизить траты на освещение. Для достижения данной цели будет проведена кампания по повсеместной установке светодиодных ламп, которые позволят максимизировать выгоду на 20% и рационализировать потребление на 66%.

Нельзя оставить без внимания две крайне важные для экономики королевства реформы: энергетическую и водную. Как известно, в Саудовской Аравии цены на энергоносители и водные ресурсы в несколько раз ниже экспортных, что объясняется их субсидированием примерно на 80% правительством. Серьёзное падение стоимости нефти и стремительно повышающееся потребление данных ресурсов со стороны населения заставило руководство страны пойти на решительные действия. В основе данных реформ стали *следующие принципы*¹⁰:

1. Поощрение сокращения потребления;
2. Осуществление защиты минимальных потребностей домохозяйств в потреблении энергоресурсов;
3. Постепенное повышение цен для предоставления возможности адаптироваться различным секторам экономики королевства;
4. Систематическое обновление внутренних цен на энергоносители в соответствии с их изменением на мировом рынке;

По предварительным расчётам в 2018 г. цены на ресурсы для домашних хозяйств изменились примерно на 30%, то есть при дореформенной стоимости литра газа 0,45-0,6 SAR, новая цена будет находиться на уровне 0,75-0,9 SAR, что может серьёзно ударить по покупательной способности населения и общитому

⁹ Fiscal Balance Program [Электронный ресурс]. URL: <http://vision2030.gov.sa/en/bb2020> (дата обращения: 17.11.2017).

¹⁰ Fiscal Balance Program [Электронный ресурс]. URL: <http://vision2030.gov.sa/en/bb2020> (дата обращения: 06.04.2018).

её снизить. Однако основываясь на результатах осуществлённого первого этапа энергетической реформы, правительство Саудовской Аравии смогло сэкономить от 27 до 29 млрд саудовских риалов, снизить потребление энергоресурсов с 3,5% до 1,7%. При этом, как показывает статистика, инфляция осталась на разумном уровне (в пределах 2,5% - 3%).

В 2018 г. доходы королевства по предварительным данным должны были увеличиться за счёт *следующих мер*¹¹:

1. Увеличения стоимости виз для иностранцев;
2. Введения фиксированных налогов для муниципалитетов и сельских поселений;
3. Налогообложения трудовых эмигрантов и иждивенцев экспатов. К 2020 г. коммерческие фирмы, в которых работают мигранты, численность которых превышает количество занятых в компании саудовцев, должны будут ежемесячно платить \$215 за каждого иностранного рабочего и \$105 за несовершеннолетнего ребёнка экспата;
4. Установления НДС в размере 5%;
5. Введения акцизов на те категории товаров, которые представляют вред для здоровья человека: 50% на безалкогольные напитки и 100% на продукцию табачной промышленности и энергетики. Правительство рассматривает возможность установления налога на продукцию, которая провоцирует развитие таких заболеваний, как ожирение и сахарный диабет.

К 2020 г. дополнительные финансовые поступления от вышеупомянутых экономических реформ должны принести в бюджет королевства около \$40,5 млрд, не причинив серьёзного финансового вреда саудовцам. Это связано с тем, что подоходный налог и налог на прибыль предприятий, который во многих государствах превышает 25%, в ходе данных преобразований не вводится.

Важнейшим доходным ресурсом для страны в 2017 г. стал выпуск долговых обязательств, за счёт которых правительство получило \$32 млрд. Однако государственный долг страны вырос до 38%, составив тем самым 16,5% ВВП страны¹².

Дальнейшее развитие рынка акционерного капитала упирается в плохую институциональную среду, которая удерживает нехватку национальных законов.

Условия внутреннего спроса

Оценка внутреннего спроса осуществляется в энергоресурсной сфере страны, т.к. большинство остальных товаров массового потребления импортируются в КСА из-за рубежа, поэтому не представляет интереса для анализа.

¹¹ Fiscal Balance Program [Электронный ресурс]. URL: <http://vision2030.gov.sa/en/bb2020> (дата обращения: 06.12.2018).

¹² Saudi Arabia Budget 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gib.com/sites/default/files/budget_book_-_landscape_for_website.pdf (дата обращения: 06.04.2018).

Так как Саудовская Аравия предоставляет своим гражданам выгодные условия для приобретения товаров собственного производства, то спрос на них находится на высоком уровне [14]. Однако на нынешнем этапе королевство пытается изменить существующую ситуацию, что становится очевидным при рассмотрении реформ Саудовской Аравии, нацеленных на повышение внутренних цены на энергоносители и водные ресурсы, стоимость которых не соответствует экспортной, так как на 80% субсидируются правительством. Серьёзное падение цен на нефть и всё более повышающееся потребление данных ресурсов со стороны населения вынудило королевскую семью пойти на решительные меры. Какие же изменения были предприняты руководством страны?

Во-первых, началась кампания по стимулированию сокращения потребления населением. Во-вторых, правительство королевства предприняло попытки, направленные на поддержание стратегически важных промышленных секторов, которые наиболее подвержены влиянию негативных экономических изменений, потому что данные индустрии обеспечивают наибольший уровень занятости саудовского населения и являются составными частями, приносящими вклад в ВВП страны.

Сложно поспорить с тем, что от конъюнктуры внутреннего спроса в стране значительно зависит её конкурентоспособная позиция на международной арене [7]. Притом наибольшее значение приобретает не объём рынка, а его качество и соответствие тенденциям развития мирового спроса. Однако этот экономический постулат только частично применим к рассматриваемой нами ситуации в виду специализации королевства в добывающей сфере и отсутствии научно-технологических изобретений, которые могли бы заинтересовать население.

Смежные и обслуживающие отрасли

Важным индикатором, который определяет преимущества страны в какой-либо отрасли, является наличие отраслей-поставщиков или смежных отраслей, обеспечивающих конкурентоспособность государства на глобальном рынке. Саудовская Аравия не имеет достаточного количества высокоразвитых промышленных кластеров, что существенно ослабляет её конкурентоспособность [1]. Число отраслей с высокой вертикальной интеграцией также мало. Наиболее развитыми секторами экономики можно считать энергетику и опреснение морской воды. Ускоренно развиваются лёгкая, пищевая и фармацевтическая промышленность. Современными промышленными центрами являются Эль-Джубайль, Янбу и Джидда, в которых осуществляется нефтехимическое и металлургическое производство.

Для совершенствования конкурентных преимуществ страны Саудовская Аравия намеревается увеличить количество заводов по производству лёгких транспортных средств, алюминиевых литейных заводов и заводов по производству покрышек и шин, что позволит увеличить спектр производственных воз-

возможностей страны и создаст условия для формирования полноценных сопутствующих отраслей основного производства. Правительство также ставит задачу организовать следующие кластеры¹³: кластер переработки полезных ископаемых и металлов, химических препаратов, фармацевтический и биотехнологический. Это важный шаг для формирования многоотраслевой диверсифицированной экономики, обладающей потенциалом для становления сильнейшей экономикой Ближневосточного региона.

Структура и стратегия фирм, внутриотраслевая конкуренция

По теории Портера, конкурентная позиция страны тесно связана с тем, как управляются национальные компании и какова их структура. Большая часть крупных саудовских фирм находится в руках правящей семьи, её близких родственников, то есть в руках государства. Из-за этого конкурентная среда королевства находится на достаточно низком уровне, что негативно отражается на процессе совершенствования продукции. А как подтверждается на практике, постоянные «трения» в кластерах отраслей заставляют компании проводить модернизацию продукции, вводить инновации, что в наше время является одной из движущих сил развития экономики страны.

Однако важно отметить следующий факт. Благодаря постоянству руководства фирм осуществляется долгосрочное планирование, что характеризует целевую направленность компаний на достижение результативности как минимум в среднесрочной перспективе, может быть, даже в ущерб сегодняшней прибыли [12].

Таким образом, в итоге анализа экономики Саудовской Аравии с применением методики «конкурентного ромба» Портера очевидными кажутся следующие выводы о том, что же является необходимым для повышения уровня конкурентоспособности Саудовской Аравии:

1. внедрение новых технологий, способствующих при наличии огромных факторных преимуществ страны дальнейшему развитию отраслей, основанных не на добывающей промышленности и не обрекающих страну на «нефтяное проклятие», связанное с рентным существованием экономики;
2. всестороннее развитие человеческого капитала, для чего, прежде всего, необходимо внедрение современных методов и способов обучения кадров, организации производства, т.к. в современных экономических реалиях, в эпоху четвёртой промышленной революции приоритетное значение начинает приобретать ресурс знаний;
3. развитие конкурентного соперничества производителей и поставщиков внутри страны;
4. поддержание производства, обеспечивающего экспортёров оперативной информацией;

¹³ Industrial clusters [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ic.gov.sa/en/> (дата обращения: 17.11.2017).

5. воздействие на совокупный внутренний спрос, его объём, динамику для дальнейшего успешного выхода на внешний рынок.

6. формирование новых инклюзивных институтов, способствующих усовершенствованию институциональной среды, следствием чего будет как улучшение инвестиционной привлекательности страны в целом, так и успешное развитие внутренних экономических процессов.

Вышеуказанные методы по увеличению конкурентоспособности королевства также являются релевантными и для других стран, зависимых от энергоресурсов. Например, Кувейт и Бахрейн также могли бы использовать данные методы для достижения данной цели. Катар, в свою очередь, уже осуществил большинство вышеуказанных задач, что позволило ему на данном этапе развития занять 25-ю позицию по уровню глобальной конкурентоспособности.

Данные выводы подтверждаются и при формулировке нижеследующих общих положений и выводов, являющихся результатом обобщения всего проведённого в статье анализа, из которого следует констатация наличия различных проблемных зон в социально-экономической сфере страны.

В результате проведенного анализа, представляется возможным, обобщая результаты исследования ситуации в КСА, сформулировать ряд положений и выводов, характерных не только для данного государства, но и для других стран-участниц современных международных отношений и международных процессов.

Во-первых, королевство испытывает нехватку собственных квалифицированных кадров, готовых грамотно управлять, решать насущные проблемы и усиливать мощь страны. Это связано с нерелевантностью созданной системы начального образования и недостаточным уровнем преподавания технических наук [20]. Данная проблема стоит достаточно остро и её разрешение необходимо прежде всего для снижения достигнувшей 30% безработицы среди молодёжи, что чревато нарастанием социальной напряжённости в обществе. Поэтому для того, чтобы саудовское население соответствовало требованиям современного рынка труда, необходимы меры не только по актуализации образовательного процесса, но и активизация широкомасштабных социально-культурных процессов, направленных на формирование новых ценностей, связанных с возможностями образования и ведущих к интеграции стран в общепланетарное культурное пространство, что также относится к области институциональных преобразований, столь необходимых не только этому государству, но и всем странам различных современных регионов, стремящихся повысить уровень благосостояния собственного населения, а также войти в передовой эшелон государств, определяющих современные международные процессы. В современных условиях формирование собственных конкурентоспособных кадров, котирующихся на международном рынке труда и обладающих всеми необходимыми знаниями и компетенциями для развития инновационных сфер производства, является одним из ключевых условий для построения мощного и независимого государства.

Во-вторых, низкая развитость наукоёмкого производства. Королевство импортирует большую часть технического оборудования [5]. Основываясь на актуальных данных, опубликованных на сайте статистической службы рассматриваемого государства в отчёте «Экспорт и импорт товаров Королевства Саудовская Аравия»¹⁴, можем отметить, что на декабрь 2017 г. в страну было импортировано технического оборудования на сумму 10,3 млрд саудовских риалов, что составляет почти 3 млрд американских долларов. Точно такая же тенденция прослеживалась и в 2016 г., когда на механизацию производства было потрачено \$2,5 млрд. Также слабыми местами королевства являются сфера продукции растительного происхождения и продукции животноводства (импорт в данном секторе преобладает над экспортом в два раза). Несмотря на развитие собственного производства продуктов питания, страна не может полностью обеспечить потребности населения. Представляется возможным предпринять следующие меры: сложившаяся ситуация может измениться в случае усиления стимулирования частного сектора за счёт его государственного финансирования и развития предпринимательской инициативы, а также в результате применения ряда институциональных мер по трансформации законодательных основ и улучшению институциональной среды с целью, *во-первых*, регулирования сферы рыночных отношений в королевстве для упрощения процесса основания коммерческих предприятий; и, *во-вторых*, с целью привлечения дополнительных иностранных инвестиций за счёт снижения внутренних экономических рисков.

Данные меры, по нашему мнению, смогут привести к укреплению конкурентных позиций саудовских компаний на международном рынке и к оформлению более независимого от внешнеэкономической конъюнктуры внутреннего рынка. Более того, в результате увеличения экспортных возможностей страны и снижения доли импортных товаров в дальнейшей перспективе улучшится бы сальдо торгового баланса страны, которое на январь 2018 г. было рекордным (на 50% экспорт преобладал над импортом). В течение 2017 г. экспорт саудовских товаров в среднем преобладал над импортом на 15–20%¹⁵. Однако не нужно упускать из внимания следующий, по нашему мнению, важнейший факт: 80% экспортируемой продукции Саудовской Аравии всё ещё остаётся нефть, доходы от которой за год увеличились на 21%, в результате повышения общемировых цен на энергоносители¹⁶ [3].

Тем не менее важно отметить значительную тенденцию роста экспорта товаров нефтяного сектора по отношению к импортируемым товарам. Данный показатель увеличился на 10% за календарный год, что можно считать существенным сдвигом, демонстрирующим тенденции диверсификации экономики стра-

¹⁴ Merchandise Exports and Imports of The Kingdom of Saudi Arabia [Электронный ресурс]. URL: https://www.stats.gov.sa/sites/default/files/ft_report_dec_2017_en.pdf (дата обращения: 07.04.2018).

¹⁵ Balance of trade [Электронный ресурс]. URL: https://www.stats.gov.sa/sites/default/files/bot_en_20.pdf (дата обращения: 07.04.2018).

¹⁶ Oil export [Электронный ресурс]. URL: https://www.stats.gov.sa/sites/default/files/oil_en_19.pdf (дата обращения: 07.04.2018).

ны. Развитие наукоёмких сфер производства в условиях четвёртой промышленной революции и формирования экономики знаний является актуальным для всего мирового сообщества. В данный процесс активно вовлечены прежде всего страны Западной Европы, Северной Америки и НИС, которые обладают значительными финансовыми возможностями для воплощения этого в жизнь. Именно поэтому менее развитым государствам необходимо создавать благоприятный инвестиционный климат для дальнейшего развития наукоёмкого производства.

В-третьих, это гендерная проблема, существующая на сегодняшний день в самых разных регионах мирового хозяйства – низкий уровень вовлечённости женского населения в экономический сектор страны. По последним данным, только 22% женщин трудоспособного возраста задействованы в рабочем процессе. Сложно поспорить с тем, что политический и экономический потенциал женщин и их новаторские идеи могут быть чрезвычайно полезными для трансформирующегося королевства. Важно отметить, что в 2017 г. женщинам в королевстве на законодательном уровне было разрешено водить автомобиль, что считается огромным прорывом, демонстрирующим изменение во внутренней политике страны по отношению к положению женского населения в арабском обществе. Увеличение уровня вовлечённости женского населения в различные области общественной жизни, а также реализация их потенциала являются ключевыми аспектами программы Saudi Vision – 2030. Невзирая на то, что женщины не ограничены в получении образования, даже их количество превалирует над мужчинами в школах и университетах, уровень безработицы среди молодого женского населения составляет почти 60%. Существует огромное количество барьеров, которые затрудняют их экономическую деятельность. В королевстве существуют следующие ограничения для женского населения: ограничения на поездки, доступ к финансированию, неравные права собственности и права наследования¹⁷. Пока данные проблемные зоны не будут искоренены, огромная часть населения – женщины – так и не смогут полноценно способствовать развитию экономики страны. К сожалению, данная практика распространена практически во всех странах, в которых основной религией является ислам. Преодоление данной проблемы является сложнейшей задачей современной культуры, потому что решить её можно только формированием новых институциональных инструментов, опирающихся на новые современные культурные ценности, способствующие осознанию важности женщины, её знаний и умений в современных реалиях, что позволит не только существенно увеличить производительность и конкурентоспособность экономики государства, в котором существует гендерное равенство, но и выведет современные международные процессы на более высокий уровень цивилизационного развития.

¹⁷ Empowering Saudi women can bring huge economic benefit [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thenational.ae/business/economy/empowering-saudi-women-can-bring-huge-economic-benefit-1.663708> (дата обращения: 07.04.2018).

В-четвёртых, особенности культурно-исторической и социально-политической модели формирования и функционирования власти в королевстве. Данные особенности во многом определяют уровень конкурентоспособности страны и далеко не всегда способствуют её повышению, потому что концентрация в руках правящей семьи Аль-Сауд большинства ключевых рычагов управления экономикой, в результате которой происходит активная монополизация экономического пространства, не способствует стремлению производителей к модернизации и повышению эффективности производства, чем и тормозит развитие конкурентоспособности экономики [6]. Тем не менее, за последние несколько лет ситуация начала изменяться. Создаётся модель партнёрства государства с бизнес-сообществами. Примечательно, что в последнем квартале 2017 г. вклад частного сектора в ВВП страны возрос на 0,5% по сравнению с прошлогодним показателем, тем самым составив 46% (это за 4-й квартал 2017 г., не за весь год). Для дальнейшего стимулирования предпринимательства правительство в 2018 г. вкладывает в данный сектор экономики \$19,2 млрд. Среди мер, объявленных в постановлении короля Салмана, касающихся данной темы, отметим следующие: субсидирование кредитов на предоставление жилья, инвестиции в новые технологии строительства, а также финансирование масштабных инициатив по модернизации инфраструктуры страны. К 2020 г. королевство планирует потратить более \$53 млрд на поддержание бизнес-структур Саудовской Аравии.

Исходя из вышеизложенного, с очевидностью следует, что, несмотря на огромные факторные преимущества, Саудовская Аравия не входит в тройку стран-лидеров по уровню конкурентоспособности в Ближневосточном регионе и занимает лишь 4-е место и 30-е место в мире. За последние годы королевство существенно сдало свои позиции и погрязло в долгах. Страдая от бюджетного дефицита, вызванного снижением цен на энергоносители, государство пытается изменить сложившуюся ситуацию, проводя структурные социально-экономические реформы. При удачной их реализации КСА, несомненно, сможет утвердить свои конкурентные позиции как в регионе, так и в мире, что позволит ему, обладая крупнейшей экономикой на Ближнем Востоке, увеличить доходность бюджета, устойчивость валюты, стабильность роста ВВП и благосостояния населения. Сохраняется необходимость продолжения и оптимизации реформирования экономики, итогом которого может стать избавление страны от «нефтяного проклятия», что возможно прежде всего при проведении серьёзных институциональных изменений, направленных на улучшение инвестиционного климата – как внешнего, так и внутреннего, что может способствовать развитию обрабатывающих отраслей промышленности, а также на оптимизацию фискальной и монетарной деятельности государства.

Однако данные выводы имеют не только и не столько прикладное значение, относящееся сугубо к Саудовской Аравии. Все эти проблемы в той или иной мере свойственны большинству стран не только рассматриваемого региона, но

и планетарного масштаба, что свидетельствует об огромной взаимозависимости и взаимодействии современного экономического и геополитического пространства.

Список литературы:

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Процветание власти, процветание нищеты. М.: АСТ, 2016. 720 с.
2. Буровцев М.В. Трудовая миграция в Саудовской Аравии: тенденции и особенности развития. М.: Академия труда и социальных отношений, 2014. С. 137-143.
3. Дударев К. Саудовская Аравия. XXI век родине ислама: от «всемирной бензоколонки» к «лаборатории инноваций и совершенства». М.: Недра, 2015. 419 с.
4. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: реформы и стабилизация // Россия в глобальной политике. 2005. №5. С. 25-38.
5. Костоева Ж.И. Проблема формирования системы образования в Саудовской Аравии. М.: Институт Ближнего Востока, 2009. 248 с.
6. Левин З.И. Инновации и традиции в динамике модернизации арабского общества. М.: Институт Ближнего Востока, 2009. 248 с.
7. Макализ Д. Экономика бизнеса. Конкуренция, макростабильность и глобализация. М.: Бином, 2014. 696 с.
8. Миних В. Саудовская Аравия в поисках будущего короля. Новое Восточное Обозрение. 2016. №9. С. 1-3.
9. Наумкин В.В. Аравия в конце 20-х годов: успехи централизаторской миссии Ибн Сауда. М.: ИВ РАН, 2013. 207 с.
10. Овчинников В. В. Глобальная конкуренция. М.: Институт экономических стратегий, 2011. 360 с.
11. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М.: Международные отношения, 2011. 947 с.
12. Роузфилд С. Сравнительная экономика стран мира: культура, богатство и власть в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2012. 432 с.
13. Сейранян Б.Г., Исаев В.А., Филоник А.О. Становление государственности Аравийских монархий: исторический аспект и модернизационные тенденции. М.: ИВ РАН, 2013. 179 с.
14. Филоsoфова Т.Г., Быков В.А. Конкуренция. Инновации. Конкурентоспособность. М.: Юнити-Дана, 2014. 296 с.
15. Хамамдех М. Саудовская Аравия: проблемы либерализации экономики, базирующейся на нефти. М.: Востоковедный сборник, 2001. 374 с.
16. Яковлев А.И. Модернизация Саудовской Аравии: итоги и перспективы в начале XXI века. М.: Восточная аналитика, 2011: 48-58.
17. Champion D. The Paradoxical Kingdom: Saudi Arabia and the Momentum of Reform. Columbia University Press, 2003. 320 p.
18. Haykel B., Hegghammer T., Lacroix S. Saudi Arabia in Transition: Insights on Social, Political, Economic and Religious Change. Cambridge University Press, 2015. 357 p.
19. Lacey R. Inside the Kingdom: Kings, Clerics, Modernists, Terrorists, and the Struggle for Saudi Arabia. Penguin, 2009. 448 p.
20. Le Renard A. Society of Young Women: Opportunities of Place, Power, and Reform in Saudi Arabia. Stanford University Press, 2014. 224 p.
21. Ramady M.A. The Saudi Arabian Economy: Policies, Achievements, and Challenges. Springer US, 2010. 512 p.

Об авторах:

Тамара Васильевна Науменко – д.филос.н., профессор экономики, профессор Факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 119992, г. Москва, ГСП-2, МГУ, Ленинские горы, д.1, стр.51, 1-ый ГУМ. E-mail: t-naumenko@yandex.ru.

Кирилл Владимирович Тимахов – магистрант Факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: t-naumenko@yandex.ru.

SAUDI ARABIA'S ECONOMIC COMPETITIVENESS IN THE MIDDLE EAST

T.V. Naumenko, K.V. Timakhov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-1-64-147-167

Lomonosov Moscow State University. The faculty of Global Studies

Abstract: Saudi Arabia is one of the key economic players in the Middle East with a number of competitive advantages. The article analyzes these advantages as well as disadvantages and identifies measures to improve the competitive potential of Saudi Arabia. Methodologically it employs the Porter's «diamond model». Cultural, historical and socio-political trends in Saudi Arabia increase the complexity of reforming the economy and increasing its competitiveness. The current reforms are insufficient to improve the quality of human capital. Existing economic and political institutions need to be reformed. There is an obvious problem of low women's employment. Despite the fact that Saudi Arabia occupies only the 4th place on the regional competitive index table, authors see ways to strengthen this indicator of the Kingdom's economy. The most decisive factor in this regard as argued by the authors is the elimination of state institutional problems which are chiefly responsible for low competitiveness of the economy.

Key words: Saudi Arabia, Middle East, the oil industry, the development trend, the index of global competitiveness, competitive advantages, the «oil curse», the institutional environment, the «competitive rhombus» of Porter, factor analysis, human capital.

References

1. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Currency Publ., 2013. 544 p. (Russ. ed.: Adzhemoglu D., Robinson Dzh.A. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye*. Procvetanie vlasti, procvetanie nishchety. Moscow, AST Publ., 2016. 720 p.)
2. Burovcev M.V. *Trudovaya migraciya v Saudovskoj Aravii: tendencii i osobennosti razvitiya* [Labour migration in Saudi Arabia: trends and development features]. Moscow, Akademiya truda i social'nyh otnoshenij Publ., 2014. Pp. 137-143. (In Russian)
3. Dudarev K. *Saudovskaya Araviya. XXI vek rodine islama : ot «vsemirnoj benzo-kolonki» k «laboratorii innovacij i sovershenstva»* [Saudi Arabia. XXI century of the birthplace of Islam: from the «world gas station» to the «laboratory of innovation and excellence»]. Moscow, Nedra Publ., 2015. 419 p. (In Russian)
4. Kosach G.G. *Saudovskaya Araviya: reformy i stabilizaciya* [Saudi Arabia: Reforms and Stabilization]. *Russia in global affairs*, 2005, no. 5, pp. 25-38. (In Russian)
5. Kostoeva ZH.I. *Problema formirovaniya sistemy obrazovaniya v Saudovskoj Aravii* [The problem of formation of the education system in Saudi Arabia]. Moscow, Institut Blizhnego Vostoka Publ., 2009. 248 p. (In Russian)
6. Levin Z.I. *Innovacii i tradicii v dinamike modernizacii arabskogo obshchestva* [Innovations and traditions in the dynamics of modernization of the Arab society]. Moscow, Institut Blizhnego Vostoka Publ., 2009. 248 p. (In Russian)
7. Makaliz D. *Ehkonomika biznesa. Konkurenciya, makrostabil'nost' i global-*

- izaciya [Business Economics. Competition, macro stability and globalization]. Moscow, Binom Publ., 2014. 696 p. (In Russian)
8. Minih V. Saudovskaya Araviya v poiskah budushchego korolya [Saudi Arabia is in search of the future king]. *Novoie vostochnoie obozrenie*, 2016, no. 9, pp. 1-3. (In Russian)
9. Naumkin V.V. *Araviya v konce 20-h godov: uspekhi centralizatsionnoy missii Ibn Sauda* [Arabia in the late 20-ies: the success of the centralization mission of Ibn Saud]. Moscow, Institut vostokovedenia RAN Publ., 2013. 207 p. (In Russian)
10. Ovchinnikov V.V. *Global'naya konkurenciya* [Global competition]. Moscow, Institut ekonomicheskikh strategii Publ., 2011. 360 p. (In Russian)
11. Porter M. *Mezhdunarodnaya konkurenciya. Konkurentnye preimushchestva stran* [International competition. Competitive advantages of the countries]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2011. 947 p. (In Russian)
12. Rouzfeld S. *Sravnitel'naya ekonomika stran mira: kul'tura, bogatstvo i vlast' v XXI veke* [Comparative Economic Systems. Culture, Wealth and Power in the 21st Century]. Moscow, Rosspehn Publ., 2012. 432 p. (In Russian)
13. Seiranyan B.G., Isaev V.A., Filonik A.O. *Stanovlenie gosudarstvennosti Araviiskih monarhii: istoricheskii aspekt i modernizacionnyye tendentsii* [Formation of statehood of Arabian monarchies: historical aspect and modernization tendencies]. Moscow, Institut vostokovedenia RAN Publ., 2013. 179 p. (In Russian)
14. Filosofova T.G., Bykov V.A. *Konkurenciya. Innovatsii. Konkurentosposobnost'* [Competition. Innovation. Competitiveness]. Moscow, YUniti-Dana Publ., 2014. 296 p. (In Russian)
15. Hamamdeh M. *Saudovskaya Araviya: problemy liberalizatsii ekonomiki, baziruyushcheysya na nefti* [Saudi Arabia: problems of liberalization of the economy based on oil]. Moscow, Vostokovedny sbornik Publ., 2001. 374 p. (In Russian)
16. Yakovlev A.I. *Modernizatsiya Saudovskoi Aravii: itogi i perspektivy v nachale XXI veka* [Modernization of Saudi Arabia: results and prospects at the beginning of the 21st century]. Moscow, Vostochnaia analitika Publ., 2011. Pp. 48-58. (In Russian)
17. Champion D. *The Paradoxical Kingdom: Saudi Arabia and the Momentum of Reform*. Columbia University Press Publ., 2003. 320 p.
18. Haykel B., Hegghammer T., Lacroix S. *Saudi Arabia in Transition: Insights on Social, Political, Economic and Religious Change*. Cambridge University Press Publ., 2015. 357 p.
19. Lacey R. *Inside the Kingdom: Kings, Clerics, Modernists, Terrorists, and the Struggle for Saudi Arabia*. Penguin Publ., 2009. 448 p.
20. Le Renard A. *Society of Young Women: Opportunities of Place, Power, and Reform in Saudi Arabia*. Stanford University Press Publ., 2014. 224 p.
21. Ramady M.A. *The Saudi Arabian Economy: Policies, Achievements, and Challenges*. Springer Publ., 2010. 512 p.

About the authors:

Tamara V. Naumenko – Doctor of Philosophy, Professor of Economics, Professor of the Lomonosov Moscow State University, The faculty of Global Studies. 119992, Moscow, 1, Leninskiy gory, build. 51, 1-st GYM, GSP-2, MSU, Russia. E-mail: t-naumenko@yandex.ru.

Kirill V. Timakhov – master's degree student of the faculty of global processes of Lomonosov Moscow State University. E-mail: t-naumenko@yandex.ru.

ПО ТУ СТОРОНУ ВОДОРАЗДЕЛА

Е.Г. Пономарева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на книгу: Фурсова А.И. Водораздел. Будущее, которое уже наступило. М.: Книжный мир, 2018. 349 с.

Ключевые слова: мировая политика, Россия, США, Европа, БРИКС, кризис капитализма, марксизм.

Очередная книга известного не только в нашей стране, но за рубежом историка – академика Международной академии наук со штаб-квартирой в Инсбруке – А.И. Фурсова посвящена, как бы сказал классик, «архиважным» проблемам современности, отражающим не столько текущую реальность, сколько определяющие тенденции будущих трансформаций. В современных сверхинформативных и турбулентных условиях для настоящего аналитика такой – тенденционный (от слова «тенденции») подход – является крайне востребованным не только в научном сообществе, но и в сферах практической политики. Слова дипломата и разведчика, руководителя резидентуры Управления стратегических служб США в Берне во время Второй мировой войны и директора Центральной разведки (1953-1961) А. Даллеса, сказанные в 1960-е гг., с годами лишь усилили свое значение: «Человек может не всегда правильно оценить информацию, но может уловить тенденции и сделать правильные выводы» [1, с. 6].

Мир, в котором мы живём, «переживает перманентную трансформацию. Начавшись в конце 1980-х гг. с деструкции мировой системы социализма, этот процесс прошёл в своём развитии несколько стадий» [3, с. 38]. Последнее десятилетие было отмечено постепенной, но целенаправленной разбалансировкой всей системы международных отношений. Произшедшие сдвиги, связанные в значительной степени с уничтожением суверенных государств на периферии капитализма (этот процесс серьёзно ускорила «арабская весна») и с «сжатием» суверенных прерогатив в его ядре, зеркальным образом отразились на

УДК 323.3

Поступила в редакцию 29.12.2018 г.

Принята к публикации 20.01.2019 г.

ситуации в европейских странах и в России. Кризисные явления (в экономической, социальной, информационной, политической, военной сферах) суммировались в глобальный «кризис-матрёшку» [5, с. 217], который кардинально изменил образ «старого» мира и создал предпосылки для нового его качества. Что случится быстрее в обозримом будущем: демонтаж капитализма «сверху» или его уничтожат «новые гунны»? Удастся ли при этом избежать глобальной катастрофы? Произойдёт ли «политическое усиление государства через его онтологическое ослабление» [6] или этот «особый исторический субъект» (с. 14) умрёт вместе со своим родоначальником – капитализмом? Как пройти России «бутылочное горлышко» глобального кризиса, обрести мощь и сохранить самость в грядущем посткапиталистическом мире? Ответы на эти и целый ряд других вопросов автор даёт, с одной стороны, на основе панорамной картины развития мира в целом. С другой – фиксируя тенденции эволюции таких гигантов мировой политики, как Индия, Китай, США и, конечно же, Россия. Особо следует отметить, что анализ даётся с учётом материалов обширного пласта новейших англо-американских и французских исследований, практически не известных отечественным учёным. Эти работы, благодаря А.И. Фурсову, вводятся в наш научно-информационный оборот. Есть в книге и третья линия, тесно связанная с будущим, настоящим и прошлым, это Маркс и его наследие – 5 мая 2018 г. исполнилось 200 лет со дня рождения этого мыслителя. В частности, преодоление многих трудностей, подстерегающих нашу страну «по дороге в будущее – 2.5» [4], невозможно без глубокого и критического знания марксизма.

Концептуальное наполнение выражено не только в тексте работы А.И. Фурсова, но и в названии. «Водораздел» – эпоха, начавшаяся в 1960-е гг. и завершающаяся на наших глазах терминальным, по мнению автора этого понятия, кризисом капитализма. Эта «хронозона, ...хронополоса делит нисходящую фазу позднекапиталистического развития на эволюционную (при всех войнах и революциях) и революционную – в смысле: терминальную, летальную, которая и будет финалом капитализма» (с. 25).

Несколько слов о конкретных геополитических зонах эпохи Водораздела. В двух статьях, посвящённых США, основное внимание уделяется исторической мутации буржуазии – высшего класса и верхнесреднего слоя, – превращающейся в необуржуазию («бобо-элиту»), главного агента финансиализированного капитализма. Контрагентом «бобо-элиты» всё больше выступает не рабочий класс, не пролетариат, а прекариат – «принципиально новая социальная группа, прото/квазикласс» (с. 61), отдалённо напоминающий «опасные классы» Западной Европы 1750–1850-х гг. Общая черта новых верхов и новых низов – бескультурье, деградация культуры, превращающая их во «всадников капиталистического апокалипсиса». Появление в условиях глобализации нового термина – «прекариат» – не случайно. «Precarious (по-английски «хрупкий») означает уязвимость, хрупкость существования больших масс людей, атомизацию общества, что фактически ведёт к его архаизации и постепенному уничтожению» [2,

с. 12-13]. Прекариат – это работники, нанимаемые на непостоянную, сезонную, низкооплачиваемую работу; без каких-либо социальных обязательств, страховок и иного необходимого корпуса гарантий социальной защиты. «Прекариев, строго говоря, нельзя считать ни работающими, ни безработными. Это политэкономический мутант эпохи позднего, умирающего капитализма» (с. 61). Эта масса людей случайного заработка, возведённого в норму и ставшая основой глобальной системы, существует вне социального времени данной системы, а значит, рано или поздно они могут стать её «могильщиками». Однако в отличие от пролетариата, которому было нечего терять, кроме своих «цепей» и которым руководила партия нового типа, прекариат привык к относительно легкому труду и комфорту общества потребления. Прекариат – иной, принципиально иной, как бы сказал Н. Бухарин, «человеческий материал».

Процессы, аналогичные американским, протекают и в Западной Европе. Однако здесь они отягощены по сути умиранием европейской культуры и цивилизации. В книге это ярко показано на примерах Великобритании, Франции, Германии и Швеции. Ситуация усугубляется этно-религиозным и расово-культурным размыванием Запада (автор называет его Постзападом) под «знамёнами» мультикультурализма, мультиэтничности и толерантности. «“Бремя белого человека” оказалось слишком тяжёлым, неподъёмным для европейцев рубежа XX–XXI вв. Между началом эвакуации римских легионов с лимеса Римской империи и фактическим крушением последней прошло (в зависимости от того, как считать) около трёх столетий. Со времени ухода европейцев из колоний прошло (если вести отсчет от рубежа 1950–1960-х гг. и «забыть» о португальских и некоторых других колониях) не более шести десятков лет, но ныне время летит намного быстрее, чем полторы тысячи лет назад, и бывшие «колонизуемые», точнее, их дети и внуки уже мирно захватывают бывшие метрополии. Если дело и дальше пойдёт с такой скоростью, то к концу XXI в. всё будет конечно, и Шпенглер, считавший, что XXI в. будет для Европы последним, окажется прав. Впрочем, уже сейчас видно, что он, скорее всего, прав. *Sic transit gloria mundi*» (с. 206).

Если Запад – США и Западная Европа – в виде (уже) Постзапада сходят со сцены, то кто идёт на смену? Китай, Индия, «Киндафрика», страны БРИКС? А.И. Фурсов призывает не испытывать по поводу БРИКС никаких иллюзий. Во-первых, это объединение не представляет собой целого – между странами идёт довольно острая конкуренция. Во-вторых, связи стран БРИКС с Западом, ядром капиталистической системы намного более тесные и намного более важны для них, чем связи между собой. В-третьих, самим фактом своего существования БРИКС работает на ядро капиталистической системы, продлевая его жизнь, а вовсе не вытесняя его в качестве альтернативы, которой БРИКС не является (с. 271-273).

А что же Россия? «Эпоха господства Запада, – пишет А.И. Фурсов, – была кратким мигом в истории нынешней планетарной цивилизации. Но даже в эту

эпоху была страна, так и не покорившаяся этому господству и создавшая собственную версию великой европейской культуры и неоднократно бывшая этот Запад – Россия. И вышло так, что сегодня именно Россия оказывается по сути последним оплотом европейских ценностей, защищая их от Постзапада с его постправдой, постморалью и постбытием, борется с Постзападом за европейскую цивилизацию» (с. 207). За последнюю четверть века, считает автор, в противостоянии Западу Россия сдала немало позиций – но не все. Самой острой и потенциально самой опасной проблемой РФ, по мнению автора книги, является рост социального неравенства и социальной несправедливости. К тому же, по его мнению, у страны без идеологии нет будущего. Неслучайно одно из своих интервью А.И. Фурсов так и назвал: «Удел тех, у кого нет идеологии, – пикник на обочине истории»¹.

Однако отсутствие не только идеологии сталкивает те или иные слои, группы и страны в пропасть истории. Большая опасность – отсутствие научной теории, адекватно объясняющей мир и выступающей фундаментом того, что автор «Водораздела» называет самым мощным оружием в психоисторической войне, – реальной картины мира. В связи с этим логично обращение учёного к теме марксизма как идеологии и к тому, что представляется ему не менее, а возможно и более важным – научной теории, эпистемологии (научной программе) и методологии Маркса.

В книге показано, как переломное время в развитии капитализма – «длинные пятидесятые годы» (1848–1867/73) XIX в. – сформировали научную программу Маркса, придав ей большую теоретичность, большой эвристический потенциал по сравнению со схемами, характерными для либерализма и консерватизма. В то же время выявлен ряд некритических заимствований Марксом у буржуазного либерального обществоведения. Помимо прочего, именно эти заимствования обострили противоречие между системой Маркса и его методом, который, особенно в доработке его своим учителем В.В. Крыловым, А.И. Фурсов считает весьма плодотворным и в качестве научного инструмента, и в качестве средства психоисторической борьбы. А потому завершаются размышления о Марксе следующим утверждением: «...мы ещё повоюем за Маркса, с Марксом, против Маркса и посредством Маркса» (с. 316). С кем повоюем? С давящим всё сильнее на Россию Постзападом. Но так ли силён «мировой жандарм»? А.И. Фурсов в этом сомневается и завершает книгу так: «...нынешний Постзапад во многом напоминает гнилую стену – ткни и развалится. Надо только знать куда ткнуть и как – так, чтобы не рухнул обвалом, а рушился постепенно, но неотвратимо – и чтобы было ему не до нас. Наконец, есть замечательный принцип дзюдо: использовать силу противника против него самого. Много чего есть. Но главное, что должно быть – это воля. Воля жить, бороться и побеждать (с. 348).

¹ Фурсов А.И. Удел тех, у кого нет идеологии, – пикник на обочине истории // Культура. 2 декабря 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://portal-kultura.ru/articles/best/72658-andrey-fursov-udel-tekh-u-kogo-net-ideologii-piknik-na-obochine-istorii/> (Дата обращения: 20.01.2019 г.)

Новая книга А.И. Фурсова – не только серьёзное научное исследование, написанное легко, в публицистической форме, но и остро полемический текст, который, конечно же, вызовет и восхищение, и споры, и несогласие. Однако, как любит говорить сам автор, цитируя своего хорошего знакомого, замечательного учёного Ференца Фехера, «именно несогласие делает жизнь стоящей штукой».

Список литературы:

1. Галин В.В. Война и революция. М.: Алгоритм, 2004. 592 с.
2. Пономарева Е.Г. Трансгресс глобализации, или «Игра с нулевой суммой» // Обозреватель. 2018. № 4 (339). С. 5-21.
3. Пономарева Е.Г., Рябинин Е.В. «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса // Обозреватель. 2015, № 12 (311). С. 38-51.
4. Торкунов А.В. По дороге в будущее – 2.5. М.: Аспект Пресс, 2017. 648 с.
5. Фурсов А.И. Вперед, к Победе! М.: Книжный мир, 2014. 320 с.
6. Харкевич М.В. Политическое усиление государства через его онтологическое ослабление // Полис. 2012. № 5. С. 122-129.

Об авторе:

Елена Георгиевна Пономарева – д. полит. н., профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

E-mail: nastya304@mail.ru.

ON THE OVER SIDE OF WATERSHED

E.G. Ponomareva

DOI 10.24833/2071-8160-2019-1-64-168-173

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: Review of the book by Fursov A.I. Watershed. A future that has already come. Moscow, Book World, 2018. 349 p. (in Russian)

Key words: world politics, Russia, USA, Europe, BRICS, crisis of capitalism, Marxism.

References:

1. Galin V.V. *Voyna i revolyuciya* [War and Revolution]. Moscow, Algoritm. 2004. 592 p. (In Russian).
2. Ponomareva E.G. Transgress globalizacii, ili «Igra s nulevoj summoj» [Transgression of Globalization, or «Zero-sum Game»] *Obozrevatel' – Observer*. 2018, no 4 (339), pp. 5-21. (In Russian).
3. Ponomareva E.G., Ryabinin E.V. «Czvetny'e revolyucii» v kontekste strategii upravlyaemogo xaosa [“Color revolutions” in the context of the “managed chaos” strategy] *Obozrevatel' – Observer*. 2015, no 12 (311), pp. 38-51. (In Russian).
4. Torkunov A.V. *Po doroge v budush-*

- hee-2.5* [On the way to the future-2.5]. Moscow, Aspekt Press, 2017. 648 p. (in Russian).
5. Fursov A.I. *Vpered, k Pobede!* [Forward to Victory]. Moscow, Book World, 2014, 320 p.
6. Kharkevich M.V. *Politicheskoe usilenie gosudarstva cherez ego ontologicheskoe oslablenie* [Political strengthening of the state through its ontological weakening] Polis, 2012, no 5, pp. 122-129. (In Russian).

About the author:

Elena G. Ponomareva – Doctor of Science (Political Sciences), Professor of Comparative Politics Department of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation. 76 Prospect Vernadskogo, room 3026, Moscow, Russian Federation, 119454.
E-mail: nastya304@mail.ru.